

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук
Отдел специальных исторических дисциплин
Центр гербоведческих и генеалогических исследований

На правах рукописи

Староскольская Дарья Сергеевна

**Распространение блазона как специального языка геральдики в
текстах XII-XIII вв.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических
наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
Черных Александр Петрович

Москва, 2019

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Появление и развитие геральдики в XII-XIII вв.	39
§ 1. Предпосылки происхождения геральдики	39
§ 2. Язык геральдики	51
ГЛАВА II. Блазон XII-XIII вв.	67
§ 1. Таксономические термины	67
§ 2. Блазонные термины	72
§ 3. Грамматика блазона	85
ГЛАВА III. Блазон в нарративе XII-XIII вв.	97
§ 1. До появления гербовников	97
§ 1.1. Артурианский цикл Кретьена де Труа (1170-1190)	111
§ 1.2. «Турнир Антихриста» Гюона де Мери (1230-1240)	130
§ 2. После появления гербовников	136
§ 2.1. «Турнир в Шованси» Жака Бретеля (1275)	139
§ 2.2. «Песнь об осаде Кэрлаверока» (1300)	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЯ	158
Приложение I. Сводная таблица терминов из гербовников XIII в.	171
Приложение II. Основные геральдические термины	183
Приложение III. Блазоны «Турнира Антихриста»	191
Приложение IV. Блазоны «Турнира в Шованси»	207

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Появившись в XII в. в рыцарской среде, гербы быстро распространились по всей Европе, став неотъемлемой частью средневекового общества и охватив все его слои и страты¹. Уже к XIII в. геральдика стала универсальным языком общения. Последующее появление гербовников как отдельного и специфического жанра документов, практически лишённого текста, позволило графически представлять группы людей, объединённых неким принципом, будь то географическая общность или какое-либо значимое событие. Однако такой способ фиксации не позволял внести в список персону, не имевшую герба. Подобная необходимость повлекла за собой создание гербов для целого ряда исторических и легендарных персонажей². Наличие герба стало обязательным для существования внутри средневекового европейского общества. Очевидно, что гербы стали для Средневековья культурным кодом, феноменом столь важным, что геральдику имеет смысл рассматривать не просто как «вспомогательную дисциплину», необходимую только для определения принадлежности человека к роду по гербу, но в качестве важного инструмента историка и самостоятельного направления исследования.

Между тем место гербоведения внутри исторической науки остается по-прежнему неопределённым. Несмотря на общий рост интереса на волне позитивизма, давший толчок к развитию многих специальных исторических дисциплин: нумизматики, сигиллографии и т.д., путь геральдики к признанию ее неотъемлемой частью, если не исторических в целом, то, по крайней мере, медиевистских исследований, оказался тернист. Геральдика,

¹ *Pastoureau M. Traité d'héraldique. Paris: Picard, 1993. P. 300.*

² *Антонов В.А. Воображаемые и приписываемые гербы в свете умозрения Средневековья // Signum. Вып. 8. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 87-90.*

сформировавшаяся как «особое знание» еще в Средние века, в Новое время долго не могла найти свое место даже в качестве вспомогательной дисциплины. Бытовало мнение, что она всего лишь «стенография (“shorthand”) исторических событий, и относиться к изучению ее исторических реалий стоит так же как к изучению мертвых языков³». Во Франции такое положение дел сохранялось до середины XIX в.⁴ Много усилий было потрачено гербоведом и эрудитами на то, чтобы доказать важность самостоятельного исторического геральдического исследования. Проблема эта не решена до сих пор.

Тем не менее, исследователи XX в. представили новую систему взглядов на геральдику, отразив значительные изменения как в отношении к гербам как культурному феномену, так и в подходах к их изучению. В современном гербоведении наметилось несколько новых направлений исследований, характеризующихся постановкой новых вопросов, выходящих из привычной канвы геральдических исследований. Эти направления формируются под воздействием общей тенденции обращения исторической науки к микро- и макроистории, истории социальной, ее стремления к междисциплинарности.

Исследование гербовников предыдущими поколениями историков, как правило, сводилось к атрибуции содержащихся в них гербов. Над манускриптами работали гербоведы, палеографы, кодикологи. Их усилиями удалось установить многие факты создания геральдических памятников, уточнить их датировку, связать с определенными личностями или историческими событиями, однако контекстного анализа в их работах практически нет. Неудивительно, что дальнейшее развитие вопросов

³ *Fox-Davis A.* A Complete Guide to Heraldry. London, Edinburgh: T.C. & E.C. Jack 1909. P. IX-XII.

⁴ *Черных А.П.* Французское гербоведение в XX в. // *Signum*. Вып. 6. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 34-35.

гербоведения зашло в тупик, связанный в первую очередь с ограниченным количеством источников. После описания и атрибуции гербов в имеющихся памятниках, далее двигаться было некуда.

В современных же исследованиях во многом предметом становятся не сами гербы, но их окружение, люди, их создававшие и носившие, условия и среда, в которых это происходило, их лингвистические, культурологические и социальные аспекты. По-новому переосмысливается роль герба в средневековом обществе. Сам факт появления геральдики рассматривается не как одномоментное событие, но долгий процесс, который также необходимо поместить в контекст исторических событий. При таком подходе особо остро встает вопрос периодизации геральдики и необходимость понимания ее исторических особенностей на каждом этапе развития. Популярная мысль английских геральдистов и интеллектуалов Нового и Новейшего времени о преемственности геральдики современной и средневековой для многих исследователей сделала неочевидной границу между ними. А. Фокс-Дэвис критиковал современных и предшествующих авторов за недооценивание геральдики, отношение к ней как к пережитку истории, и связанным с этим излишним доверием к ранним авторам, чьи мнения были подчас никак не обоснованы или просто не подходили для современного гербоведения. А. Фокс-Дэвис призывал исследователей к критическому и более аккуратному отношению к источникам, к попытке отделить истинные факты от фантазий и мифов, которыми были пронизаны все средневековые работы. И более того, призывал не забывать, что геральдика – явление живое и развивающееся⁵.

При рассмотрении геральдики в ее развитии, на передний план выходит вопрос о ее происхождении и кодификации на самом раннем этапе существования в XII в., так как именно тогда сформировались основные характеристики будущей знаковой системы, изначально довольно

⁵ *Fox-Davis A. Op. cit. P. IX-XII.*

подвижной, но ставшей стабильной и устойчивой уже к моменту появления первых гербовников в середине XIII в. Особой сложностью в работе с этим периодом является отсутствие текстовых источников, из-за чего самый важный период в развитии геральдики остается, как принято считать, практически непознаваемым.

Обращаясь к теме происхождения гербов, М. Пастуро, ведущий современный французский историк-гербовед, в 1976 г. отметил, что, несмотря на множество исследований, посвящённых этому вопросу, проблема далека от ясности. Главной причиной этого он полагал комплексность общей для всей средневековой цивилизации проблемы, которая требует совокупного, а не отдельного использования источников⁶. Ввиду этого становится очевидной необходимость как привлечения новых источников, так и переосмысления работы с имеющимися.

Основной массив привлеченных к этому исследованию текстовых источников составляют гербовники XIII в. Само неожиданное, но столь массовое появление этого абсолютно нового типа документов во второй половине XIII в. поставило перед историками нетривиальные исследовательские задачи. Существуют различные версии о том, с какой целью они создавались. Логика подсказывает, что рисованные свитки вроде гербовника Деринга, содержащие изображения гербов, наиболее вероятно представляли собой предметы роскоши, не имевшие практического применения из-за сложности использования и стоимости⁷. Такие источники, воспринимаемые зачастую как основные и привлекающие своей красочностью, тем не менее, так же не могут ничего рассказать о самих гербах и контексте их бытования.

⁶ *Pastoureau M. L'apparition des armoiries en Occident. État du problème // Bibliothèque de l'École des chartes. 1976. Т. 134. Р. 281.*

⁷ *Рыжова Д.С. Гербовник как инструмент политического влияния в эпоху Эдуарда I // Signum. Вып. 9. (Отв. ред. А.П. Черных). М., 2017.*

Однако на самом раннем этапе существования этого вида источников появились гербовники, не содержавшие никаких изображений – гербовники блазонные⁸. Обращение именно к ним может дать ключ к пониманию функционирования геральдики в XIII в. Ранний блазон – геральдический язык – относительно мало изучен. Он может быть использован в качестве инструмента изучения имеющихся и позволит привлечь новые источники, которые могут способствовать нашему пониманию процессов складывания геральдического знания. Можно предположить, что именно эти тексты являлись рабочим материалом, моментальными записями, черновиками перед созданием трудоемких и дорогих рисованных гербовников. Эти тексты, пусть и не содержат практически никаких иных сведений о геральдике как о системе, кроме конкретного перечня-списка гербов, тем не менее, дают возможность «услышать» их автора, язык, на котором он говорил, увидеть принцип его работы, различия между разными подходами к созданию этих документов. Даже сам вопрос авторства – интересная исследовательская задача. Таким образом, исследование исторического контекста появления не только самой геральдики, но ее служебного языка – блазона – как средневекового феномена, имеет значительный исследовательский потенциал.

Привлечение подобного рода источников ставит и новый параллельный вопрос о происхождении и становлении блазона как вербальной формы существования герба, который длительное время бытовал только в устной практике. Эта задача нерешаема на материале визуальных памятников, работа с блазоном в устной форме также невозможна. Единственным подходом к исследованию блазона могут стать первые попытки его кодификации, которые прямым или косвенным образом могли быть запечатлены в текстах XII в.

⁸ Черных А.П. Блазон // Российская историческая Энциклопедия. Т. 3. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2016. С. 6–7.

Действительно, самые ранние гербовники показывают, что на момент их появления блазон и его терминология уже представляли собой сложившийся массив, ряд свидетельств даже говорит о том, что эти знания были доступны непрофессионалам. На протяжении всего существования устного блазона он тем или иным образом проявлялся в упоминаниях в негеральдической литературе. Работа с нарративными источниками XII–XIII вв. в данном свете видится одним из перспективных направлений геральдического исследования, способных пролить свет на «темный век» геральдики, который, как принято считать, исследовать далее невозможно. Привлечение лингвистических методов работы в рамках исторического исследования может помочь решить проблему отсутствия прямых письменных источников и сделать возможным восстановление событийного контекста происхождения и применения гербов, из которого они по сей день выпадали.

Поскольку задачей исследования является изучение самого раннего периода существования геральдики, следует ограничить круг источников текстами, созданными на французском языке в период с начала XII до начала XIV вв., которые и станут **объектом исследования**. Принято считать, что о существовании геральдики можно говорить начиная с первой трети – середины XII в.⁹, таким образом, анализ текстов этого времени необходим для определения лексической базы, из которой сложилась номенклатура блазона. Гербовники XIII в. уже показывают относительную лексическую устойчивость, и все изменения, происходящие в ней уже более понятны с лингвистической точки зрения и отслеживаются благодаря достаточному количеству референтных текстов. Этими факторами определяются **хронологические рамки** исследования.

Предметом исследования являются геральдические языковые конструкции и отдельные термины, встречающиеся как в гербовниках, так и

⁹ *Pastoureau M. Traité d'héraldique. P. 300.*

в текстах негеральдического характера, также их информационный потенциал, который позволит определить, кто мог являться носителем геральдических знаний, насколько широкому кругу лиц они были доступны и понятны.

Методология и методы исследования

Сложностью работы в этой области является обусловленная темой междисциплинарность. Для проведения историко-лингвистического анализа необходимо хорошее знание геральдической номенклатуры и достаточные знания о функционировании языка как системы. Так как блазон складывается из национального бытового языка, зачастую не всегда возможно определить, является ли лексема, употребленная в отношении герба, еще просто эпитетом или уже определенным устоявшимся термином. Тщательный анализ и сравнение частотности употребления слов и конструкций в их прямом и геральдическом значении поможет получить представление о возрастании степени кодифицированности блазона с XII по XIII вв. и доступности его для понимания широким кругом лиц.

Для этого планируется составление сводной таблицы всех геральдических терминов, использованных в гербовниках XIII в. Анализу необходимо подвергнуть и грамматическую составляющую блазона. Для этого необходимо ввести понятие *блазонной фразы*, под которой подразумевается особая синтаксическая конструкция, отличающая блазон от обычного, неформализованного описания герба¹⁰. На основе лексических, морфологических и синтаксических особенностей блазона предполагается выработать критерии, по которым блазон можно будет определить. Применяя эти критерии к негеральдическим текстам, содержащим описания гербов, планируется решить, какими качествами и свойствами должно обладать

¹⁰ Отличие вводимого термина от предложенного Дж. Брелтом понятия «геральдической фразы» будет рассмотрено далее.

описание герба, чтобы считаться его вербальным вариантом, то есть блазоном.

В зависимости от жанра текста и правильности употребления в нем геральдического языка можно будет сделать определенные выводы относительно авторства этих текстов и распространенности геральдического знания в среде средневековых интеллектуалов и самих обладателей гербов.

Обзор источников

Первые известные нам гербовники датируются XIII в. Значительная их часть представляет собой не собрания изображений гербовых щитов, а списки их словесных версий – блазонов. Примечательно, что гербовники XIII в., содержащие блазоны, преобладают над рисованными, что нехарактерно для последующих столетий; тем самым они представляют значительную языковую базу для исследования. Наиболее вероятно, что блазонные гербовники создавались очевидцами событий в тот момент, когда они происходили; таким образом, именно блазонные гербовники наиболее вероятно передают живой рабочий язык герольдов¹¹.

Всего гербовников, подходящих под такую датировку наберется около 30. Это менее 10% от числа всех средневековых гербовников. Кроме того, нельзя не отметить относительную одновременность их появления¹².

Изучение этих источников связано с целым рядом трудностей, таких как правильная датировка, региональная привязка и авторство. К тому же совсем незначительная часть этих первых гербовников дошла до нас в оригинале, и с большинством документов приходится работать в виде более поздних копий разной степени достоверности. В случаях расхождения

¹¹ *Wagner A.* A catalogue of English mediaeval rolls of arms (CEMRA) (Aspilogia I). London: Society of Antiquaries, 1950. P. xiv.

¹² *Черных А.П.* Гербовники XIII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени /Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. Вып. 68 (2). 2007. С. 93-94.

информации в двух разных источниках зачастую невозможно определить является ли это ошибкой составителя, переписчика или, возможно, не является ошибкой, но имеет под собой какую-либо другую подоплеку. Также не существует современных этим гербовникам трудов, которые как-то касались бы самой геральдики, ее истории и путей развития.

Однако анализ сведений, содержащихся в гербовниках, выявляет косвенные свидетельства, указывающие на локализацию, составителя, имя заказчика и т.д. Анализ состава гербов, личностей их носителей, событий, которым посвящен гербовник, а также языка, на котором он составлен, позволяет с достаточной уверенностью отнести его к определенному времени и географическому региону¹³.

Данные, полученные в ходе исследований всех известных ранних гербовников, как рисованных, так и блазонных, указывают на определенное преобладание английских гербовников (т.е. созданных по заказу английской знати и описывающих события и персоналии английского королевства.) Причем практически все эти источники датируются периодом правления Эдуарда I и связаны с его военной деятельностью¹⁴. Связано ли это с тем, что гербовники более раннего периода не сохранились, или интерес к созданию подобных трудов появился и распространился столь быстро, сказать трудно.

Всего существует 14 блазонных гербовников, из них 7 англо-нормандского происхождения, 7 происхождения континентального. Более того, являясь более поздними копиями, они часто уже не содержат оригинальной старофранцузской лексики. Таким образом, гербовниками XIII в. они могут считаться только из-за своего содержания, которое, как правило, единственно интересовало исследователей и переписчиков Нового

¹³ *Denholm-Young N. History and Heraldry: 1254 to 1310. Oxford: Clarendon Press, 1965.*

¹⁴ *Рыжова Д.С. О языке английских гербовников XIII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2017. Вып. 78. № 1-2. СС. 33.*

времени. Более того, лексические исследования достоверности таких гербовников не всегда проводились, что отчасти объясняется сложностью исследования и необходимостью глубокого знания особенностей средневековых французских диалектов. А часто и просто невозможно за счет номенклатурности самого текста, не дающего достаточного количества диалектических свидетельств.

Блазонные гербовники XIII в. на французском языке					
Название гербовника	Код ¹⁵ стар./нов.	Дата	Оригинал	Происхождение	Кол-во блазонов доступных для анализа
Гербовник Гловера	V/GVR	1254-55	нет	англ.	215
Гербовник Биго	BA/BIG	1255	нет	фр.	295
Турнир в Камбрэ	TCA	1263-69	?	фр.	?
Гербовник Уолфорда	C/WAL	1273–75	нет	англ.	185
Турнир в Компьене	TCO	1278	нет	фр.	337
Гербовник Кэмдэна	D/CMD	1285	да	англ.	185
Турнир в Шованси	TCH	1285	да	фр.	27
Гербовник Вермандуа	VE/VER	1280	нет	фр.	1086
Гербовник Коллинза	Q/COL	1295	да	англ.	598-720

¹⁵ Международное научное обозначение. Старые коды используются преимущественно в английском гербоведении. Новые трехзначные коды предложены Ст. Кемменсенем для большинства известных гербовников.

Гербовник похода в Плоэрмель	OPL	1294	нет	фр.	30
Гербовник Шиффле-Принэ	CP/CPF	1295-98	нет	фр.	147
Фолкеркский гербовник	H/FAL	1298	нет	англ.	111
Песнь об осаде Кэрлаверока	K/CAE	1300	да	англ.	106
Гэллоуэйский гербовник	GA/GAL	1300	нет	англ.	252-259

Ввиду вышеперечисленных причин, а также общей труднодоступности источников для исследователей в данной работе использованы следующие гербовники:

*Французские гербовники*¹⁶:

1. Гербовник Биго (Межд. науч. обозначение: VA/BIG) – самый ранний известный гербовник французского происхождения. По мнению исследователей, гербовник создан по случаю похода Карла, графа Анжуйского в Эно против Жана I д'Авена в 1254 г. Оригинал не сохранился и известна только копия, сделанная в XVII в., дошедшая до нас как часть Коллекции Биго (*Paris, Bibliothèque Nationale, fond français 18648, fols. 32-39*). Гербовник издавался несколько раз. Первым изданием стала транскрипция П. Адан-Эвена¹⁷, которому удалось идентифицировать большинство представленных в нем гербов и персон и определить язык составления как пикардийский диалект старофранцузского языка, однако сама транскрипция в наше время считается неполной и некорректной и

¹⁶ Вторичные гербовники, исполненные в виде стихотворного текста намеренно вынесены в группу нарративных источников.

¹⁷ *Adam-Even P. Un armorial français au milieu du XIII siècle: le rôle d'armes Bigot. 1254 //Archives Héraldiques Suisses, 1949. P. 15–22, 68–75, 115–121.*

больше не используется. Гербовник был издан повторно Дж. Бролтом со значительными уточнениями в транскрипции блазона и комментариями касательно лексики гербовника¹⁸. Третья публикация, сопровождаемая обширной вступительной статьей была предпринята Р. Нюссаром¹⁹. На основании комментариев второго издателя гербовника Дж. Бролта, можно заключить, что переписчик работал крайне небрежно, в манускрипте содержится большое количество опечаток и исправлений. Таким образом, анализируя текст гербовника, необходимо принимать во внимание, что некоторая информация (в основном, фактологического характера) может быть недостоверна. Однако лексика, использованная в гербовнике, несомненно, архаична, что говорит о том, что переписчик своих правок не вносил, по крайней мере, намеренно. Содержит 295 блазонов.

2. Гербовник Шиффле-Принэ или Фландрского похода (CP/CPF) – создан ок. 1298 г., вероятно для Роберта II, графа Артуа по случаю военного похода во Фландрию в июне 1297 г.²⁰ Оригинал не сохранился, гербовник известен, в основном, по копии XVII в., сделанной Ж. Шиффле²¹ (*Besançon, Bibliothèque municipale, Collection Chifflet, MS. 186, pp. 145-154*). Более поздняя находка еще одной копии этого же гербовника, сделанной в XV в. французским герольдом при дворе Максимилиана I (где манускрипт находится в настоящее время – неизвестно) подтвердила, что Ж. Шиффле работал с оригиналом XIII в., а значит как фактологическая, так и

¹⁸ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls of Arms in French and Anglo-Norman Blazon. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1973. P. 16–30.

¹⁹ *Nussard R.* Le Rôle d'Armes Bigot. Documents d'héraldique médiévale (2). Paris: Le Léopard d'Or, 1985.

²⁰ *Prinet M.* Armorial de France composé à la fin du XIIIe siècle ou au commencement du XIVe // *Le Moyen Age*, 31. 1934.

²¹ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 9-10.

лексическая информация в нем может считаться достоверной и не претерпевшей значительных изменений²².

Первая публикация была предпринята М. Принэ (1867–1937)²³, который сопроводил транскрипцию блазона (достаточно аккуратную и полную) историческими и генеалогическими комментариями; также ему удалось определить язык составителя как пикардийский диалект старофранцузского языка. П. Адан-Эвен опубликовал гербовник повторно²⁴ после обнаружения еще нескольких копий этого же гербовника, что позволило ему восстановить гербы, утраченные в безансонской версии, прояснить некоторые неточности, а также предложить более точную датировку оригинала. Третий раз гербовник был переиздан Дж. Бролтом²⁵. Именно эта версия использована в работе. Гербовник содержит 147 блазонов.

Английские гербовники:

3. Гербовник Гловера (B/GVR)²⁶ – старейший из известных английских гербовников, созданный ок. 1254-55 гг. Содержит блазоны гербов представителей двора Генриха III. Гербовник известен в четырех версиях Кука (I), Харви (II), Сент-Джорджа (III) и Гримальди (IV), все оригиналы утеряны, каждая версия известна в нескольких копиях XVI-XVII вв. и показывает значительные различия в количестве гербов и форме блазона. Очевидно также, что все четыре версии находятся в сложной взаимосвязи копирования и дополнения друг друга.

²² *Adam-Even P.* Rôle d'armes de l'ost de Flandre. *Archivum Heraldicum*, 1959, 73: P. 2-7.

²³ *Prinet M.* *Armorial de France...*

²⁴ *Adam-Even P.* Rôle d'armes... P. 2–7.

²⁵ *Brault G J.* *Eight Thirteenth Century Rolls...* P. 77–85.

²⁶ *Wagner A.* *Catalogue...* P. 3-7.

Первым изданием гербовника стала работа Н.Х. Николаса²⁷, куда вошла версия Харви (*College of Arms MS. L. 14, Part I, ff. 38-42*), сопровождаемая исторической справкой. Эта же версия гербовника была повторно издана Дж. Армитажем сорок лет спустя²⁸. Следующая критическая публикация гербовника в другой версии, Кука (*Wrest Park MS 16, ff. 10-16^b*, позже *College of Arms MS. 2 G 3, ff. 60-66^b*), с блазонами, дополнившими отсутствующие в ней, взятыми из остальных версий, была предпринята Х.С. Лондоном²⁹. В версии Сент-Джорджа сразу две копии гербовника Гловера (*B^a: British Museum Add. MS. 29796* и *B^b: British Museum MS. Harl. 6589, fo II^b*) были изданы Дж. Бролтом³⁰. Для работы использована версия Кука, опубликованная в *Aspilogia II*, т.к. она признана наиболее полной и близкой к изначальному тексту. Содержит 215 гербов.

4. Гербовник Уолфорда (C/WAL)³¹ – составлен ок. 1275 г. Содержал изначально вероятно ок. 180 блазонов³². Оригинал не сохранился, однако гербовник известен в двух версиях: I (версия Чарльза) (*London, British Museum, MS. Harl. 6589, ff. 12-12b*) и II (версия Ллиланда), представленная в трех копиях: II a (*Oxford, Bodleian MS. Top. Gen. c. I (3117) Lelandi Collectanea, Vol. 1, pp. 897-905*), II b (*Dublin. Trinity College, MS. E. 1-17 ff 9-10b*), III b (ранее *Wrest Park MS. 16, “Ancient Rolls”, ff. 22-25^b*, манускрипт был продан на аукционе по листам и восстановлению не подлежит³³), из

²⁷ *Nicholas N.H.* Rolls of arms of the reigns of Henry III, and Edward III. London: William Pickering, 1829.

²⁸ *Armytage G.J.* Ancient Rolls of Arms of the Reigns of Henry III and Edward III. London: John Russle Smith, 1868.

²⁹ *London H.S. et alii.* Rolls of Arms of Henry III. *Aspilogia II*. Society of Antiquaries. London, 1957. P. 89–159.

³⁰ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 31-37.

³¹ *Wagner A.* Catalogue... P. 7-9.

³² *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 8.

³³ *Wagner A.* Catalogue... P. 7-9.

которых доступны для анализа только две. Анализ всех имеющихся копий свидетельствует о том, что гербовник, наиболее вероятно, был изначально создан как блазонный. Практически все копии отличаются количеством блазонов и их порядком, а также содержат свидетельства попыток модернизации и адаптации языка, большое количество ошибок и исправлений.

Первую попытку публикации гербовника предпринял У.С. Уолфорд, издав версию I³⁴. Версия II была издана Х.С. Лондоном с подробным комментарием³⁵. Язык был определен им как северный французский диалект, возможно пикардийский. Он также заметил, что язык в II a (Bodleian MS. Top. Gen. c. I (3117)) может считаться современным составлению гербовника с наименьшим количеством исправлений, а, следовательно, эту копию имеет смысл предпочесть всем остальным³⁶. С подобным высказыванием не согласился Дж. Бролт, объяснив свою позицию тем, что лингвистически это трудно доказать³⁷. Дж. Бролт издал гербовник Уолфорда в трех версиях: I, II a и II b. В данной работе использовалась версия II b из этой публикации, содержащая 185 блазонов.

5. Гербовник Кэмдэна (D/CMD)³⁸ – свиток, созданный ок. 1280 г., вероятно с целью запечатлеть события из жизни Эдуарда I и его ближайшего окружения³⁹. Гербовник представляет собой оригинальный свиток с изображением 270 щитов (*London, British Museum, Cotton Roll XV. 8.*) На обратной стороне свитка представлены блазоны 185 из них. Ряд

³⁴ *Walford W.S.* A Roll of Arms of the Thirteenth Century // *Archaeologia*. Т. XXXIX. 1864. P. 373–387.

³⁵ *London H.S.* et alii. Op. cit. P. 167-204.

³⁶ *London H.S., Tremlett T.D.* Rolls of Arms of Henry III (Aspilogia II). London: University Press, 1967. P. 99-103.

³⁷ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls...

³⁸ *Wagner A.* Catalogue... P. 16-18.

³⁹ *Denholm-Young N.* Op. cit. P. 62.

исследователей предполагают, что блазон был написан позже даты составления гербовника. Это предположение сделано на основании палеографических заключений: почерк автора датируется более поздним периодом, чем изображения. Н. Денхольм-Янг, однако, предполагает, что блазон мог быть составлен герольдом с севера Франции, где есть примеры подобного почерка на период датировки свитка, соответственно и язык его тогда можно считать современным изображениям⁴⁰. Тем не менее, этот блазон, даже если не современен гербовнику, то составлен немногим позже и подходит для исследования.

Изданием и исследованием гербовника занимался также Дж. Бролт⁴¹.

6. Фолкеркский гербовник (H/FAL) – составлен в 1298 г. и посвящен военным действиям Эдуарда I во время войны в Шотландии и взятию г. Фолкерк, что ознаменовало поражение шотландского войска под предводительством Уильяма Уоллеса. Гербовник сохранился в двух версиях, одна из которых показывает архаическое (англо-нормандское) написание некоторых слов, например, использование *Wa* вместо *Ga*⁴².

Одна из двух версий гербовника – версия Фивета (*London, British Museum, MS. Harl. 6589 ff. 9-9^b*) – была впервые издана Дж. Гринстритом⁴³. После чего последовало издание Г. Гафа обеих имеющихся копий гербовника (Версия Рест-Парк, *Wrest Park MS. 16, ff 1-5*, позже перешла в собственность Геральдической Коллегии Великобритании, код хранения неизвестен)⁴⁴,

⁴⁰ *Denholm-Young N.* Op. cit. P. 62; *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 8-9.

⁴¹ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 68–76; *Brault G.J.* Rolls of Arms: Edward I (1272–1307). 2 vols. Aspilogia III. Woodbridge, Suffolk: The Boydell Press for the Society of Antiquaries of London, 1977. Vol. I. P. 172–201.

⁴² *Denholm-Young N.* Op. cit. P. 103-111.

⁴³ *Greenstreet J.* Falkirk Roll: [Thevet's version] // *Jewitt's Reliquary*. Vol. XV, 1875. P. 27–32, 68–74.

⁴⁴ *Gough H.* Scotland in 1298: documents relating to the campaign of the king Edward the First in that year and especially to the battle of Falkirk. London, 1888. P. 129-159.

однако сравнительный анализ недостаточно глубок. Издание продолжил Дж. Бролт⁴⁵, заново опубликовав версию Фивета, именно эта публикация использована в данной работе. Она содержит 111 блазонов.

7. **Гэллоуэйский гербовник (GA/GAL)** – гербовник, состоящий из 259 блазонов. Оригинал не сохранился, известен по копии XVI в. (*College of Arms, MS. M. 14, ff. 168-175*). Текст показывает большое количество ошибок переписчика, например, обозначение одним словом *vert*⁴⁶ и зеленой тинктуры, и «белки» - поэтому при работе с лексикой следует всегда помнить о возможной подмене термина переписчиком. Тем не менее, оригинальная лексика восстанавливается. Так, например, всего один раз используется *semé* вместо *poudré*, характерного в целом для английских гербовников и встречающегося в большинстве случаев, что свидетельствует в пользу наличия именно этого термина в оригинале. Издан Дж. Бролтом⁴⁷.

8. **Гербовник Стерлинга (ST/STL)** – гербовник, состоящий из 102 блазонов. Оригинал утерян, известен по копии XVI в. (*College of Arms MS. M. 14, ff 269-272*) по свидетельству Дж. Бролта язык этого гербовника настолько схож с языком Гэллоуэйского гербовника, что можно предположить, что если их создал не один человек, то они как минимум принадлежали одной школе или следовали одним и тем же принципам. Гербовник Стерлинга датируется уже началом XIV в., тем не менее, использован в исследовании в качестве контрольного⁴⁸. Гербовник издан Дж. Бролтом⁴⁹.

⁴⁵ *Brault G.J. Eight Thirteenth Century Rolls...* P. 86–93; *Brault G.J. Rolls of Arms: Edward I...* Vol. I. P. 404–418.

⁴⁶ *Brault G.J. Rolls of Arms: Edward I...* P. 451.

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ *Brault G. Styles of Verbal Blazon in the Reign of Edward I // Studies in Honor of Hans-Erich Keller: Medieval French and Occitan Literature and Romance Linguistics.* Michigan: Medieval Institute Publications, 1993. P. 489-505.

⁴⁹ *Brault G.J. Rolls of Arms: Edward I...*

9. **Гербы Матвея Парижского (MP)** – под этим названием понимается совокупность изображений и блазонов гербов, представленная Матвеем Парижским в своих работах *Historia Anglorum*, *Chronica Majora*, *Flores Historiarum* и др. (London, British Museum, Royal MS. 14 C. VII. Greenstreet 1; London, British Museum, MS. Cotton, Nero D. I, ff 170-170b и др.) в виде маргиналий или отдельных листов⁵⁰. Несмотря на то, что этот гербовник (у нас есть все основания считать его таковым⁵¹) является самым ранним из известных и также самым ранним примером использования блазонов, он выпадает из общего списка исследования, так как блазон его написан на латыни, то есть может считаться скорее переведенным с французского языка. Тем не менее, этот источник представляет особый интерес и его блазон будет рассмотрен отдельно в сравнении с общим массивом французского блазона. В качестве гербовника издавался единожды⁵², однако фрагментарно в составе произведений Матвея Парижского воспроизводился неоднократно.

Нарративные источники:

1. Работа с массивом текстов была проведена с помощью **Корпуса французских средневековых текстов** (La Base de Français Médiéval)⁵³, состоящего из 153 текстов, датируемых IX–XV вв. Механизм поиска

⁵⁰ Wagner A. Catalogue.... P. 1-3.

⁵¹ Черных А.П. «Вторичные» гербовники с точки зрения источниковедения геральдики // Signum. Вып. 9. М., 2016.

⁵² Tremlett T.D. et alii. The Matthew Paris Shields. Rolls of Arms of Henry III. Aspilogia II. London, 1967. P. 3–86.

⁵³ Корпус средневековых французских текстов //La Base de Français Médiéval. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://bfm.ens-lyon.fr/> (дата обращения: 03.10.2019).

платформы ТХМ⁵⁴ позволяет группировать тексты по разным характеристиками и осуществлять в них поиск слов по леммам. Этот механизм был использован для выявления геральдических терминов в широкой подборке текстов, а также для поиска примеров. Их объем настолько велик, что возможности привести полный список в данной работе нет. Полный список текстов и подробные их описания приведены в самом корпусе.

2. Артурианский цикл Кретьена де Труа: «Эрек и Энида», «Клижес», «Ивэйн, или рыцарь со львом», «Ланселот, или рыцарь телеги», «Персеваль, или история Грааля». Это первые тексты, посвященные королю Артуру как куртуазному герою, созданные в 1170-1190 гг. и заложившие основу для всей последующей романской литературы. Романы посвящены подвигам и деяниям рыцарей Круглого стола. Несмотря на то, что действие романов происходит в фантазийном мире, в них угадываются черты средневековых реалий.

Для работы с текстами романов Кретьена де Труа был использован «список Гюйо» (*Paris, Bibliothèque nationale de France, 794*)⁵⁵, самый ранний из известных манускриптов, содержащий все пять романов, датированный 1230-1240 гг. Исследователи считают, что список был создан в Провене в Шампани, диалект его также шампанский⁵⁶, что позволяет верить, что текст не содержит инородных вставок и максимально близок к авторскому

⁵⁴ Платформа для работы с электронными корпусами текстов ТХМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://textometrie.ens-lyon.fr/spip.php?article60&lang=fr> (дата обращения: 03.10.2019).

⁵⁵ Публ.: Les Romans de Crétien de Troyes édités d'après la copie de Guiot. Paris: Champion, 2 vol. 1973). Манускрипт доступен на сайте Национальной библиотеки Франции: BnF fr. 794 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84272526/fl.item> (дата обращения 29.10.2017).

⁵⁶ Nixon T. The Catalogue of Manuscripts // The Manuscripts of Chrétien de Troyes. Vol. 2. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 30.

оригиналу, созданному двумя поколениями, то есть на 50–60 лет, ранее. Есть и более ранние тексты нескольких романов, отдельно сохранившиеся в рукописях, датируемых рубежом XII–XIII вв.⁵⁷, которые были использованы в качестве контрольных для подтверждения соответствия копии оригиналу.

3. «Турнир Антихриста» Гюона де Мери. Аллегорический роман, созданный в 1230-1240 гг. Сюжет произведения основан на идее противоборства пороков и добродетелей, и представляет своего рода Психомахию. Войско Антихриста, состоящее из людских пороков и грехов, сопровождаемое бесами и античными божествами вступает в поединок с войском Христа, состоящим из добродетелей, архангелов и рыцарей Круглого стола. Поэма знаменательна тем, что практически все аллегорические персонажи имеют свои гербы, описанные в тексте романа.

Роман сохранился в 12 манускриптах, однако основой для всех критических публикаций текста романа стала версия D (*Paris, Bibliothèque nationale de France, 25407, f. 213ra-244va*). Первая публикация романа была предпринята П. Тарбе⁵⁸ в 1855 г. В 1888 г. текст манускрипта D был повторно издан Г. Виммером⁵⁹, где был дополнен и сравнен с текстами других манускриптов с указанием разночтений и обширным критическим комментарием. Последняя публикация была предпринята в 1976 г. М.О. Бендер⁶⁰. Однако по сидетельству К. Басби⁶¹ все три публикации

⁵⁷ *Ibid.* P. 27.

⁵⁸ *Le tournoiement de l'Antechrist par Huon de Mery (Sur Seine)*. Éd. P. Tarbé. Reims, Regnier (Collection des poètes de Champagne antérieurs au XVIe siècle, 12), 1851. P. xviii.

⁵⁹ *Li tornoiemenz Antecrit von Huon de Mery nach den Handschriften zu Paris, London und Oxford neu herausgegeben von Georg Wimmer, Marburg, Elwert (Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie, 76), 1888.*

⁶⁰ *Le Torneiment Anticrist by Huon de Méri: a critical edition by M.O. Bender*. University, Romance Monographs (Romance Monographs, 17), 1976.

⁶¹ *Busby K. Plagiarism and Poetry in the "Tournoiement Antéchrist" of Huon de Méry // Neuphilologische Mitteilungen. Vol. 84, No. 4. Modern Language Society, 1983. P. 505.*

содержат существенные недостатки. Первая и третья, помимо отсутствия критического анализа текста, содержит неточности и ошибки в транскрипции, вторая же представляет собой скорее компиляцию, нежели публикацию текста конкретной рукописи; тем не менее, текст передан более точно. Именно это издание использовано в данной работе.

Темы гербов в романе касался М. Принэ в своей статье, посвященной геральдическому языку⁶². Он собрал и расписал по группам геральдические термины, встречающиеся в романе, сделав вывод, что геральдический язык в романе «беден, но верен»⁶³. М. Принэ подмечает и то, что блазоны, которые конструирует Гюон де Мери, изобилуют количеством фигур и часто запутаны, хотя геральдика XIII в. напротив, проста, и сам Гюон де Мери ни гербов, ни блазонов не видел и вдохновлялся лишь описаниями своих предшественников. Подобное заявление, однако, кажется странным ввиду того, что Гюон де Мери, очевидно, участвовал в походе короля Людовика IX против Пьера Моклерка в 1232–1235 гг., ещё до того как стать монахом Сен-Жермен де Пре, где и был написан роман, и должен был быть знаком с геральдической традицией, получившей широкое распространение к этому времени.

4. «Турнир в Шованси» Жака Бретеля – поэма французского трувера, посвященная турниру, проведенному Людовиком V, графом Шини в октябре 1285 г. Она описывает празднества, происходившие в Шованси и представляет собой подробную картину жизни знати конца XIII в. Она дошла до нас в двух манускриптах XIV в. (*Oxford, Bodley Library, ms. Douce 308, fo. 107r-139v, TCH/a, Ms.O*, содержит также 15 миниатюр, в том числе с изображениями гербов, и *Mons/Bergen, Bibl.Univ., ms. 330-215, fo. 82r-105v, TCH/b, Ms.M*), фрагменте XIV в. (*Reims, Bibl.Municipale, ms. 1007, p. 697-703*,

⁶² *Prinet M. Le langage héraldique dans le Tournoiement Antéchrist // Bibliothèque de l'École des chartres. Tome 83. 1922. P. 52.*

⁶³ *Ibidem.*

TCH/c, Ms.R) и копии, сделанной Ж. Шиффле в 1650 г. (*Firenze, Bibl. Laurentienne, ms. Palatinus 117, TCH/d, Ms.F* – копия *Ms.M*)⁶⁴. Полная версия состоит из 4500 восьмисложных стихов, в которых встречаются описания щитов рыцарей, принимавших участия в состязаниях и празднованиях. Публиковалась трижды Ф. и Х. Делмотами⁶⁵, Г. Хеком⁶⁶ и М. Дельбуйем⁶⁷.

Полная версия сочетает в себе подробные описания сбора гостей, отчеты о турнирных сражениях, описания танцев, песен, музыки и других развлечений, сведения о гостях и рыцарях, принимавших участие в состязаниях и празднованиях. Из-за содержащихся в поэме описаний гербов некоторых участников поэму принято считать «вторичным» гербовником, одним из немногочисленных сохранившихся с XIII в.

Необходимо отметить, что исследователи уже не раз обращались к «Турниру в Шованси» в качестве геральдического источника. Работу по атрибутированию перечисленных блазонов начал еще первый издатель поэмы М. Дельбуй⁶⁸. На основании его издания Х. Виллемс⁶⁹ составил список участников, снабдив его именами и гербами тех, кто упоминался в тексте лишь по одному из этих признаков, допустив, однако, ряд значительных ошибок, исправленных позднее С. Клемменсеном⁷⁰.

⁶⁴ *Clemmensen St.* Le Tournoi de Chauvency. Farum, Denmark, 2007. [Электронный ресурс]. Доступ для незарегистрированных пользователей. URL: <http://armorial.dk/tournaments/Chauvency.pdf> (дата обращения 27.08.2019)

⁶⁵ *Bretel J.* Les tournois de Chauvency donnés vers la fin du XIIIe siècle. Ed. par Ph. & H. Delmotte. Valenciennes, 1835.

⁶⁶ *Bretex ou Bretiaus J.* Le tournoi de Chauvency. Publ. par Gaëtan Hecq. Vol. 1-2. Mons: Dequesne-Masquillier, 1898.

⁶⁷ *Bretel Js.* Le tournois de Chauvency. Ed. M. Delbouille. Liège: H. Vaillant-Carmanne; Paris: E. Droz, 1932. Номера стихов представлены именно по этому изданию.

⁶⁸ *Ibidem.*

⁶⁹ *Willems H., Conan J-Y.* Armorial Français ou Répertoire alphabétique de tous les blasons et notices de l'Armorial Général de France de Charles d'Hozier (1696). 1963.

⁷⁰ *Clemmensen St.* Op. cit.

С. Клемменсен также дополнил список конкордансом имен и гербов из других источников. К. Бланшар⁷¹ исследовал вопросы, связанные с участием в турнире герольдов.

В отличие от «Песни об Осаде Кэрлаверока»⁷², которая, пусть и в стихотворной форме, но все же в основном перечисляет гербы и имеет минимум повествования, «Турнир в Шованси» представляется «классическим» вторичным гербовником, то есть все же имеет своей целью описание турнира в целом, его подготовки, проведения и сопровождающих его мероприятий⁷³, гербы же участников в нем являются лишь частью этого действия, но не центром внимания автора. По своей структуре «Турнир в Шованси» вписывается в форму романов «нового типа», создающихся в XIII веке и имеющих уже совсем иной характер, отличный от романов «кретьеновского типа»⁷⁴.

5. «Песнь об осаде Кэрлаверока» (Международное обозначение К/САЕ)⁷⁵ поэма, созданная ок. 1300 г. Несмотря на то, что обычно он ставится исследователями в один ряд с гербовниками XIII в., т.к. помимо описаний гербов повествование в нем практически отсутствует, что ставит его ближе к гербовнику, нежели к нарративу, в данной работе он намеренно вынесен в группу нарративных источников. Это позволит рассмотреть этот источник по-новому, и предложить иную, отличную от общепринятой трактовку содержащейся в нем информации.

⁷¹ Blanchard Ch. « Pour ce qu'il s'agit de parler a moi d'armes et chevalerie »: hérauts et héraldique dans le Tournoi de Chauvency. Jean Christophe (CNRS, Nancy 2).

⁷² Гербовник, представляющий собой поэму, посвященную осаде и взятию шотландского замка Кэрлаверок войсками английского короля Эдуарда I в июле 1300 г.

⁷³ Regalado N.F. Picturing the Story of Chivalry in Jacques Bretel's Tournoi de Chauvency (Oxford, Bodleian MS Douce 308 [Metz ca. 1312]) // Tributes to Jonathan J.G. Alexander. London: Harvey Miller, 2006. P. 341-352.

⁷⁴ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. Москва: Наука, 1976. С. 294–295.

⁷⁵ Wagner A. Catalogue... P. 29-34.

Поэма сохранилась в оригинале (*London, British Library, Cotton Caligula A. XVIII, fols 23b-30b*), который обладает признаками как французского, так и англо-нормандского языка. Однако многочисленные копии, две из которых были сделаны Р. Гловером, говорят о существовании двух современных сохранившемуся текстам Песни, с которых эти копии были сделаны. И очевидно, как свидетельствует Дж. Бролт, что один из этих текстов и был оригиналом, написанным на одном из старофранцузских диалектов (без признаков англо-нормандского), что говорит о том, что сохранившейся в Британской библиотеке манускрипт – копия, сделанная с оригинала и современная ему, где переписчик-англичанин специально и намеренно внес исправления согласно своему диалекту. Подробный фонетический анализ представлен Дж. Бролтом⁷⁶. С ним соглашается Н. Денхольм-Янг⁷⁷.

Н.Х. Николас издал «Песнь об осаде Кэрлаверока»⁷⁸ с переводом и исторической справкой. Повторно Песнь издавалась Томасом Райтом⁷⁹ в 1864 г. также с переводом. Обе версии текста и перевода признаются недостаточно полными современными специалистами. Исправленная и дополненная версия оригинального манускрипта из Британской библиотеки издана Дж. Бролтом⁸⁰.

⁷⁶ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 123.

⁷⁷ *Denholm-Young N.* Op. cit. P. 59.

⁷⁸ *Nicholas N.H.* The Siege of Caerlaverock, in the XXVIII Edward I, A.D. MCCC. London: J.B. Nichols and son, 1828.

⁷⁹ *Wright T.* The Roll of Arms of the Princes, Barons and Knights who Attended King Edward I to the Siege of Caerlaverock, in 1300. London: John Camden Hotten, 1864.

⁸⁰ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 101–125. *Brault G.J.* Rolls of Arms: Edward I... P. 432–444.

Степень изученности проблемы и историография

Геральдические труды создавались на протяжении всего существования геральдики, они были посвящены происхождению гербов, семантике используемых фигур и цветов, правилам использования и передачи гербов, а также законам, оберегающим их носителей, однако каждая работа представляла собой синхронический подход к вопросу.

Говорить о гербоведении, как об отдельной дисциплине, можно с начала Нового времени, когда фокус интереса исследователей был перенаправлен с гербов современников на гербы предыдущих веков, а геральдическая наука начала представлять собой не «осведомленность в гербах», а изучение исторических, культурологических и филологических аспектов геральдики, в которой эти исследователи стали видеть «подлинные свидетельства прошлого»⁸¹. Непосредственно геральдическое исследование начало формироваться в XVII в., и связано оно с именами Дж. Гиллима (ок. 1551–1621)⁸² и Кл.-Ф. Менетрье (1631–1705).

Кл.-Ф. Менетрье недаром называют «отцом гербоведения», именно он попытался объединить в одной работе известное о гербах, и также рассмотрел все 18 существовавших версий о происхождении геральдики, возводящих ее к древним иудеям, грекам, римлянам и т.д. Ссылаясь на различные источники, Кл.-Ф. Менетрье упомянул версии, в изложении которых гербы носили уже Адам и Ева, или они были впервые дарованы Ноем своим сыновьям. Со ссылкой на Гомера и других античных авторов, им была рассмотрена версия о том, что гербы носили древние греки и впоследствии римляне. По другим мнениям гербы были введены в употребление Фридрихом Барбароссой, Карлом Великим или Вильгельмом Завоевателем. Однако уже сам Кл.-Ф. Менетрье подметил очевидную несостоятельность этих теорий, так как при бесспорности существования

⁸¹ *Пастуро М.* Геральдика... С. 74.

⁸² *Guillim J.* A Display of Heraldry. London, 1611. P. XX.

знаков и эмблем в древние времена, все они никогда не являлись геральдическими. Кл.-Ф. Менетрье пришел к выводу, что гербы как таковые появились только в XI в. По его словам, это мнение уже выражали ряд других исследователей, подтверждали же они это тем, что до XI в. на надгробиях нет даже намека на гербы, и до этого времени нам неизвестны гербовые печати, а только изображения людей и их имена⁸³.

С середины XVIII в. интерес к геральдике значительно снизился. Объясняется это тем, что конкуренцию гербам в качестве опознавательного знака стали составлять новые эмблематические формы: монограммы, криптонимы, значки и девизы⁸⁴. И только в XIX в. следующим этапом в развитии английского гербоведения стали работы клирика и археолога Ч. Бутэлла (1812-1877). Он издал два монументальных труда по геральдике: «The Manual of Heraldry» в 1863 г. и «English Heraldry» в 1867 г. (сокращенная версия первой и во многих отношениях более значительной работы⁸⁵). «The Manual of Heraldry», что уже понятно из названия, предназначался для студентов и, как говорил сам автор, являлся попыткой кратко и понятно изложить принципы геральдики, ее современное состояние, лишь немного касаясь вопросов ее развития и становления, привести примеры ее использования, дабы показать ее изящество и простую красоту. Современная геральдика является прямым преемником геральдики предыдущих веков, и поэтому, по мнению автора, знание геральдики, являющейся неотъемлемой частью английской истории, необходимо не только для студентов-историков – несколько глав предназначаются для архитекторов и художников, часто встречающих геральдические элементы в произведениях искусства. При этом книга также рассчитана и на обывателей, которые уже носят герб своего древнего рода или планируют создать новый. Ч. Бутэлл привел также список наиболее авторитетных авторов, как

⁸³ *Menestrier C.-F.* Le veritable art du blason et l'origine des armoiries. Paris, 1680. P. 5-54.

⁸⁴ *Пастуро М.* Геральдика. Москва, 2003. С. 37.

⁸⁵ *Boutell C.* English Heraldry. London and New York, 1867. P. XV.

английских, так и зарубежных, на работах которых он и основал свою книгу⁸⁶.

Вопреки общепринятому, навеканному временем «романтическому» восприятию и отношению к геральдике А. Фокс-Дэвис (1871-1928) рассматривал геральдику «не как рудимент средневекового прошлого, представляющий интерес лишь для энтузиастов и антикваров», а как явление не менее актуальное в современном обществе. Его труды представили сухой академический подход, за что, однако, и подверглись критике современников⁸⁷. Основной его работой стала «A Complete Guide to Heraldry», выпущенная в 1909 г. Вступление к этой работе, посвященной все тем же вопросам происхождения и развития геральдики, ее правилам и формам, А. Фокс-Дэвис начал с критики принятых подходов к геральдике. Он сетовал на то, что «Гиллим», т.е. труд Дж. Гиллима «Display of Heraldry» (1606) оставался одним из основных в списке обязательной литературы по геральдике, хотя давно устарел и во многом ошибочен⁸⁸.

Лишь к 60-70 гг. XX в. (на волне Школы Анналов и расцвета исторической антропологии) интерес к геральдике захватил Европу, появились профессионалы-историки, способные оценить геральдику «с точки зрения общеисторических проблем, поместить ее в контекст политической, социальной, культурной истории. С них началось возрождение гербоведения в рамках исторической антропологии и истории повседневности»⁸⁹. Были заново открыты, пересмотрены и переизданы источники.

Появившийся в 1979 г. «Трактат о геральдике» М. Пастуро стал новой вехой в истории изучения геральдики в XX в., а выводы, сделанные автором, во многом предопределили дальнейшее развитие дисциплины. «Секрет его

⁸⁶ *Boutell C.* A manual to Heraldry: Historical and Popular. London, 1863. P. 2–4.

⁸⁷ *Горелов М.М.* Геральдика в британском обществе в историографии XX века //Signum Вып. 6. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 109-110.

⁸⁸ *Fox-Davis A.* Op. cit. P. IX-XII.

⁸⁹ *Черных А.П.* Французское гербоведение... С. 38.

успеха в том, что профессиональным историком к проблемам геральдики был осуществлен исторический подход, учитывающий различия между геральдикой Средневековья и Нового времени, было показано развитие исторических форм геральдики, даны аргументированные оценки ее проблем»⁹⁰.

К вопросу языка геральдики не раз обращались как историки, так и филологи. Однако в силу разницы интересов каждый в блазоне видел исключительно свое. Лингвистические исследования останавливались, как правило, на вопросах этимологии тех или иных слов, которые были, вероятно, непонятны уже носителям языка изучаемого периода. Существуют исследования, посвященные попытке определения диалекта, на котором гербовник был составлен, что также вызывало и вызывает немалые затруднения, опять же из-за номенклатурности и невариативности блазона уже на ранних этапах фиксации⁹¹.

Однако, учитывая общее количество трудов по геральдике, ее лексика изучена относительно плохо. Язык ее редко интересовал исследователей. В лучшем случае упоминалось, что оригинальный язык – французский, но в основном внимание уделялось юридическим, политическим или даже семантическим аспектам геральдики. Так, например, Г. Гаф в своем «Словаре терминов, используемых в геральдике» о языке блазона пишет буквально следующее: «Большинство из известных геральдических терминов происходят от старого нормандского диалекта французского языка («*Old Norman French*») XIII и XIV вв., однако с ходом времени они получили различные интерпретации и различные способы написания. Большое количество дополнительной номенклатуры было привнесено авторами XVI и XVII вв. Однако искать, кто впервые использовал тот или иной термин, в каком значении, и насколько верно его последователи переняли и

⁹⁰ Там же. С. 42.

⁹¹ Рыжова Д.С. О языке английских гербовников... С. 31-40.

использовали его, работа довольно бесполезная, неинтересная читателю и не ведущая ни к каким значимым результатам»⁹². К сожалению, такой подход довольно долго оставался господствующим.

Из числа геральдистов, все же интересовавшихся этим вопросом, можно назвать упомянутого выше классика английской гербоведческой литературы Ч. Бутэлла (1812–1877). В его трудах присутствует глава о «языке геральдики», в которой автор пишет, что он, этот язык, краток, точен и выразителен: все лишние слова в блазоне должны быть опущены, одинаковые не должны повторяться, при этом каждая деталь должна быть описана очень точно. Также и номенклатура геральдики призвана упростить и уточнить описание гербов. Автор пишет о порядке называния фигур при блазонировании, о порядке слов в блазонах и о правилах замещения слов, если они были использованы ранее. Но исследование все равно не претендует на то, чтобы называться историко-лингвистическим, и аналитики в нем явно недостаточно.

Блазонами XIII в. занимались и издатели ранних гербовников, которым приходилось транскрибировать, а, следовательно, критически работать с текстом этих гербовников. Н.Х. Николас одним из первых отметил особую важность публикации старых гербовников для развития как гербоведения, так и для истории смежных дисциплин и, несмотря на то, что основной его интерес был в большей степени историческим и генеалогическим, он не преминул обозначить важность самых ранних дошедших до нас блазонов. Особое внимание блазонам в своих публикациях гербовников уделяли П. Адан-Эвен и М. Принэ, которым удалось установить язык блазона ряда изданных им источников, а также составить комментарии касательно достоверности языка более поздних копий несохранившихся оригиналов.

Среди английских исследователей необходимо отметить работы Э.Р. Уагнера (1908–1995), чьи геральдические интересы были обширны и

⁹² *Gough H. A Glossary of Terms Used in British Heraldry. Oxford, 1847. P. IX.*

касались всего, что связано с историей английской геральдики. Среди его работ, посвященных истории герольдии, Геральдической палаты, геральдических визитаций и пр., необходимо отметить фундаментальный труд «Каталог английских средневековых гербовников», вобравший в себя всю имевшуюся к середине XX в. информацию о гербовниках XIII-XV вв., включая самые ранние. Это издание стало первым томом серии «Aspilogia», которая начала выходить именно по его инициативе и была задумана как последовательная публикация имеющихся в распоряжении Геральдической палаты Великобритании источников. Отдельно необходимо отметить работу инициативной издательской группы, работавшей под руководством Э.Р. Уагнера⁹³ в составе Х.С. Лондона⁹⁴ и Т.Д. Тремлета⁹⁵, а позднее и Дж. Бролта, составивших и опубликовавших в рамках *Aspilogia II* и *Aspilogia III*⁹⁶ большинство ранних английских гербовников, снабдив их подробнейшими историческими комментариями, в том числе и касательно лексики раннего блазона.

Работ, посвященных гербам в литературных произведениях, в геральдической историографии относительно немного. Одним из первых внимание к этой теме привлек эрудированный и проницательный французский исследователь межвоенного периода Л. Були де Ледэн (1867–1946)⁹⁷, предпринявший попытку собрать самые ранние имеющиеся описания геральдических щитов, в том числе и упоминающиеся во французских романах начиная с XI в. Эта небольшая работа показала

⁹³ *Wagner A. Catalogue...*

⁹⁴ *London H.S. et alii. Rolls of Arms of Henry III (Aspilogia II) Society of Antiquaries. London, 1957. P. 167-204.*

⁹⁵ *Tremlett T.D. et alii. The Matthew Paris Shields. Rolls of Arms of Henry III. Aspilogia II. London, 1967. P. 3–86.*

⁹⁶ *Brault G.J. Rolls of Arms: Edward I ...*

⁹⁷ *Bouly de Lesdain L. Études héraldiques sur le XIIe siècle // Annuaire du Conseil héraldique de France. Paris: Conseil héraldique de France, 1907. P. 185-244.*

важность нарративных источников для изучения раннего периода существования геральдики. На основании своего исследования автор подтвердил тезис, что геральдика в своей форме сложилась к 1150 г., выдвинутый на основании изучения сигиллографического материала.

Работу с французскими рыцарскими романами предпринял П. Адан-Эвен (1902–1964), исследуя гербы героев в «Романе о Трое»⁹⁸. Вопросы геральдики рыцарей Круглого стола в романах Кретьена де Труа касался М. Пастуро⁹⁹. Тем не менее, этими исследователями еще не была четко сформулирована проблема геральдической лексики как самостоятельного предмета гербоведческого исследования, их больше интересовали изображения. На геральдический язык в романе «Турнир Антихриста» обратил внимание М. Принэ, пытаясь найти следы классического блазона в литературе, предшествующей появлению первых гербовников¹⁰⁰.

Качественно новой и выдающейся работой стала книга «Early Blazon» Дж. Бролта, опубликованная в 1972 г.¹⁰¹ Она являет собой новый взгляд на изучение геральдики. Этот фундаментальный труд представляет собой конкорданс геральдической лексики в нарративе XII-XIII вв. Дж. Бролт, филолог и специалист по романской литературе, наконец обозначил геральдическую лексику как самостоятельную исследовательскую проблему, однако небольшая вступительная статья, к сожалению, не содержит однозначных выводов относительно становления геральдики как визуальной системы знаков и блазона как ее словесного аналога и эквивалента, а также хронологии этого процесса.

⁹⁸ *Adam P.* Les usages héraldiques au milieu du XIIe siècle d'après le Roman de Troie de Benoit de Sainte Maure et la littérature contemporaine // *Archivum heraldicum*. 1963. P. 18-29.

⁹⁹ *Pastoureau M.* Les armoiries arthuriennes // *The Manuscripts of Chrétien de Troyes*. Vol. 2. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 245-262.

¹⁰⁰ *Prinet M.* Le langage héraldique... P. 45-53.

¹⁰¹ *Brault G.J.* Early Blazon: heraldic terminology in the twelfth and thirteenth centuries with special reference to Arthurian literature. Oxford, 1972.

Дж. Бролт утверждает, что стиль изображения герба, как и язык блазона, основаны на клише более ранних художников и ремесленников. Ставшие впоследствии геральдическими, эти элементы активно использовались в романском орнаменте: «Мы должны пресечь, – писал он, – устойчивое, но ошибочное мнение, что большинство терминов герольды придумали сами, а оставшиеся заимствовали из бытового лексикона связанного с архитектурой, доспехом, одеждой. Информации о лингвистических особенностях терминов художников очень мало для рассматриваемого нами периода, однако существование в живописи и скульптуре прототипов первичных элементов геральдического искусства неоспоримо и подтверждает мое предположение»¹⁰².

Важным аспектом блазона XIII в. Дж. Бролт считает появление «геральдической фразы», специальной языковой конструкции разработанной для уточнения внешнего вида некоторых фигур и линий, а самое главное для их позиционирования внутри щита или гербового поля. По его словам «блазон авторов XIII в. часто не так точен, как нам бы того хотелось, но они редко когда недооценивали важность указания расположения фигур»¹⁰³. По мнению Дж. Бролта блазонная фраза редко встречается в литературе до 1250 г., и даже в гербовниках, созданных после этой даты, она не всегда однозначна и неизменна, но именно в этом нововведении XIII в. он видит основу классического блазона.

¹⁰² *Brault G. Early Blazon... P. 5.*

¹⁰³ «*Heraldic phrase* was developed to specify the nature of certain charges and lines and, above all, to indicate the position of any charge. The authors of thirteenth century rolls of arms occasionally neglected to provide us with as precise a blazon as we should like as to the exact charge and line which was intended, but they rarely failed to recognize the importance of indicating very clearly the position of the charge.» *Brault G.J. The Emergence of the Heraldic Phrase in the Thirteenth Century // Coat of Arms, no. 61, January, 1965.*

Продолжателем работы Дж. Бролта, стал его ученик А. Барстоу. Несмотря на то, что он сконцентрировал свой интерес на блазоне первой половины XIV века, что, казалось бы, находится вне хронологических рамок данного исследования, его работа требует упоминания в качестве примера возрастающего интереса и осознания необходимости дальнейшей работы с лексической составляющей средневековой геральдики. Основной его работой остается неопубликованная диссертация «Лексикографическое исследование геральдических терминов в англо-нормандских гербовниках 1330-1350 гг.»¹⁰⁴, которая является попыткой применения методов его наставника по отношению к более поздним источникам.

Все эти работы, однако, не содержат *контекстного* анализа упорбления терминов.

Цели и задачи

Помимо необходимости объединения накопленных предыдущими исследователями данных в одну работу, максимально широко охватывающую тему происхождения и раннего существования средневекового блазона, в настоящем исследовании планируется предпринять попытку более точной датировки этого процесса, попытаться ответить на вопросы о причинах появления вербального варианта визуализации, о социокультурных причинах его возникновения и столь долгого существования в истории. Таким образом, основной целью данной работы видится исследование не только состава и формы раннего блазона (1150–1300 гг.), но и вопрос его происхождения, складывания в систему, принципа выбора слов и конструкций для описания герба. Ставится вопрос об авторстве блазона и широте его распространения, а также круге тех, кому он был доступен и понятен.

¹⁰⁴ Barstow A.M. A Lexicographical Study of Heraldic Terms in Anglo-Norman Rolls of Arms 1300–1350. University of Pennsylvania PhD thesis, 1970.

На основании имеющихся ранних гербовников XIII в. предполагается составить список используемых терминов, а также выявить фразеологические и грамматические конструкции, однозначно указывающие на геральдический характер текста, и предпринять попытку поиска их употребления в негеральдической литературе. На основании наличия и точности воспроизведения геральдического языка в текстах четырех выбранных для исследования авторов разных периодов, не являвшихся специалистами в области геральдики, предпринять попытку проследить эволюцию развития языка геральдики, его доступности и понятности как автору, так и читателю, и на этом основании попытаться сделать общие выводы касательно положения и распространения геральдики в обществе XII–XIII в., что позволит восполнить существующие пробелы в представлениях о реалиях ранней геральдики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Привлечение к исследованию вопроса происхождения и раннего развития геральдики новых источников возможно. На основании анализа этих источников возможно уточнение имеющихся представлений о бытовании гербов в XII–XIII вв.;
2. Разработанный и примененный в исследовании историко-лингвистический метод имеет потенциал для дальнейшей работы с нарративных геральдическими источниками;
3. Дату происхождения геральдического языка стоит отнести на 50 лет ранее принятой в современном гербоведении датировки и датировать процесс кодификации блазона концом XII в.
4. Геральдические знания были доступны более широкому, чем сообщество герольдов, кругу лиц, которые принимали активное участие в процессах развития и распространения геральдики;
5. В основу геральдики легла система знаков (*connaissance*), основанная на цветовом способе диверсификации и идентификации.

Основное содержание работы. Структура диссертации соответствует поставленной цели и отражает логику решения ключевых задач научного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложений.

Глава I содержит общие сведения о геральдике как культурно-историческом феномене, времени и обстоятельствах ее появления, а также особенностей развития ее специального языка. Глава II представляет собой исследование геральдического языка на основе гербовников XIII в. и посвящена выявлению особенностей, по которым в дальнейшем можно будет определить блазон в негеральдических источниках. Глава III посвящена исследованию геральдического языка в негеральдическом нарративе XII-XIII вв. Она подразделяется на две части – на периоды до и после появления гербовников. Таким образом, первые два параграфа представляют собой анализ произведений до 1250 г., а вторая часть – анализ современного гербовникам нарратива. Заключение содержит основные выводы, обобщающие результаты, полученные в ходе исследования. Приложения I и II представляют собой сводные таблицы геральдических терминов, полученные в ходе исследования, описанного в Главе II. Приложение III представляет оригинальный текст блазонов «Турнира Антихриста», использованный для анализа в Главе III, с опытом перевода на русский язык. Приложение IV представляет оригинальный текст блазонов «Турнира в Шованси», использованный для анализа в Главе III, с переводом на русский язык.

Апробация. Основные результаты диссертации обсуждались в рамках тематических семинаров и «круглых столов», организованных научными подразделениями Института всеобщей истории РАН (Центром гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук), на кафедре Специальных и вспомогательных исторических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета. А также на международных конференциях: «Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение:

современные исследования и перспективы развития», организованной ИВИ РАН, ИАИ РГГУ и Музеями Московского Кремля в 2016, 2018 и 2019 гг; «Геральдика: исследования и практика», организованной Государственным Эрмитажем в 2017, 2018 и 2019 гг. и др.

По теме исследования были подготовлены 7 публикаций, отражающих содержание диссертации и соответствующие заявленной проблематике, из них 5 в российских рецензируемых научных журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации: *Рыжова Д.С.* Металлы во французской и англо-нормандской геральдической лексике XII—XIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1>; *Рыжова Д.С.* Гербовник как инструмент политического влияния в эпоху Эдуарда I // *Signum* (отв. ред. А.П. Черных). Вып. 9. М., 2017; *Рыжова Д.С.* Влияние церковного запрета турниров на развитие геральдики в XII—XIII веках // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 1. С. 88–91. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-88-91; *Рыжова Д.С.* О языке английских гербовников XIII в. // *Средние века.* 2017. Т. 78. № 1-2. С. 31-40; *Рыжова Д.С.* Геральдика в романах Кретьена де Труа // *Средние века.* 2018. Т. 79. № 1; *Староскольская (Рыжова) Д.С.* Геральдика XII в.: перспективы исследования // *Signum* (Отв. редактор А.П. Черных). Вып. 10. М.: 2019; *Староскольская (Рыжова) Д.С.* Heraldic Blazon in Tournoi de Chauvency, 1285 // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 4 (78) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840005014-4-1/> (дата обращения: 15.08.2019). DOI: 10.18254/S207987840005014-4.

ГЛАВА I. Появление и развитие геральдики в XII-XIII вв.

§ 1. Предпосылки происхождения геральдики.

Вопрос происхождения геральдики сложен и до сих пор вызывает многочисленные споры. Несмотря на имеющееся представление о том, откуда и как она появилась, и что послужило толчком к ее распространению и складыванию как устойчивой системы, многие детали этого процесса остаются пока неизвестными. Трудно определимы и критерии, по которым изображение можно считать гербом, что важнее для его определения – изобразительное единство, передача по наследству, единство функции? Выработка универсального определения герба – сложная задача для современных исследователей. Еще сложнее ответить на вопрос, что считали гербами их первые носители, чем гербы были для них, воспринимали ли они эти изображения целостно как систему, существовало ли для них понятие геральдики, как мы воспринимаем ее сегодня. Мы знаем, что сами эти термины – *arms* и *(ars) heraldica*, которыми мы оперируем сегодня, еще не использовались на момент, когда геральдические знаки уже существовали¹⁰⁵. Возможно поэтому мы и не находим текстов, которые объясняли бы отношение современников к этому новому социальному и культурному феномену. Таким образом, определение лексики, используемой для описания знаков распознавания, должно лечь в основу исследования геральдических процессов XII-XIII вв. Для этого необходимо проследить использование и «называние» визуальных (и не только) идентификаторов в предшествующие эпохи.

Разнообразными идентификационными знаками пользовались разные народы на протяжении эпох. Описания первых изображений на щитах можно найти у Геродота, который приписывает их карийцам, населявшим юго-

¹⁰⁵ *Hiltmann T.* The Emergence of the word Heraldry in the seventeenth Century and the roots of a misconception. // *Coat of arms*. 3rd ser. 11, 2015. P. 107-116.

западное побережье Малой Азии. И если проверить эти сведения мы не имеем возможности, то микенская археология уже предоставляет целый ряд вещественных доказательств того, что микенцы размещали изображения на своих щитах¹⁰⁶. В Греции, начиная с архаического периода, существует огромный массив изображений вооруженных щитами гоплитов на вазах и других поверхностях. Эти рисунки представляют собой универсальные изображения, которые мы находим по всему миру в разных эмблематических традициях: простые геометрические орнаменты и изображения животных, растений, орудий, людей. Проанализировав описания щитов героев в древнегреческой литературе, можно предположить, что изображения на них должны были выделить их носителей на поле боя и, очевидно, донести некоторое послание до тех, кто мог эти щиты видеть¹⁰⁷. Однако непосредственное значение элементов (звезд, месяцев, лошадей, львов, дельфинов, фигур воинов и пр.), их регулярность и логика выбора остаются для нас загадкой. Более того, исходя из их функции, эти изображения были сугубо индивидуальными и менялись от случая к случаю, т. е. не формировали строгую систему. Эти щиты не обладали ни одной из трех основных характеристик средневекового герба – неизменяемостью, наследуемостью и системностью. Вследствии этого говорить о прямой непосредственной преемственности между этими системами и европейской геральдикой некорректно.

Но все же геральдика не появилась из ниоткуда, у нее была довольно обширная знаковая база и идентификационная традиция, в которой она складывалась на протяжении нескольких веков, и отследить момент ее появления, таким образом, очень трудно. Она формировалась на протяжении

¹⁰⁶ Chase G.H. The Shield Devices of the Greeks//Harvard Studies in Classical Philology – 1902. Vol. 13. P. 62-127.

¹⁰⁷ Wandhoff H. The Shield as a Poetic Screen: Early Blazon and the Visualization of Medieval German Literature / H. Wandhoff// Visual Culture and the German Middle Ages. – New York: Palgrave, 2005. P. 53-71.

десятилетий, обретая все более отчетливые формы, все более кодифицируясь, обретая единство изображения, использования и именования, что и стало ее основными качествами. Скорее всего, и основные гербовые фигуры сложились из разнородных ранее существовавших визуальных элементов, использованных изначально в качестве знамен, а не изображений на щитах¹⁰⁸.

Тем не менее, система идентификации, существовавшая в Средние века, не была изначально только визуальной. Вопреки распространенной версии о том, что катализатором появления геральдики стало изменение формы доспеха, А. Айлз замечает, что вооружение, используемое ранее XII в. также делало практически невозможным распознавание в лицо, что приводило к множеству ошибочных суждений и действий¹⁰⁹. Так, например, в 1079 г. Роберт Куртгез, сын Вильгельма Завоевателя, не признав отца, ранил и спешил его при осаде Жерберуа. Однако позже, узнав его по голосу, отдал ему своего коня: *«Rex Willemus filio suo Rotberto, ante castellum Gerbotherret quod ei rex Phillipus praestiterat, dum pugnam intulerit, ab ipso vulneratus in brachio, de suo dejectus est emissario: sed mox ut illum per vocem cognovisset, festinus descendit, ac illum suum caballum ascendere jussit, et sic abire permisit¹¹⁰»*. Именно от слова со значением узнавания (*cognovisset*)

¹⁰⁸ Pastoureau M. L'apparition des armoiries en Occident... P. 281.

¹⁰⁹ Ailes A. The Knight, Heraldry & Armour: The role of Recognition & the Origins of Heraldry // Medieval Knighthood IV: papers from the Fifth Strawberry Hill Conference 1990. Woodbridge: Boydell, 1992. P. 1, 7-8.

¹¹⁰ «Король Вильгельм своим сыном Робертом под замком Жерберуа, который получил от короля Филиппа, в битве был ранен им ударом в руку и упал: но узнав его по голосу [Роберт] быстро спешился, помог ему сесть на своего коня, тем самым дав ему уехать». *Florentii Wigorniensis. Chronicon ex chronicis, ab adventu Hengesti et Horsi in Britanniam usque ad annum MCXVII, cui accesserunt continuationes duae quarum una ad annum MCXLI, altera, nunc primum typis vulgata ad annum MCCXCV perducta. Vol. II. Londini, Sumptibus societatis, 1848. P. 13.*

происходит одно из первых средневековых наименований идентификаторов – лат. *cognitiones* и фр. *connaissance*, «знак распознавания», примеры использования которого будут рассмотрены далее.

Этот и многие другие встречающиеся эпизоды хроник свидетельствует об изначально существовавшем способе распознавания по голосу, который дал начало традиции устных девизов (*crie de guerre*), которые могли быть как личными: «*Munjoie escriet, ço est l'enseigne Carle*», подобно девизу Карла Великого в «Песни о Роланде»¹¹¹, так и групповыми, отвечающими в первую очередь за распознавание «свой – чужой», как, например, устный девиз крестоносцев: «*tunc alta voce omnes simul Franci exclamaverunt: Deus hoc vult, Deus hoc vult! Hoc enim erat **signum** exclamationis nostrae*¹¹²» – обозначенный теперь словом *signum*, принявшем во французском языке форму *enseigne*, вторым названием знака распознавания.

На смену акустическому способу пришла визуальная репрезентация, которая вероятно сложилась на основании знамени, элемента, не являющегося средневековым изобретением и являвшегося местом расположения идентифицирующего знака во многих культурах. В Средние века существовало два типа знамен: *vexillum-gonfanon*, предназначенных для идентификации целых армий и *signum-enseigne-pennon* – личных более скромных знамен. Есть основания полагать, что именно на полотнищах этих индивидуальных знамен и сложилась знаковая система, перешедшая впоследствии на одежду и на поверхность щита (не покинув при этом знамени) и превратившаяся в итоге в геральдику¹¹³.

¹¹¹ «Кричали «Монжуа» – это девиз Карла!» *Chanson de Roland*. Ed. Gérard Moignet, Paris, Bordas, 1972. P. 114

¹¹² «И тогда все франки в один голос закричали «Бог этого хочет! Бог этого хочет!» это был наш девиз». *Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymetana (1095–1127); mit Erläuterungen und einem Anhang*, hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 233.

¹¹³ *Johns R. Identifying the Warrior on the Pre-Heraldic Battlefield // Anglo-Norman Studies*. Cambridge: Boydell & Brewer, 2008. P. 157.

Важно отметить, что именно словом *signum*, применявшимся ранее к устным знакам, теперь обозначалось и личное знамя. Так, например, Фульхерий Шартрский в начале XII в. описал начало осады Антиохии следующим образом: «*cumque item prospiceret vexilla principum nostrorum altrinsecus ordinate praeferri et acies divisas decenter subsequi, mox regressus Gorbagath dixit: ecce Franci! (...) signa quae cerno quorum sunt non ignoro. iterum attentius intuens cognovit signum episcopi Podiensis*»¹¹⁴.

В использовании названий двух типов знамен, однако, существует определенная путаница. Несмотря на то, что поэт Вас в «Романе о Роллоне» упоминает различие между баронами и простыми рыцарями: *Li baron orent gonfanona / Li cheualier orent penons*¹¹⁵, непонятно, всегда ли автор XII в. осознавал точное различие между *vexillum* и *signum*. Так, Боэмунд Тарентский, по словам Фульхерия Шартрского, выступает под красным знаменем: *cumque Turci primitus vexillum Boamundi vidissent rubicundum*¹¹⁶, а Балдуин Иерусалимский под белым: *viso signo albo quod baiulabat*

¹¹⁴ «Когда он также увидел вдали, что с той стороны несли знамена наших лидеров, и войска, подходящим образом разделенные, подходили, вернувшись скоро, Горбагат сказал: «Это франки!» (...) Знаки, которые видел, не были ему незнакомы. Снова внимательно посмотрев, узнал он знамя епископа Пюи». *Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymetana* (1095–1127); mit Erläuterungen und einem Anhang, hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 253-254.

¹¹⁵ «У баронов были знамена, у рыцарей «пенноны»» (vv. 6529–6530) *Maistre Wace's Roman de Rou et des ducs de Normandie*. Ed. H. Andersen. Heilbronn, Gebr. Henninger, 1879. P. 288.

¹¹⁶ «Когда турки впервые увидели красное знамя Боэмунда». *Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymetana* (1095–1127); mit Erläuterungen und einem Anhang, hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 231.

*Balduinus*¹¹⁷, хотя контекст появления этих различительных знаков очень похож.

Тем не менее, даже если опустить смысловую разницу между знаменем и «пенноном», очевидно, что в ранних визуальных идентификационных системах основную роль играл цвет.

Р. Джонс, исследуя ранние системы знаков распознавания, помимо возможности узнать друг друга по форме шлема, виду доспеха или просто по коню, приводит и примеры, где распознавание происходит по цвету этих элементов. Так, например, Р. Джонс, ссылаясь на Ордерика Виталия, упоминает, что Ральф Красный был прозван так, потому что был «покрыт рубинами», и предполагает, что речь идет о его доспехах, а «белый рыцарь» Теобальд, сын Уолтера Бретейя – из-за того, что его конь и вся упряжь были белого цвета¹¹⁸.

Возможно рудиментом этой же простой изначальной цветовой дифференциации стали и многочисленные «цветные» рыцари Артурианского цикла, которые со временем вобрали в себя и определенный символический фон, достаточно долго сопротивлявшийся геральдике. Дж. Бролт даже выдвигает идею о том, что авторы артурианских романов намеренно наделяли героев одноцветными щитами, чтобы подчеркнуть архаичность и фантастичность повествования¹¹⁹. В подтверждение своих слов Дж. Бролт цитирует Гальфрида Монмутского (ок. 1136), который считал, что рыцари времен короля Артура были более добродетельны и доблестны по сравнению с современными ему намного более претенциозными рыцарями XII в.:

¹¹⁷ «Когда они увидели белый флаг Балдуина». *Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymetana (1095–1127); mit Erläuterungen und einem Anhang, hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 326.*

¹¹⁸ *Johns R. Op. cit. P. 161.*

¹¹⁹ *Brault G.J. Early Blazon... P. 29-10.*

*quicumque vero famosus probitate miles in eadem erat, unius coloris vestibus atque armis utebatur*¹²⁰.

Предположение о том, что цвет являлся важнейшей составляющей визуальной идентификации, подтверждается и ранними гербами, где тинктуры стали с самого раннего времени своего существования основным элементом, как различительным (на примере бризур, представленных разными тинктурами одних и тех же фигур), так и наоборот, объединяющим (как в случае с ношением сочетания золота и лазури потомками французского королевского рода¹²¹), а термины, обозначающие их, одними из первых закрепятся в номенклатуре блазона¹²².

Отсюда кажется логичным предположить и еще одну причину начала складывания предпосылок к развитию геральдических знаков в XI в., когда потребовалась более сложная система цветового дифференцирования. Присутствие большего количества значимых личностей на поле боя и необходимость знакового обозначения местонахождения каждого из них привела к появлению в гербовых полях одного цвета – фигур другого цвета. Этим можно объяснить преобладание геометрических элементов и других простейших фигур, простых для многократного воспроизведения, запоминания и узнавания на расстоянии.

¹²⁰ «Всякий прославленный своей доблестью рыцарь этой страны неизменно облачался в одежды и доспехи одного и того же избранного им цвета». Перевод А.С. Бобовича // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Послеслов. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1984. (Литературные памятники). С. 157.

¹²¹ Черных А.П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. — Вып. 74 (3–4). Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука. 2013; Pastoureau M. Traité d'héraldique... P. 308.

¹²² Рыжова Д.С. Металлы во французской и англо-нормандской геральдической лексике XII–XIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1> (дата обращения: 11.10.2016).

Основную же причину появления геральдики и превращения ее в социальную репрезентативную систему, выходящую за рамки чисто военного применения, стоит искать в формировании новых представлений о роде. По словам А.П. Черных, «гербы появились в особом, отличном от нашего, мире символической и визуальной культуры Средневековья как средство социальной, а не личностной идентификации»¹²³. Изменение порядка держания фьефа, произошедшее в XII в., нашло отражение и в фундаментальных изменениях в понятии семьи, что отразилось во многих культурных и социальных аспектах: в системе собственных имен, в становлении культа относящихся к своему роду предков. Знать эпохи Каролингов, состоявшая всего из нескольких десятков семейств, держала большие земельные участки и государственные должности (*honores*), однако принцип наследования еще не был закреплен. Из-за этого каждое поколение этих семейств формировало размытые «горизонтальные» структуры взаимоотношений. Уже в этих структурах роль предка была крайне важна – списки с именами хранились в монастырях и аббатствах, где читались поминальные молитвы – но память о них не была привязана к конкретной местности. Не существовало и родовых имен, принадлежность человека к семейству передавалась только через выбор одних и тех же личных имен для наследников на протяжении поколений¹²⁴. С X-XI вв. с началом трансформации знати и установления принципа наследственности каждое семейство сплотилось на основе одной вотчины, имея основополагающим принципом своего единства территориально определенное земельное держание. Структура взаимоотношений сменилась на «вертикальную» – земля переходила по наследству старшему сыну держателя, становилась

¹²³ Черных А.П. Гербовник как исторический текст // Люди и тексты. М.:ИВИ РАН, 2011. С. 331.

¹²⁴ Менан Ф., Мартен Э., Мердриньяк Б., Шовен М. Капетинги. История династии (987-1328). С.-Пб.: Евразия-Клио, 2017. С. 74.

центральной точкой единства семьи и теперь уже могла стать основой для самоназвания рода, дать ему свое имя, что упрощало идентификацию и усиливало сознание идентичности новых аристократических родов¹²⁵. В свершавшемся переходе от основополагающего античного понятия семьи (лат. *familia*), которая включала в себя не только родственников, но и ближайших соратников, слуг и рабов, к понятию рода (фр. *lignage*), где на первый план выходило представление о важности кровного родства и старшинства, новая средневековая семья, а точнее род-династия строилась вокруг прав наследования и центрировалась географически¹²⁶.

Эти изменения прекрасно отражены в литературе, создававшейся на народных языках, которая связывает античную традицию и рассказ о Трое с первыми английскими королями, выстраивая их генеалогическое древо. Подобные тенденции появляются и в каждой конкретной семье. Непременным условием, без которого не существует родового сознания, стало наличие действительного или изобретенного героического предка-основателя¹²⁷. Свидетельством тому являются многочисленные семейные хроники, которые появляются не только в семьях графов, но и в семьях менее богатой аристократии. Важным аспектом, отраженным в этих хрониках, является привязка этого генеалогического древа к конкретной территории. Р. Блох отмечает, что часто и родовой миф о предке-основателе связан с этой землей или фамильным замком, который этот предок по преданию часто сам и построил¹²⁸. Такая система организации общества соответствовала развивающемуся феодализму, где территории и привилегии, ранее получаемые за службу и отчуждаемые по её окончании, теперь становились

¹²⁵ Там же. С. 76.

¹²⁶ Bloch R. Étymologie et généalogie: theories de la langue, liens de parenté et genre littéraire au XIII siècle // Annales ESC. 36 année No. 5, sept-oct. 1981. P. 950.

¹²⁷ Duby G. Structure de parenté et noblesse dans la France du Nord aux XI et XII siècles // Hommes et structures du Moyen Age. Paris, 1973. P. 283.

¹²⁸ Bloch R. Op. cit. P. 951.

наследственными, передаваемыми от отца к сыну. Именно в этих условиях зародилась необходимость в родовом имени, а иначе говоря «фамилии», которая бы указывала не только на связь с родом, но и на земельные владения в его распоряжении, а значит, и на социальный статус. Таким образом, наследуемый фьеф, сам род и фамильное имя представляли одно неделимое целое, визуальным отображением которого стали гербы. Подтверждение этому нетрудно найти в ряде ранних гербов, которые часто создавались по принципу использования фигур и цветов, соответствующих звучанию топонима и, соответственно, наименования рода. Такие гербы называются «гласными» и составляют немалую часть ранних гербов.

На неслучайность одновременного появления родовых имен и гербов указывает и М. Пастуро: «В начале XIII в. целый ряд значительных французских и английских линияжей, связанных между собой родством в 4-м, 5-м или даже 6-м коленах, но восходящих к общему предку, жившему до появления гербов, тем не менее, носили в своих гербах одну и ту же фигуру или одни и те же цвета»¹²⁹. Таким образом, герб стал простым и легко читаемым признаком принадлежности к роду, и в первую очередь действовал как идентификатор именно линияжа, а не непосредственно индивида, ведь все права на сеньорию теперь держались именно по праву наследования и не отделялись от заслуг предков и родственников.

Очевидно, что формированию европейской средневековой геральдики в отдельную специфическую систему, отличную от систем знаков, используемых другими культурами, послужили и схоластические споры, приведшие в XII в. к отождествлению знака с его предметом. Если до IX в. все сделки и договорённости совершались преимущественно устно, требуя личного присутствия всех сторон, то начиная с 900 г. стал развиваться метод письменного документирования, который в свою очередь потребовал

¹²⁹ *Pastoureau M. Traité d'héraldique. P. 306. Пер. А.П. Черных*

дополнительной верификации текста. Гарантами этих сделок стали печати, а элита, пользовавшаяся ими, стала зависимой от репрезентации знаками¹³⁰.

Помимо печатей, основным полем использования протогеральдических, а затем и геральдических символов стали рыцарские турниры. Именно активное участие в этом рыцарском «смотре» стало катализатором развития геральдики. Согласно Кл.-Ф. Менетрье гербы как изображения родились на немецких турнирах, откуда и те, и другие были заимствованы во Францию, которая в свою очередь стала родиной блазона¹³¹. Возникли они не как готовая система, а как многочисленные и, вероятно, очень разнородные изображения¹³². Турнирная же деятельность способствовала их дальнейшему развитию и становлению геральдики: необходимость вербального сопровождения турнира привела к складыванию определенных правил описания изображений на гербах, что собственно и привело к появлению блазона. А в дальнейшем упорядоченная лексика стала и причиной определённой систематизации рисунков¹³³.

Еще более сложным остается вопрос о происхождении и становлении блазона как словесной формы существования герба. Кажется логичным предположить, что причиной этому стала, с одной стороны, необходимость устного сопровождения турниров, с другой, документального фиксирования геральдической информации. Однако произвольные описания, которых, возможно, было достаточно сначала, должны были подвергнуться определенной кодификации в процессе усложнения самих гербов, для исключения путаницы похожих.

¹³⁰ Бедос-Резак Б.М. Средневековая идентичность: знак и понятие [пер. с англ. Д.В. Байдужа] // *Signum* / Центр гербоведческих и генеалогических исследований. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 5. М., 2010. С. 23.

¹³¹ *Ménéstrier Cl.-Fr. Origines des armoiries. Paris, 1680. P. 115.*

¹³² Черных А.П. Появление гербов... С. 129.

¹³³ *Pastoureau M. Traité d'héraldique. P. 302.*

Однако, как будет показано далее, язык гербовников с самого первого показывает относительную стабильность, что также подтверждает теорию о складывании первоначального блазона как устного инструмента для вербального представления геральдики на турнирах. Таким образом, очевидно, необходимость искать свидетельства складывания специального языка геральдики в более раннем периоде до появления первых непосредственно геральдических документов. Такими свидетельствами, в первую очередь, могут стать упоминания геральдических терминов (или прототерминов) в нарративных источниках XII - первой половины XIII вв.

Французская рыцарская литература стала одновременно и следствием развития рыцарской культуры в целом, и (несколько позднее) катализатором этого развития. Пик популярности рыцарских романов, совпадает со временем развития и становления геральдики. Так как нам неизвестно гербовников либо какой-либо другой геральдической литературы до середины XIII в., возможно, именно романы смогут пролить свет на историю раннего дописьменного периода существования гербов и предшествующих им знаков. Поэтому в массив источников, необходимых для проведения исследования, необходимо включить рыцарские романы и другие нарративные произведения, написанные в XII-XIII вв., потому что, даже если большая их часть не содержит прямых геральдических упоминаний, что уже было исследовано разными учеными¹³⁴, эти тексты, тем не менее, содержат отсылки и намеки на присутствие геральдики, либо дают нам представление о догеральдическом эмблематическом фоне и способе идентификации индивидов и родов.

Понимание культурной и языковой среды, в которой зародился блазон также очень важно. Время расцвета рыцарской культуры, французского романа и геральдики совпало не случайно. Рыцарский образ жизни, активная турнирная деятельность, также как и все сферы культуры, развивались на

¹³⁴ *Brault G.J. Early Blazon...; Bouly de Lesdain L. Op. cit.; Ptinet M. Le langage heraldique...*

почве общего экономического и духовного подъема, повлиявшего на благосостояние общества, что положительно сказалось и на возрастании интереса к античной литературе, появлении литературы на народных языках, дало толчок к развитию юриспруденции и философии, общим этическим и нравственным переменам в средневековом обществе. Стабилизация экономики и рост торговли способствовали увеличению благосостояния мелкой знати, находившейся в постоянном взаимодействии между собой¹³⁵. XI–XII вв. – период, когда намеренное строительство и оформление церквей как родовых усыпальниц только начало становиться повсеместным явлением. Это происходило на фоне двух важнейших процессов, приведших к существенной трансформации средневекового общества. Первый из них – григорианская реформа, в ходе которой перестраивались взаимоотношения влиятельных светских сеньоров и церковных институтов. Второй – формирование аристократического сословия, осознание принадлежности к которому – и манифестация этой принадлежности – становятся важными для его представителей¹³⁶. Нобилитет, рыцарская культура, рыцарская литература, крестовые походы, турниры – стали неотъемлемыми составляющими частями одного ментального пространства XI–XIII вв., визуальным воплощением которого и стали гербы, поставив тем самым перед хронистами задачу фиксации этих знаков, в том числе и в вербальном виде.

§ 2. Язык геральдики

Обозревая обозначенный выше круг источников, можно с уверенностью сказать, что все они (кроме латинских хроник) написаны на старофранцузском языке. Несмотря на то, что, как и для любого другого языка, обозначить временные и географические границы распространения

¹³⁵ *Haskins Ch.H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cleveland and New York: Meridian Books, 1957.

¹³⁶ *Ibidem.*

старофранцузского языка довольно сложно, принято считать, что именно он был господствующим языком на территории французского королевства с IX по XIV вв. Первое письменное свидетельство о французском языке встречается в 842 г. у франкского историка Нитгарда. Его латинское повествование прерывается, чтобы записать дословно произношение клятвы двух внуков Карла Великого уже на «*romana lingua*»¹³⁷ Таким образом, уже в IX в. вульгарная латынь приобрела достаточно отличий, чтобы восприниматься современниками как другой язык. Около 1100 г. этот процесс завершился и для других романских языков. К XIII в. романский (старофранцузский) язык уже противопоставлялся латыни, как язык народный, однако, еще конечно нельзя говорить о нем как о едином французском языке, и тем более о существовании какой-либо языковой нормы. Однако, следуя современным критериям деления языкового материала на собственно языки и диалекты, то, на чем говорили жители многочисленных герцогств, можно условно объединить под единым понятием старофранцузского языка.

Что же касается Английского королевства, то после нормандского завоевания французский и английский языки долго существовали в Англии, по отдельности обслуживая враждовавшие между собой социальные группы. Нормандский диалект французского языка, принесенный в Англию Вильгельмом Завоевателем и его новой знатью, получил в современной литературе название англо-нормандского и стал языком нормандской феодальной знати, двора, королевской администрации; англосаксонский же остался разговорным языком широких слоев коренного населения, но утратил политическое значение и не скоро снова стал официальным языком документов и литературы.

¹³⁷ Georgi D. Language Made Visible: The Invention of French in England after the Norman Conquest Charleston: Proquest, Umi Dissertation Publishing, 2011. P. 2.

Тем не менее, первые свидетельства упадка роли французского языка в верхних социальных кругах известны уже в XIII в.: некий рыцарь Готье де Биббисвор (*Gautie de Bibbisworth*) написал учебник «для детей господ, которые хотели бы выучить французский», что является косвенным указанием на то, что даже через два века после нормандского завоевания родным языком части нобилитета оставался все равно английский¹³⁸. Джон Тревиза в Полихрономиконе в середине XIV в. жалуется, что французский стали совсем плохо преподавать в школе, и бароны совсем его не знают, что стало предметом для шуток, отразившихся в литературе¹³⁹. Таким образом, в период расцвета геральдики французский язык оставался родным для короля¹⁴⁰ и многих представителей его двора, являвшихся одновременно поданными обоих королевств¹⁴¹ и иностранным языком для большинства мелких баронов Англии.

Само понятие англо-нормандского языка ставит немало проблем: зачастую сложно определить его границы в общей французской языковой среде; ведь, как справедливо заметил Д. Троттер, «общего у латыни, французского, англо-саксонского и англо-нормандского намного больше, и различия часто надуманы», однако делать это необходимо, так как в большинстве случаев это единственный ключ к географическому позиционированию анонимных источников¹⁴². Более того, в исторической науке принято рассматривать французский (а точнее старофранцузский) и англо-нормандский как отдельные языки, подчеркивая скорее политическую и географическую разницу, что неверно с точки зрения лингвистики:

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ Denholm-Young N. Op. cit. P. 53-54.

¹⁴⁰ Необходимо отметить, что родным языком Эдуарда I был провансальский – довольно специфический диалект французского языка.

¹⁴¹ Ibid. P. 54–55.

¹⁴² Trotter D. Deinz certains boundes: Where does Anglo-Norman begin and end? // Romance Philology. Volume 67, Issue 1. Brepols Publishers, 2013. P. 140.

имеющихся различий недостаточно для выделения его в отдельный язык, тем самым англо-нормандский является всего лишь диалектом старофранцузского языка¹⁴³.

Сложность в определении границ диалектов связана и с тем, что самые ранние текстовые источники, написанные на англо-нормандском, датируются периодом, когда источников на диалекте Иль-де-Франса (впоследствии принятого за эталон) еще не было. То есть отсутствует материал для сравнения. Многие сведения о дописьменном периоде использования французского языка в этом регионе лингвисты получают, исследуя прежде всего именно англо-нормандский и другие диалекты, уже задокументированные на то время¹⁴⁴.

Основным отличием англо-нормандского от непосредственно нормандского в литературных текстах считается его нерегулярность, то есть сильная вариативность, вызванная именно тем, что язык учился говорящими на нем как иностранный. Англо-нормандский практически сразу оказался в определенной изоляции и перестал развиваться естественным путем. Об этом свидетельствуют структурные изменения языка: раннее сокращение падежей, монофтонгизация дифтонгов, фонетические и грамматические упрощения. Это же свидетельствует и о том, что англо-нормандский редко использовался в устной форме¹⁴⁵. Это сделало язык недостаточно экспрессивным для передачи необходимой информации; говоря на языке, выученном как иностранный, а не приобретенный с детства, люди, как правило, избегают сложных и витиеватых грамматических конструкций, редких и эмоционально окрашенных слов, останавливается словообразование. Так и привезенный в Англию нормандский диалект не развивался естественным образом. Ввиду

¹⁴³ *Vising J.* Étude sur le dialecte Anglo-Normand du XIIe siècle. Dissertation présentée a la faculté des lettres d'Upsala. 1882. P. 1-10.

¹⁴⁴ *Menger L.E.* Anglo-Norman dialect. A Manual of its Phonology and Morphology New York: Columbia University Press, 1904. P. XX.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 2.

его чужеродности для говорящих на нем людей он быстро упростился, потерял всю красоту живого языка и при этом сохранил ряд устаревших архаичных признаков.

Учитывая, что блазоны XIII в. по сути написаны на одном языке, то есть основаны на одних правилах грамматики и одном лексическом наборе, необходим статистический анализ диалектов, использованный для их составления. Вопрос определения диалекта документа, кажется, не должен вызывать трудностей. Современные исследователи достаточно легко отличают англо-нормандскую литературу от созданной на материке. Существуют также работы, посвященные непосредственно языку ранних гербовников, в том числе списки и каталоги, указывающие на язык документа. В ряде этих работ в списках чередуются гербовники на «старофранцузском» и на «англо-нормандском» и, кажется, что логика их разделения понятна. Но все же исследования языка имеющихся у нас гербовников проводились, и несколько слов о них сказать можно.

Вопреки ожиданиям, только некоторые из английских гербовников написаны на англо-нормандском, что наиболее вероятно свидетельствует о привлечении французских специалистов для работы с английским геральдическим материалом или, по крайней мере, для его записи. Однако по сравнению с французскими гербовниками (то есть посвященными событиям и персонам континентального франкоговорящего региона) английские гербовники показывают бóльшую стабильность блазона в плане грамматических конструкций и выбора терминов, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии уже сложившейся в более ранний период геральдической номенклатуры. На частое нарушение принятого правила-порядка во французском блазоне указывает и Дж. Бролт¹⁴⁶. На основании проведенных на нынешний день исследований принято делать следующие выводы касательно языка используемых в данной работе гербовников.

¹⁴⁶ *Brault J. The Emergence of...*

Гербовник Гловера, самый ранний из гербовников, дошедший до нас в трех копиях XVI и XVII вв., по мнению исследователей написан именно на англо-нормандском. Это можно определить по содержащимся в нескольких из копий архаичной лексике¹⁴⁷, частому использованию *blanc* вместо *argent*, *noir* вместо *sable*. Необходимо отметить, что подобные замены характерны и для других ранних гербовников, дошедших до нас в оригинале, что позволяет верить в подлинность текста. Однако, как будет показано далее, использование названий тинктур в качестве основы для оценки используемой лексики может привести к ошибочным выводам, так как эта часть лексики специфична и обособлена от всего массива.

История копирования гербовника Гловера также достаточно запутана. Всего, как было указано выше, существует 4 версии этого гербовника, то есть имеющие достаточные различия, чтобы считать их копиями с разных оригиналов. Две из них (III и IV) содержат всего лишь одну четвертую часть гербов, перечисленных в других двух версиях (I и II). При этом версия II, дошедшая до нас в единственной копии, сделанной Р. Гловером в 1586 г., содержит очевидные правки и следы модернизации текста¹⁴⁸, и таким образом ее не стоит рассматривать как источник раннего блазона, при этом она также содержит варианты *blanc-argent* и *noir-sable*. Копия версии IV была сделана с гербовника XIV в. и, похоже, содержит лексику ок. 1350 г.¹⁴⁹, таким образом, и ее следует исключить. Из оставшихся версия I не только представляет наиболее полный список блазонов, но и по ряду косвенных факторов¹⁵⁰ может считаться наиболее близкой к оригиналу XIII в.

¹⁴⁷ Wagner A. Catalogue... P. 4.

¹⁴⁸ London H.S. et alii. Op. cit. P. 90.

¹⁴⁹ Ibid. P. 91.

¹⁵⁰ Роберт Кук, делая копию с оригинала, представленного исключительно блазонами, снабдил ее прорисовками гербов, в которых допустил некоторые ошибки в изображении, применяя к ряду архаичных терминов их современное значение. Это может считаться

Язык гербовника Уолфорда наиболее вероятно представлен северным диалектом французского, вероятно пикардийским¹⁵¹. Существуют две его версии, различающиеся языком и порядком гербов. Повторимся, что Х.С. Лондон считал, что язык копии II a может считаться современным составлению гербовника с наименьшим количеством исправлений¹⁵², однако Дж. Бролт предпочел копию II b¹⁵³; тем не менее, обе эти копии представляют версию II.

Гербовник Кэмдэна, изначально рисованный, вызывает сложности в определении языка. Считается, что блазон был написан позже даты составления гербовника. Это предположение сделано на основании палеографических заключений: почерк автора датируется более поздним периодом, чем изображения. Н. Денхольм-Янг, однако, предполагает, что блазон мог быть составлен герольдом с севера Франции, где есть примеры подобного почерка на период датировки свитка, соответственно и язык его тогда можно считать скорее французским¹⁵⁴.

Фолкеркский гербовник дошел до нас в двух поздних копиях, одна из которых предлагает архаичное написание *Wa* вместо *Ga*, указывающее на англо-нормандский диалект. В тексте Фолкеркского гербовника присутствуют архаичные варианты написания некоторых слов, что также позволяет судить, что его блазон – англо-нормандский¹⁵⁵.

свидетельством в пользу того, что он не пытался изменить лексику в соответствии с современными известными ему гербами семейств. Ibid. P. 93.

¹⁵¹ *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 8.

¹⁵² *London H.S., Tremlett T.D.* Rolls of Arms of Henry III (Aspilogia II) London: University Press, 1967. P. 99-103.

¹⁵³ *Brault G.J.* Rolls of Arms: Edward I...

¹⁵⁴ *Denholm-Young N.* Op. cit. P. 62.

¹⁵⁵ *Ibid.* P. 108. *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls... P. 11.

Песнь об осаде Кэрлаверока изначально скорее всего была написана на одном из северных французских диалектов¹⁵⁶. Однако Дж. Бролт, говоря об этом тексте, обращает внимание на копию, хранящуюся в Британском музее, которая содержит ряд характерных для англо-нормандского окончаний, даже нарушающих правила французского стихосложения. Однако, скорее всего, именно англо-нормандская версия является копией с французского оригинала, так как содержит ошибки в блязоне. Всё же настаивать на какой-то одной из этих точек зрения оснований пока недостаточно¹⁵⁷. Часть французских гербовников определена как написанные на пикардийском диалекте, остальные не поддаются точному установлению диалекта, но их составители однозначно происходили из региона Северной Франции.

Нельзя не отметить практически полного отсутствия влияния латыни на язык гербовников. Латынь на протяжении всего Средневековья, оставаясь *lingua franca* для всех жителей Европы, легла в основу всех профессиональных жаргонов и терминологий, в первую очередь теологии, юриспруденции и медицины. На латыни изначально создавались и документы королевских канцелярий, где она впоследствии была все-таки вытеснена французским, оставив, однако, существенный языковой отпечаток. Первые же латинские гербовники (не считая *Chronica Majora* Матвея Парижского, о которой будет сказано отдельно) появились намного позже первых экземпляров на национальных языках.

Причина этого, возможно, кроется в социальном статусе их авторов – герольдов. В XII в. профессиональные герольды выросли из среды менестрелей, то есть придворных артистов. В гардеробных списках Эдуарда I *rex heraldorum*, то есть гербовый король перечислен в общем списке под заглавием *minestralli* вместе с музыкантами и другими артистами¹⁵⁸. По

¹⁵⁶ Denholm-Young N. Op. cit. P. 59.

¹⁵⁷ Brault G.J. Early blazon... Notes. P. 123.

¹⁵⁸ Denholm-Young N. Op. cit. P. 54-63.

аналогии с последующими эпохами герольды считаются авторами первых гербовников, создававшими их в качестве документов для личного профессионального пользования. И действительно, первые упоминания герольдов в составе войск и дворов представителей знати совпадают по времени с появлением первых гербовников.

С другой же стороны, имеющиеся упоминания герольдов за работой представляют их, как правило, за совсем другими занятиями, как, например, выполнение дипломатических поручений или ведение турнира и тому подобными. Да и сам статус герольдов как менестрелей, в обществе, где грамотность доступна узкой прослойке клириков, говорит скорее о том, что те не умели писать¹⁵⁹.

В свете недавнего доклада Т. Хильтмана, посвящённого роли герольдов в развитии геральдики, стоит заметить, что она может быть переоценена. Т. Хильтман подмечает: «Мы считаем, что авторами гербовников были герольды, потому что они эксперты в геральдике, а считаем мы их экспертами в геральдике потому, что они составляли гербовники»¹⁶⁰. И действительно, мысль о том, что авторами ранних гербовников могут быть вовсе не герольды, требует бóльшего внимания. Представление о том, что герольды были выходцами из низших слоёв и были не в состоянии составить документ, пусть даже и были сведущи в гербах, заставляло скорее усомниться в достоверности документов, чем в реальных возможностях герольдов. Интересным примером может служить замечание Фруассара о том, что после битвы при Креси Эдуард III отправил двух рыцарей чтобы подсчитать потери,

¹⁵⁹ *Староскольская (Рыжова) Д.С.* Геральдика XII в...

¹⁶⁰ *Hiltmann T.* Heralds are not heraldry, heraldry not heralds: On the benefits of clear distinctions //Heraldica Nova: Medieval and Early Modern Heraldry from the Perspective of Cultural History [Электронный ресурс] URL: <https://heraldica.hypotheses.org/766> (дата обращения: 13.11.2018).

дав им с собой двух герольдов для определения погибших и трех клириков, чтобы записать их имена¹⁶¹.

Если посмотреть на труды, посвящённые геральдике или как-либо связанные с нею, начиная с самых ранних и чье авторство доподлинно известно, то окажется, что они принадлежат отнюдь не герольдам, и их количество будет довольно значительным: Матвей Парижский, Жак Бретель, Бартоло ди Сассоферрато, Николас Аптон, Иоанн де Бадо Аурео, Клеман Прэнсо и многие другие, среди которых – наиболее важные авторы геральдических трудов.

Таким образом, вопрос авторства гербовников остается открытым, и будет подробнее рассмотрен далее.

Не стоит забывать и о том, что «центром письменности» была церковь, и все тексты выходили из-под пера клириков, обладавших достаточным образованием и временем для их составления. Неудивительно, что и первые литературные произведения в жанрах *chanson de geste* и романов были написаны монахами. Лишь в XII в. необходимость содержания собственных канцелярий при дворах привела к появлению клерков из мирской среды и общему подъему уровня образования¹⁶², до этого же к созданию документов привлекались клирики, часто не покидавшие при этом стен своих монастырей.

В целом отношение церкви к турнирам и рыцарской культуре и сопутствующей ей геральдике можно охарактеризовать как негативное¹⁶³. Турниры – главный катализатор развития геральдики и ремесла герольдов, захватившие умы средневековых европейцев, практически сразу вызвали неодобрение церкви и попали под запрет. Что именно стало причиной такого

¹⁶¹ *Froissart J. Chronicles. Ed G T Diller. Geneva and Paris: Droz, 1972. P. 739.*

¹⁶² *Bedos-Rezak B. When Ego was Imago. Signs of Identity in the Middle Ages. Leiden: Brill, 2011.*

¹⁶³ *Бартелими Д. Рыцарство: От древней Германии до Франции XII в. С-Пб., 2012. С. 422–423.*

негативного отношения – действительно ли рыцари предпочитали эти состязания опасным и дорогостоящим крестовым походам, что противоречило планам церкви, или это было вызвано личной неприязнью Бернара Клервосского, активно проповедовавшего отказ от праздных развлечений, – установить трудно. Тем не менее, во второй половине XII в. интерес к турнирам был всеобщим¹⁶⁴.

Запрет со стороны церкви на участие в турнирах появился уже через три года после первого упоминания турнира: папа Иннокентий II запретил участие в подобных мероприятиях сначала на местном Клермонском соборе в 1130 г., а затем подтвердил его официальным декретом на вселенском Втором Латеранском соборе в 1139 г. Запрет объяснялся тем, что участие в турнирах грозило не только «потерей жизни, но и опасностью для души»¹⁶⁵. Грех этот, по мнению папы, был настолько серьезным, что в наказание за непослушание в случае гибели рыцаря на ристалище, что не было редкостью, его лишали погребения в освященной земле по христианскому обряду, однако «не отказывая ему в покаянии и предсмертном причащении»¹⁶⁶. Церковь была довольно последовательна в решении вопросов о захоронении.

Однако запрет оставался церковным, а европейские монархи относились к нему каждый по-своему. В некоторых случаях запрет поддерживался. Так Вильям Ньюбургский сообщает о том, что на территории Англии в правление короля Стефана турниры все-таки проводились, а Генрих I и Генрих II занимали жесткую отрицательную по отношению к ним позицию, и участвовать в турнирах на территории английского королевства во время их правлений было невозможно, а желающие были вынуждены

¹⁶⁴ *Barker J.* The Tournament in England, 1100–1400. Woodbridge, 1986. P. 6.

¹⁶⁵ *Tanner N.* Decrees of the Ecumenical Councils. Vol. 1: Nicaea to Lateran V. Georgetown, 1990. P. 198.

¹⁶⁶ *Ibidem.*

ездить за границу¹⁶⁷. Хотя именно при Генрихе II расцвела рыцарская литература и рыцарский роман как жанр, а его сын Генрих Молодой и его ближайший соратник Уильям Маршалл прославились (а второй, как известно, даже сделал карьеру) исключительно на этом поприще.

Легализация турниров стала причиной и еще одного важного для нашей темы события – появления «профессиональных» герольдов, задача которых заключалась в том, чтобы путешествовать по стране, а иногда и за ее пределами, объявлять о предстоящих турнирах, заниматься их организацией, объявлять участников, вести счет, и прочими делами, входившими в круг их непосредственных обязанностей¹⁶⁸.

Значительным послаблением в отношении турнирной деятельности стал период фактического правления Эдуарда I – с 1255 г., когда на троне еще оставался его отец Генрих III, и до смерти самого Эдуарда в 1307 г. – именно в этот период и были созданы самые ранние английские гербовники. Стоит отметить, однако, что ни один из них не является турнирным.

Но все же, несмотря на определенные закономерности, которые можно выявить между преградами турнирной деятельности и появлением геральдических свидетельств в литературе, статистика не позволяет говорить об очевидной зависимости этих двух процессов и можно лишь предполагать, что столь долгое, почти столетнее развитие геральдики в устной форме было вызвано нежеланием оставлять письменные свидетельства нарушения папского запрета. Это наводит на мысль, что официальный запрет фактически не мог остановить процесса развития блазона, но приостановил только его документирование.

Что важно, параллельно этим событиям развивалась и королевская канцелярия, потребность в большем количестве документов привела к

¹⁶⁷ *Howlett R. Chronicles of the reigns of Stephen, Henry II, and Richard I. London, 1884. P. 422–423.*

¹⁶⁸ *Denholm-Young N. Op. cit. P. 5.*

необходимости иметь при себе образованных клерков, способных постоянно присутствовать при дворе и менее подверженных влиянию церкви. Так, Генрих III, вступив на престол в 1227 г., начал «проверки» своих вассалов и земельных владений, находившихся у них в держании, с целью выявления незаконного захвата территорий. Толчком к этому послужила необходимость утверждения Великой Хартии вольностей, которая заставляла монарха идти на уступки, но и предполагала должное отношение вассалов к королю. Большинство земель во владениях английских феодалов не имело письменного подтверждения, фьеф приписывался семейству на основании традиции и общей осведомленности об этой связи. Молодой король стал издавать хартии, в которых предоставление фьефа фиксировалось на бумаге¹⁶⁹. Особого масштаба это процесс достиг при его сыне Эдуарде I. В его правление язык хартий, связанных с передачей фьефа, все более кодифицировался и унифицировался. Правильный порядок и выбор слов теперь имел особое значение, что позволяло избежать разночтений¹⁷⁰.

Таким образом, XIII век стал временем унификации документов и профессиональных жаргонов, а также распространения грамотности. Возможно, складывание блазона как профессионального языка геральдики является не просто совпадением, но следованием духу времени, обязательным требованием для складывания профессии и написания официальных документов, которыми гербовники, очевидно, уже являлись.

Учитывая все выше упомянутое, можно считать историческим курьезом то, что самый ранний известный гербовник был создан на латинском языке монахом Сент-Олбанского монастыря.

Труды Матвея Парижского (ок. 1200-ок.1259) стоят особняком в общем массиве ранних гербовников и вместе с тем являют собой отдельную часть

¹⁶⁹ Нельзя не отметить схожесть подобных переписей с возникшей позднее в XV в. традицией геральдических визитаций.

¹⁷⁰ Powicke M. Op. cit. P. 38-39.

истории становления геральдики. Труды Матвея Парижского выдают в нем человека с широким спектром интересов и незаурядных знаний во многих областях¹⁷¹, в который попала и геральдика. Почти все его труды снабжены маргиналиями с изображением геральдических щитов, сопровождающими текст в качестве индексов, в некоторых также имеются целые листы, заполненные изображениями гербов, а *Liber Additamentorum* (BM MS. Cotton Nero D I) содержит и схожие с блazoном описания изображений гербов.

Анализ изображений и блazoнов щитов, встречающихся в его трудах, подтверждает, что они были выполнены самим автором. Оставшиеся на полях его работ авторские заметки также свидетельствуют о том, что он рисовал гербы на основании собственных блazoнов, а не срисовывал их с какого-либо уже имевшегося гербовника. Р. Воэн, посвятивший Матвею Парижскому свою монографию, приводит ряд цитат из произведений Матвея Парижского, косвенно доказывающих, что вся геральдическая работа в его произведениях была проделана им самостоятельно. Например, в *Historia Anglorum*, он пишет: «полегло много французской знати, чьи имена и гербы мне («nobis») неизвестны»¹⁷². Стоит также отметить точность исполнения гербов и само наличие их во всех его произведениях. Матвей Парижский, имея хорошее представление о геральдике, уже задумывался о роли термина в тексте, и сомневался: оставлять ли его во французской форме как термин или же найти аналог в языке, на котором труд писался, как для обычной лексической единицы¹⁷³. Таким образом, Матвей путается между *aureus* и

¹⁷¹ Vaughan R. Mathew Paris. Cambridge, 1958. P. 235-236.

¹⁷² *Ibid.* P. 251.

¹⁷³ Подобные ситуации часто встречаются и в современности, особенно в случаях слов, обозначающие некие новейшие изобретения, часто в сфере техники или информационной науки. Например, при переводе слова возникает сомнение, устоявшийся ли это термин, который необходимо оставить при переводе, или нужно подыскать аналог в русском языке. Подобные случаи каждый раз решаются индивидуально, что приводит либо к

d'or, не зная стоит ли переводить слово на латынь или оставить *d'or* как есть, как устоявшийся термин¹⁷⁴, что, в общем, не противоречит правилу обозначения жёлтого цвета как «золота», а только подчёркивает трудности, с которыми сталкивался автор при переводе блазона на другой язык.

Анализ блазонов из *Liber Additamentorum* показывает, что термины, как правило, представлены на латыни, но не всегда. Так, для обозначения тинктур все же в большинстве случаев используются слова *albus*, *aureus*, *rubeus*, *azuro*, *niger* и *viridis* соответственно. Однако серебряная тинктура может также быть передана также через *argentus*, *d'argent*, *de blanc*; золотая – через *d'or*, синяя – через *azur*, *de azuro*, *d'azur* и *azurineus*; красная – через *gules*¹⁷⁵. В отношении других терминов Матвеем Парижским была предпринята попытка перевода их на латинский язык, поиска аналогов, так глава (*in chief*) обозначится словами *superius* и *in capite*, основание (*in base*) – *in pede* и так далее. Многие французские слова, однако, оставлены без изменения: *rampanz*, *chevrons*, *fesse*, *manche* и другие.

Сомнения автора привели к появлению странных конструкций, начинавшихся на латыни и заканчивавшихся на французском:

MP13: *Comitis de Warewic. Scutum eschekeratum de or et de azur, bende...*

Французское *escu* заменено латинским *scutum*, французское же *eschekere* («шахматный») адаптировано к латинской грамматике, а далее блазон следует на французском без изменений и попыток перевода. Однако именно эти трудности свидетельствуют о уже имевшихся определенных правилах блазонирования и устойчивости терминов, так или иначе знакомых автору.

займствованию иностранного слова, либо появлению неологизма для заполнения образовавшейся лакуны.

¹⁷⁴ *Brault G.J. Early Heraldry...P. 249.*

¹⁷⁵ *London H.S., Tremlett T.D. Aspilogia II... P. 7.*

Анализ блазонов Матвея Парижского сам по себе дает ценные результаты. Во-первых, появление в них терминов, которые впоследствии появятся и в гербовниках, говорят о том, что уже во время написания им своих трудов (ок. 1217-1259), эта лексика существовала как профессиональная геральдическая. То, что Матвей Парижский часто ошибается, путает термины, или дает описания гербов, которые почти невозможно понять, говорит о том, что автором была предпринята попытка самостоятельно освоить знание, уже существовавшее, оформившееся, ему известное, но которым он не владел профессионально. Как будет показано далее, этот случай не уникален.

ГЛАВА II. Блазон XII-XIII вв.

§ 1. Таксономическая терминология¹⁷⁶

Большую сложность для изучения геральдики раннего периода вызывает отсутствие в XII-XIII вв. терминов, обозначающих основные понятия, в первую очередь «герб» и «геральдика». Вся специальная терминология для описания и изучения геральдики появилась достаточно поздно, в XVII в., когда геральдика, помимо области практического применения, стала объектом научного исследования. Те же слова, которые приобретали и теряли свое «геральдическое» значение с XII по XVI в., часто сохраняли несколько значений, заимствовались в другие области или языки, что до сих пор приводит к путанице и трудностям перевода¹⁷⁷.

Д'А. Болтон выделил следующие слова, которыми располагал старофранцузский для обозначения визуальных признаков, функционально схожих с геральдическими в период с 1170 по 1335 г.¹⁷⁸

¹⁷⁶ Понятие таксономической терминологии геральдики было введено канадским геральдистом Д'А. Болтоном для обозначения «технических» терминов, называющих основные классифицирующие понятия: «герб», «геральдика», «гербовник», «герольд» и так далее. *Boulton D'A.J.D. Advanced Heraldic Studies: An Introduction. Part II. The Terminology of the Field: Its Nature, History and Inadequacies. Alta Studia Heraldica, 2010. P. 1.*

¹⁷⁷ Так, например, в современном французском языке слово «*blason*» обозначает непосредственно «герб», а «блазон», то есть геральдический язык, обозначается словом «*blasonnement*», в то время как в английском для обозначения «герба» используется «*arms*» (короткая форма от «*coat of arms*»), которое использовалось ранее, но ушло из современной французской геральдики. Слово «*devise*», имевшее ранее также значение герба, теперь, так же и в русском обозначает, короткую фразу, являющуюся жизненным кредо носителя, в то время как в английском это слово является общим названием геральдических фигур.

¹⁷⁸ Конец периода в 1335 г. связан с появлением первых грамот о даровании гербов в 1330-х и написанием Бартоло да Сассоферрато в 1355 г. первого геральдического трактата

1) *signe*, восходящий к латинскому *signum* – наиболее широкий термин, обозначающий непосредственно «знак». *Signe* мог употребляться для обозначения устных девизов, знамен, флагов и т.п., однако чаще применим в значении «знамение»;

2) *enseigne*, восходящий к тому же латинскому *signum* и его деривативу *insignia*, обозначающему знаки статуса. Однако, значение французского производного значительно шире, чем непосредственно «инсигния»: в латинских и французских текстах *enseigne* в значении идентификационных знаков (не только визуальных) сопоставим с латинским *signum*. Правильное понимание контекста и перевод усложняет и полисемия этих слов: даже внутри одного произведения *enseigne* может иметь различные значения.

Словом *enseigne* еще в XI в. назывался устный девиз, выкрикиваемый рыцарями во время сражения или на турнирах: «*Munjoie escriet, ço est l'enseigne Carle*», – неоднократно повторяется в «Песни о Роланде» (ок. 1100 г.)¹⁷⁹. О том же девизе речь идет в «Песне о Гийоме» (ок. 1140 г.): «*Crie: «Munjoie!» Ço est l'enseigne des noz*»¹⁸⁰, а позже уже и флаге на конце копья¹⁸¹: «*Sur sun arçun devant mist la lance, / A ses dous poinz derunp*

«О знаках и гербах», который задал иное направление геральдической мысли, начав тем самым период геральдической рефлексии. См.: Черных А.П. Трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах» // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 307–310.

¹⁷⁹ «Кричали «Монжуа» – это девиз Карла!» *Chanson de Roland*. Ed. Gérard Moignet. Paris, Bordas, 1972. Publié en ligne par l'ENS de Lyon dans la Base de français médiéval, dernière révision le 30-6-2006, <http://catalog.bfm-corpus.org/roland> p. 114.

¹⁸⁰ *Chanson de Guillaume*, édité par Duncan Mc Millan, Paris, Picard, 1949. Publié en ligne par l'ENS de Lyon dans la Base de français médiéval, dernière révision le 1-6-2013, <http://catalog.bfm-corpus.org/guill> p. 21

¹⁸¹ Разница между знаменем (*gunfanun*) и флажком или вымпелом (*enseigne*) в том, что последний является персональным способом идентификации участника битвы. См.: Jones R. Identifying...Op.cit. P. 156.

l'enseigne blanche»¹⁸². Впоследствии это слово будет означать уже изображение на щите, то есть фактически герб¹⁸³.

3) *cognoissance*, восходящий к латинскому *cognoscentia* – термин, семантически определяющий основную функцию своего денотата – «узнавание», он может быть переведен как «знак распознавания». *Cognoissance* довольно часто встречается в романах XII в. и по мнению Л. Були де Ледэна обозначает уже некий протогеральдический знак или фигуру¹⁸⁴. В отличие от остальных терминов, которые могут быть применены к устным девизам, знаменам, щитам и другим частям вооружения, этот самый узкий. С другой стороны, есть основания полагать, что *cognoissance* имеет более широкое значение и объединяет в себе все элементы, по которым рыцарь мог быть узнан или как минимум то, в какой цвет эти элементы были окрашены, как показывает отрывок из «Романа о Тристане»: «*Escu ot d'or a vair freté, / de meime le teint ot la lance / le penun e la conissance*»¹⁸⁵.

Cognoissance встречается уже в целом ряде поэм XII в. и последующего XIII в., однако, как будет показано далее, меняет свое значение, оставаясь, тем не менее, в семантическом поле «знака распознавания». Термин, вероятно, происходит изначально от глагола, часто встречающегося вместе с *enseigne*, как перед упомянутым выше отрывком из «Романа о Гийоме»:

¹⁸² Chanson de Guillaume, édité par Duncan Mc Millan, Paris, Picard, 1949. Publié en ligne par l'ENS de Lyon dans la Base de français médiéval, dernière révision le 1-6-2013, <http://catalog.bfm-corpus.org/guill> p 14.

¹⁸³ Интересно, что это же слово используется в значении «учить»: Macrobe m'enseigne a descriver, что сравнимо и с русскими леммами: знать, узнавать, знаменовать, знак, знамя. Цит. по Долгорукова Н. Сафо средневековья. Мария Французская. Круг чтения и литературные принципы автора XII века. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 41.

¹⁸⁴ Bouly de Lesdain L. Op. cit. P. 196-197.

¹⁸⁵ «Золотой щит, переплетенный «белкой», / такого же цвета копьё, / Вымпел – это и есть его знак распознавания» *Thomas de Angleterre. Le Roman de Tristan. BnF 776, v. 2182-2184.*

«*Esturmi, niés, derump cest gunfanun / Ke en fuiant ne nus conuisse l'um, / Car a l'enseigne trarrunt paen felun*¹⁸⁶». Мотив узнавания или неузнавания (*connaître*) различных визуальных знаков (сначала знамен, флагов, а затем и гербов) стал сюжетной основой многих средневековых романов.

4) *armes* является отдельным, но не менее важным термином, вызывающим значительные сложности в исследовании из-за своей полисемии. Первое значение слова, перешедшее практически без морфологических и семантических изменений из латыни, обозначает вооружение, военное снаряжение, как защитное (доспех), так и наступательное (меч, копьё, щит). Д'А. Болтон предполагает, что этот термин начал использоваться в протогеральдическом значении в первую очередь рыцарями, а не герольдами и использование его подразумевает метонимический перенос: во французском языке косвенное определение *d'armes* являлось аналогом латинскому *militaris* и применялось в значении «военный, воинский» (*mestier d'armes, faits d'armes, hirauts d'armes*)¹⁸⁷. Таким образом, Д'А. Болтон предполагает существование некоей фразы, обозначающей «воинский знак», и реконструирует ее как *enseigne d'armes* или *conoissance d'armes*, которая, по его мнению, с помощью метонимического переноса и эллипсиса оставила свое значение знака полностью на *armes*¹⁸⁸. Однако *enseigne* и *armes* начали использоваться в языке значительно раньше, чем протогеральдические визуальные знаки вошли в обиход, а появление слова *cognoissance* скорее ознаменовало их появление. Тем не менее, во французских текстах подобное словосочетание не встречается и, пусть и логичное с лингвистической точки зрения, это предположение не выглядит обоснованным.

¹⁸⁶ «Эстурми неузнанный низверг это знамя/ чтобы в бегстве не быть нами распознанным по нему /Так как это было знамя носимое вероломными язычниками» *Chanson de Guillaume*, édité par Duncan Mc Millan, Paris, Picard, 1949. P. 14.

¹⁸⁷ *Boulton D'A.J.D.* Op. cit. P. 18-19.

¹⁸⁸ *Ibid.* P. 20.

При работе с текстом термин *arms* вызывает трудности в определении значения: идет ли речь только о вооружении как таковом или это вооружение уже несет на себе некие характерные визуальные признаки. Более того, это слово часто появляется в обоих своих значениях даже внутри одного текста. К 1130 г. во французском языке в дополнение к *armes* появилось родственное *armeure*, с таким же значением, но которое со временем переняло на себя значение доспеха, оставляя за *armes* значение оружия, то есть в первую очередь копья и щита¹⁸⁹.

Еще сложнее бывает правильно определить в тексте гербы под названием *armes*. Для разных европейских языков естественно перенесение значения слова с «оружия» на «герб», однако, что важно, слово при этом никогда не теряет своего первого значения (*arms, wappen*). Геральдическое значение у *armes* появляется, очевидно, к концу XII в.

Д'А. Болтон относит к таксономическим терминам также *escu* – «щит». Многие блязоны как в гербовниках, так и в литературных произведениях действительно начинаются с [*portes*] *escu*. Однако в известной мере сложно правильно определить принадлежность этого слова, его скорее можно считать неотъемлемой частью герба; сам по себе «щит», без дальнейшего блязона, не означает герб, в отличие от остальных предложенных терминов. Д'А. Болтон, вероятно, ошибается и в заключении, утверждая, что использование Матвеем Парижским в его латинском блязоне слова *clupeus* и *scutum* в *Historia Anglorum* (1245-1251) является переводом и аналогом слова *arma*¹⁹⁰, так как этот термин используется в качестве таксономического только в нескольких гербовниках.

Scutum de dor cheveruns cum bordure de gules.

Исследование таксономической лексики важно, в первую очередь из-за того, что именно появление и закрепление «названия» для нового феномена

¹⁸⁹ *Ibid.* P. 18-19.

¹⁹⁰ *Ibid.* P. 23.

показывает, что он был воспринят обществом, вошел в обиход. Наличие сразу нескольких терминов для обозначения визуальных идентификационных знаков в XII в. свидетельствует в пользу того, что герб, как уникальный знак, еще не полностью был осознан его носителями, не так уж сильно и отличался для них от других знаков, в первую очередь, знамен. Однако появление уникального термина *armes* для обозначения непосредственно герба к концу XII в. говорит уже об имевшейся необходимости выделить знаки такого типа.

С понятием геральдики как системы знаков все довольно сложно. Сам этот обобщающий термин появился только в XVII в., общность гербов в своем массиве в XIII в. обозначалась через тот же *armes*, делая его основным и преобладающим термином для рассматриваемого в данной работе периода.

§ 2. Блазонные термины

Практически все, что нам на данный момент известно о геральдике XII - начала XIII вв. было получено на основании исследований изобразительного массива, представленного в первую очередь сигиллографическим материалом. Кажущийся очевидным примат изображения над текстом в геральдических исследованиях, тем не менее, непродуктивен, ввиду того, что только нарратив способен дать ответы на вопросы, связанные с отношением общества к гербам как новому феномену Средневековья. В виду полного отсутствия геральдических текстов для первой половины XIII в. и их ограниченности для второй, необходима дальнейшая разработка и анализ имеющихся документов, где на передний план выходит именно лингвистический анализ.

Работа над языком раннего блазона, начатая Дж. Бролтом, заложившая основу лингвистического исследования геральдики, далека от завершения. Созданный им словарь-перечень раннего геральдического вокабуляра представляет из себя фактологическое изложение наличия или отсутствия терминов или конструкций в разных текстах, что само по себе не может быть

достаточным для того, чтобы сделать какие-либо выводы об истории происхождения блазона. Современные исследования требуют ответов на более сложные вопросы, требуют лингвокультурных комментариев относительно того, почему блазон складывался именно так.

Изначально исходя из убеждения, что разницы между «англо-нормандским» и «французским» блазоном нет, Дж. Бролт не пытался исследовать гербовники отдельно, предпринять попытку сравнения. Им также был упущен хронологический аспект, который видится важным в исследовании подобного рода.

Дж. Бролт считает, что термины, вошедшие в номенклатуру блазона, произошли из специализированного языка художников. Это связано непосредственно с тем, что изображения, наносившиеся на щиты еще до того, как геральдика сформировалась в таком виде, в каком мы ее знаем, несут на себе черты тех изобразительных традиций и приемов, которые были распространены в европейском искусстве в XI-XII вв. Неудивительно, что и термины, которыми пользовались эти художники, стали, по его мнению, основой языка геральдики. Автор считает, что совпадение основных геральдических фигур с имеющимися архитектурными и художественными формами говорит о том, что *besant*, *chevron*, *manche* и др., это не просто «монета», «стропило» или «рукав», но эти же предметы, «изначально представленные в художественной традиции», то есть переработанные и переосмысленные средневековыми художниками, а не просто названия предметов, взятые из бытового языка. Несмотря на то, что сам же признает, что информации об этом специфическом жаргоне художников критически мало, Дж. Бролт считает наличие схожих изображений в живописи и архитектуре Средневековья достаточным основанием для подобной теории¹⁹¹. Сама по себе теория имеет право на существование и безусловно

¹⁹¹ «We must banish, therefore, the persistent but wholly erroneous notion that the heralds invented many of the terms used in blazon and borrowed the rest from the everyday lexicon of

требует дальнейшего исследования, однако столь однозначное отрицание бытового языка как источника геральдической лексики и определенной доли словотворчества герольдов, кажется неуместным и сомнительным.

Тем не менее, при анализе блазонов XIII в, становится очевидным, что большинство терминов взяты скорее из бытового французского языка, в первую очередь это названия предметов и животных, а также различного их положения внутри щита, и созданы путем простого описания изображения. Истоки лексической составляющей лежат намного раньше рассматриваемого периода и касаться его, равно как и этимологии отдельных слов, мы не будем, концентрируя внимание на изменениях, происходивших с момента его зарождения.

Блазону, как любому профессиональному языку, свойственны два одновременных и на первый взгляд взаимоисключающих процесса – упрощение и усложнение. Упрощение связано с первопричиной его появления – блазон должен быть краток и способствовать легкому восприятию на слух, запоминанию и воспроизведению по памяти; усложнение – следствие развития самой непосредственно визуальной составляющей геральдики ввиду увеличения количества гербов, их большей диверсифицированности. В XII в. было достаточно сообщить, что на щите был изображен лев. В XIII в. он уже обладал некоторым дополнительными характеристиками, он мог быть *rampant* или *passant*, *coronné* или иметь *colleur*. В XIV в. появляются новые атрибуты: *armé/enarmé/onglé/langué, gouté* и так далее¹⁹² Появление новых элементов и расширение геральдической номенклатуры до сих пор пополняют вокабуляр блазона.

terms relative to architecture, armour, clothing. Heraldic terminology is derived, for the most part, from the specialized language of artists. Thus besant does not mean a Byzantine coin, chevron a rafter, cotice a leather thong, and a manche a sleeve, but stylized bezant, chevron, cotice, and maunch of artistic tradition.» Brault G.J. Early Blazon...P. 5.

¹⁹² Barstow M.A. Op. cit. P cxxxii.

Самые ранние блазонные гербовники (ок. 1250-1300 гг.) используют около 200 терминов, представленных в Приложении I. Среди них можно выделить основные наиболее часто повторяющиеся: в них входят все условно называемые «почетные фигуры» и наиболее распространенные деления щита, фигуры и их характеристики, которые встречаются во всех гербовниках, представленные в Приложении II, и менее распространенные, включая те, которые встречаются единожды.

Редкие слова, в свою очередь, делятся на фигуры, которые встречаются единожды, потому что носитель герба упоминается лишь один раз, как правило, это гласные гербы, например сельдь (*haranges*) из герба семейства Херинго, щука (*luz*) семейства Люси (Lucy), цапля (*heron*) семейства Херон (*Heron*) и др., однако, могут быть и не гласные, но достаточно оригинальные, как например венок из роз (*chapeaus de rosis*) семейства ФитцУильям. Поскольку гласные гербы подразумевали использование фигуры согласно звучанию фамилии, трудно утверждать, что лексемы, описывающие их, являются именно термином, т.е. неизменяемой лексической единицей, т.к. неизменяемость ее обусловлена в первую очередь звучанием фамилии, а не изображением. В случае с оригинальными единичными терминами – так же сложно, так как не с чем сравнить. Такие лексемы были исключены из анализа.

Второй группой являются термины, значение которых определить не удалось, что сделало их анализ невозможным.

В Приложение II также не вошли служебные части речи, числительные и ряд наречий; о них, однако, речь пойдет далее в разделе «Грамматика блазона».

В сводную таблицу Приложения II вошли 123 термина, которые можно считать устойчивой частью номенклатуры блазона, сложившейся задолго до появления первого гербовника. Очевидно, что Дж. Бролт не совсем прав,

говоря, что стандартизация блазона началась со второй половины XIII в.¹⁹³: первые гербовники показывают, что этот процесс уже скорее завершился, а незначительные расхождения являются всего лишь естественной погрешностью, присутствующей даже в современном блазоне. Неразумно ждать однозначности терминологии от явления достаточно вольно обходящегося даже с самыми жесткими правилами.

Основой для лексического анализа геральдического текста исследователями часто выбираются тинктуры. Эта группа терминов привлекает кажущейся простотой исследования (ввиду ограниченного количества и сильной обособленности) и, что немаловажно, обязательна для любого герба. Однако не стоит основывать выводы исключительно на ней одной. Термины цвета – эта отдельная и очень специфическая часть не только геральдической, но и общей бытовой лексики, связанная с целым рядом трудностей. Зацикленность на терминах цвета часто повергает в пучину исследования цвета и его значения - направления, популярного в современной науке, но слишком сложного и мало кому удающегося на должном уровне. Цветонаименование связано с целым рядом культурных и социальных особенностей¹⁹⁴. Для Средневековья, в частности, полемика касательно цвета разворачивалась практически параллельно с формированием блазонной терминологии. Отцы церкви задолго до художников, красильщиков и герольдов стали специалистами в области цвета, постоянно возвращаясь к этой теме, однако всегда с точки зрения теологии. Цвет представлял для них неразрешимую задачу, являясь составляющей чувственного мира, одновременно видимой и нематериальной, представляющей собой практически эманацию Бога. Вместе с этим природа цвета вызывала споры: если цвет является частью света, то это божественный

¹⁹³ *Brault G.J. Early Blazon... P. 7.*

¹⁹⁴ *Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1969.*

дар и его олицетворение, он отталкивает тьму, однако если цвет - это материя, тогда это роскошь, искусственное и ненужное добавление, призванное искушать и отвлекать от праведных мыслей¹⁹⁵. Из этого противоречия родилось противостояние «хромофилов» и «хромофобов», которое возглавили соответственно аббат Сен-Дени Сугерий (ок. 1081-1151) и св. Бернард Клервоский (ок. 1091-1153)¹⁹⁶, который проявил себя и как ярый борец против турниров, куртуазного рыцарского образа жизни, а вместе с этим, вероятно, и геральдики¹⁹⁷. Начиная с XI в. появилось значительное количество трудов, где все больше говорилось о значении цвета в богослужении, где цвета (их обычно 7: белый, черный, красный, зеленый, желтый, коричневый и пурпурный; стоит отметить, что синего нет) толкуются с оглядкой на Писание, прежде всего на Книгу Левит¹⁹⁸. Позже на эти труды будут ссылаться богословы Иоанн Авраншский, Гонорий, Руперт из Дойца, Иоанн Белета и др. А в 1195 г. из под пера кардинала Лотарио, будущего папы Иннокентия III, появляется труд «Sacrosantci altaris mysterio», являющий собой компиляцию всех трудов написанных ранее о христианских литургиях и касающийся вопросов цвета¹⁹⁹.

Принимая во внимание все вышесказанное, работая с цветоименованием даже в виде специальных терминов, нельзя списывать со счетов и схоластические споры. Возможно, имеет смысл даже поставить

¹⁹⁵ Пастуро М. Символическая история европейского средневековья, М.: Александрия, 2012: С. 141.

¹⁹⁶ Ткаченко А.А. О чем спорили клонийцы и цистерцианцы? Социокультурное значение цвета одеждсредневековых монахов // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2010. Вып. 71. № 1-2. С. 166.

¹⁹⁷ Рыжова Д.С. Влияние церковного запрета турниров на развитие геральдики в XII–XIII вв. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 88-89.

¹⁹⁸ Пастуро М. Символическая история... С. 156.

¹⁹⁹ Pastoureaux M. Noir: Histoire d'une couleur, Paris:Seuil, 2011. P. 158.

вопрос, не явилась ли эта полемика причиной, по которой геральдические цвета во французской традиции приобрели столь сложные и специфические названия, в то время как немецкая геральдика ограничилась базовыми названиями цветов. Взаимоотношения церкви и геральдики представляют собой отдельную и пока плохо изученную область.

Далее в отношении тинктур стоит отметить, что эта группа терминов не так гомогенна, как кажется на первый взгляд. Разделение цветов на металлы и эмали довольно условно, например, «золото» в своем употреблении сильно отличается от «серебра»²⁰⁰, эта традиция намного древнее геральдики. Как видно из Приложения II *or* в гербовниках не показывает вариантов, в то время как *argent-blanc* – часто встречающиеся варианты, даже внутри одного текста. Неоднородны и другие термины эмалей.

В целом, тинктуры ранних гербовников показывают относительную устойчивость. Не встречается вариативности относительно *or*, *azur*, *gules*, *vert*, *purpre* (хотя она присутствует далеко не во всех гербовниках), устойчивы в своей форме и меха *vair* и *ermine*. Основные сложности связаны с обозначением черной и белой тинктуры. Гербовники Биго и Гловера, как самые ранние из имеющихся, и созданные примерно в одно время, используют оба варианта *blanch-argent* и *noir-sable*. Утверждать что-либо касательно частотности появления обоих вариантов сложно, так как оба гербовника дошли до нас в поздних копиях и появление *argent* может быть связано с попыткой переписчика модернизировать блазон (что не является редкостью, по крайней мере, для английских герольдов). Однако наличие в блазоне архаичной формы *blanch*, свидетельствует скорее о том, что она все же присутствовала в оригинале во всех блазонах или, по крайней мере, в части их.

²⁰⁰ Рыжова Д.С. Металлы... [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1>

Также можно отметить, что пикардийские гербовники Биго и Шиффле-Принэ используют *noir* для обозначения черной тинктуры, этот же вариант единожды встречается и в гербовнике Уолфорда, который, как было сказано выше, также имеет черты пикардийского диалекта.

Отдельного внимания требует и использование меха белки *vair*. Современная традиция предполагает, что использование этого термина без дополнительных уточнений подразумевает и его цвет – чередование синего и белого; если же цвета иные, то они указываются отдельно.

*C156: Le counte de Munjoye, d'or a une egle de very*²⁰¹.

H101: Sir Robert de la Ward port verré d'argent et de sable.

Тем не менее, ряд гербовников указывают тинктуры «меха», даже если он представлен «классическим» сочетанием:

B87: L'escu vairié d'argent et d'azur.

Стоит отдельно отметить, что мех белки в двух указанных выше примерах обозначен глагольной формой *vairré*, морфологически идентичной терминам, используемым для обозначения делений щита или поля, что представляет его скорее как «узор», чем как цветовую характеристику (ср. *barré, masclé, chevronné*) и который логичнее переводить как «беличий». С мехом горноста в рассматриваемых источниках ничего подобного не происходит.

Интересно появление в ранних гербовниках двух редких тинктур *paillé* и *diapré*²⁰². По словам М. Пастуро *paillé* представляет собой «поле зеленого (иногда синего) цвета, усеянное золотыми соединенными арабесками

²⁰¹ В примерах из гербовников здесь и далее использованы международные научные обозначения гербовников и далее номер блазона. Издания, по которым приводятся блазоны, указаны в разделе «Источники».

²⁰² *London H.S. Aspilogia II. P. 106.*

кольцами, в которых находятся изображения золотых орлов или львов»²⁰³. Подобная тинктура должна была, очевидно, воспроизводить плетеный из золотых и цветных нитей узор византийской ткани, распространенной в Средние века по всей Европе. Тем не менее, поле герба, оформленное подобным образом, известно в гербах лишь трех семейств: Тессон (*Tesson*), Клэр (*Cleres*) и Мармион (*Marmion*), где и присутствуют синяя и зеленая тинктуры. В дальнейшем не использовалась.

Diapré или дамасцировка (*diapering*) – геральдический прием, заключающийся в нанесении декоративного орнамента в поле щита или в поверхность гербовой фигуры – как правило не блазонируется и является опциональным украшением герба, однако встречается в тексте блазона XIII в. Х.С. Лондон также возводит появление этого термина в геральдике к названию ткани, обладавшей геометрическим узором²⁰⁴.

Две эти характеристики гербового поля нельзя считать ни тинктурой, ни делением, они образуют отдельную категорию, похожую на меха, которая, тем не менее, не закрепились в геральдической традиции и более не использовались, возможно из-за сложности в воспроизведении и, что ещё важнее, из-за сложности в распознавании.

Нетрудно заметить и то, что вопреки предположению, что в основу геральдической лексики легли архитектурные термины, весь массив, связанный с цветами и фактурой щита, представлен скорее словами, связанными с тканями и материалами.

Следующей группой терминов, обособляемой из основного массива номенклатуры блазона, а также представляющих, очевидно, наиболее древний и устойчивый пласт геральдической лексики, являются «почетные» геральдические фигуры и ряд других, встречающихся во всех ранних

²⁰³ *Pastoureau M. Traité d'héraldique. P. 106–108.*

²⁰⁴ *London H.S. Aspilogia II. P. 165.*

гербовниках, объединенные в данной работе под названием «абстрактные фигуры».

В современной геральдике «почетными» фигурами считаются: крест (*croix*), столб (*pale*), пояс (*fess*), шеврон (*chevron*), косой крест (*saltire*), глава (*chief*), перевязь (*band*). В зависимости от местных традиций к ним иногда добавляются и некоторые другие элементы. Все эти фигуры представлены прямыми пересекающими щит широкими линиями или полосами. Помимо них мы находим также и разнообразные их варианты и деминутивы: *barr*, *baton*, *jemelle*, *cotise*, представляющие собой те же фигуры, уменьшенные в размере либо расположенные определенным образом внутри щита. Их использование в современной геральдике регламентировано правилами.

Эти же термины использовались и в раннем блазоне, однако вопрос о тождественности значения и существовании регламента их использования в XIII в. стоит остро и требует особого внимания для предотвращения возможных ошибок.

Так, например, согласно традиции, наличие в щите горизонтальной прямоугольной фигуры передается термином «пояс» *fesse*.

B74: Le duk de Austrich, gules un fesse d'argent.

При наличии двух подобных элементов большинство гербовников используют другой термин *barr*.

B121: Walter Malduist, d'argent a deux barres de gules.

Именно от него образовано и название деления щита, выраженное глагольной формой: *barré (burrulé)*:

Таким образом, получается несложная формула 1 fess – 2 barres – >2 - barré, которая прослеживается в целом ряде источников. Однако, существуют и исключения. Французские гербовники Биго и Шиффле-Принэ представляют другие варианты.

BA201: Robert Danguel, l'escu d'or a trois bendes vers de travers.

CP89: *Mesire Jehan de Harecourt porte les armes de gheules a deux fesses d'or.*

BA38: *Li quens de Loz, l'escu burelé d'or et de geules.*

C66: *Mesire Angoran de Couchi porte les armes fessié de vair et de gheules.*

CP33: *Mesire Renault de Dammartin porte les armes fessié d'argent et d'asur a sis pieces a une bordure de gheules et un oiselet nior.*

В последнем примере даже указано количество поясов, хотя они и представлены в качестве деления, а не фигуры.

Для обозначения линии, пересекающей щит по диагонали, что в современной геральдике называется «перевязь», используется *bende* и *baston*. Однако анализ текстов гербовников не дает возможности построить схему, аналогичную «поясу». Во-первых, потому что две такие фигуры никогда не встречаются в одном гербе, во-вторых, потому что оба термина кажутся абсолютными синонимами и могут использоваться в одном и том же гербовнике. Можно предположить, что *baston* мог представлять собой отдельную фигуру, используемую в качестве бризуры или для обозначения незаконнорожденных отпрысков. Подтвердить такое предположение, однако, не удастся. Диагональное многократное деление щита представлено без вариантов формой *bendé*.

C44: *Le countee de Guerd, gulez un bend d'argent a listes d'or.*

CP60: *Mesire Jehan de Heilli porte les armes de gheules a une bande d'or engrelee.*

CP99: *Son fiex, celles mesmes a un baston de gheules.*

Вертикальное деление щита представлено схожей с современной глагольной формой *pallé*, Гербовники Шиффле-Принэ, Гловера и Уорфолда перечисляют несколько гербов с фигурой *peuz*, очевидно также обозначающей столб, в Гэллоуэйском гербовнике она представлена как *pennes*. Однако поскольку в гербах из этих гербовников их всегда больше

одной, наряду с общей немногочисленностью гербов со «столбами» делает невозможным построение каких-либо выводов.

C64: William de Brequyn, d'or a treys peuz de goule.

Проанализировав использование абстрактных фигур можно усмотреть определенную закономерность, что скорее всего и сделали эрудиты XVI-XVII вв., создавшие на этом основании современные геральдические правила, списав все отступления от них на «ошибки» средневековых авторов. Однако анализ показывает, что количество отступлений от правил настолько велико, что о какой-либо системности говорить не приходится, и в восприятии человека XIII в. эти термины являлись, скорее всего, синонимами. Автор гербовника Биго для пересекающих щит линий часто использует один и тот же термин *band* (и *baston* как его вариант), уточняя, что он расположен горизонтально – *en traverse* или по диагонали – *en besliv*. Хотя и *fesse* в значении «пояса» ему знаком.

BA24: Vualerans, ses freres, de Vilers le port a un baston de gheules en beslive.

BA28: Li sires de Ripese, l'escu d'or a deus bastons moirs de travers.

Матвей Парижский (ок. 1255 г.) также использует *fesse* для любых пересекающих щит фигур. На самом же деле попытки поисков закономерности и жестких правил на столь раннем периоде существования геральдики могут привести только к большей путанице. Эти геральдические правила являются сами по себе попыткой оправдать наличие в номенклатуре блазона такого значительного количества синонимичных терминов, обозначающих одно и то же. Нельзя исключать и определенную географическую парность терминов, существующую и в современном блазоне, например, термин фр. *étoile* – англ. *mullet* («шпорное колесико»), оставшийся неизменным, как показывает анализ, с момента своего появления.

Однако важно подметить другую закономерность, которая прослеживается очень четко: использование глагольной формы, образованной от названия фигуры для обозначения многократного повторения этой фигуры: *chevron-chevronné*, *lozenge-lozengé*, *frett-fretté*, *bille-billeté*, *besant-besanté*. Ставшая настолько устойчивой, что по аналогии породила формы вроде *floureté* или *treflé* вместо наиболее распространенного *semé fleur-de-lis* и *trefoils*.

Часть гербовников пользуется причастием *semé*, после которого следует либо основное обозначение фигуры, либо его деминутив. То есть если лев один, то *leon*, если много, то *lioncelles*. Однако и это правило не является постоянным и многократно нарушается даже внутри одного гербовника. Английские гербовники предлагают вариант *poudré*. Более того, есть гербовники (например, Гербовник Кэмдена), которые в некоторых случаях предпочитают обходиться без *semé* вообще, используя причастие, образованное от названия фигуры, как мы заметили выше:

D3: Le rey de France ... l'escu de azur floretté de or.

CP41: Li conestables porte les armes de gheules a deux bars d'or treflé d'or.

CP130: Mesire Itier de Merdoine porte les armes d'asur semé de trefles d'or a un lion d'or.

Видно, что оставаясь в рамках всего нескольких общих принципов построения блазона, разные авторы все же по-разному решали проблему описания некоторых гербов.

Еще одним показательным примером может служить описание герба маршала Франции Рено де Прессиньи:

BA256: renax de Pressengny, l'escu contrebendé d'or et d'azur a un escuchon d'ergent au kief estakié as cornés geronnés.

CP38: Mesire Reanault de Prechenig porte les armes fessié d'or et d'asur et contrefescié et bande contrebandé, au coigniet gironné et a un escuchon d'argent ou milieu.

Очевидно, герб де Прессиньи представлял собой серебряный щиток в центре поля, от которого, чередуясь по цвету, расходились полосы, всегда оставаясь перпендикулярными грани щитка. Таким образом, в первом случае, автор упустил горизонтальное чередование (*fescié* и *contrefescié*), а вертикальное обозначил посредством введения дополнительной фигуры – главы, а во втором случае нет указания на вертикальное чередование (*palé* и *contrepalé*). Наличие «клинчатых углов» *cornés gironnés* при этом кажется излишним при упоминании *bandé* и *contrebandé*. Интересно, что есть и более простой способ блазонирования этого герба: *d'argent à la bordure componnée d'or et d'azur*, и термин *componnée* и его варианты встречаются в гербовниках XIII в., также как и «кайма» (*bordure*), но оба французских автора действительно выделяли именно «щиток».

Тем не менее, даже при наличии описанных выше вариаций в использовании некоторых терминов, у нас не остается сомнения, что рассмотренные выше примеры однозначно являются блазонами. Более того, лексические неточности практически не влияют на наше восприятие герба и не мешают его воспроизведению по блазону. Это делает очевидным тот факт, что не одна только лексическая составляющая отличает профессиональный язык герольдов от бытового языка, таким образом делая необходимым анализ грамматики блазона.

§ 3. Грамматика блазона

Незаслуженно обойденным вниманием современных гербоведов остается замечание Дж. Бролта, напрямую касающееся грамматики блазона. Основным нововведением блазона XIII в. Бролт считает появление так

называемой «геральдической фразы»²⁰⁵, именно в ней он видит зачатки всей кодификации блазона и основу классического стиля. Как уже было упомянуто выше, под геральдической фразой Дж. Бролт понимает конструкцию, предназначенную для определения качеств или положения фигур, соответственно геральдические фразы подразделяются на 1) описательные: *croiz paté*, *lion rampant* и 2) позиционирующие: *en la chief*, *en la bordure*, таким образом, представляя скорее неделимое словосочетание, то есть **фразеологизм**²⁰⁶, и представляя собой устойчивые единицы, состоящие из самостоятельного («free») и зависимого («bound»), не употребляющегося само по себе слова. Подобным замечанием Дж. Бролт поставил вопрос о необходимости лингвистической классификации терминов и обращения к фразеологической стороне вопроса. Тем не менее, это был лишь первый шаг к пониманию грамматической природы блазона, который все же не вышел за рамки преобладания значения лексической составляющей. Тем не менее, именно «фраза» претендует на роль ключевого понятия.

Из примеров, разобранных в предыдущей главе, становится вполне очевидным, что грамматическая конструкция всех блазонов имеет целый ряд одинаковых и легко выделяемых черт, отличающих предложения, в которые заключен блазон, от простых описаний. В связи с этим для работы с грамматикой и в первую очередь синтаксисом таких предложений, т.е. того,

²⁰⁵ *Brault G.J. The Emergence... Brault G.J. Early Blazon... P. 5.*

²⁰⁶ Терминологические сложности возникают из-за разницы значения английского «phrase» обозначающего скорее сочетание слов, и русского «фраза», обозначающего отрезок речи, обладающий смысловой и синтаксической законченностью, поэтому более верным переводом «heraldic phrase» на русский язык будет «**геральдический фразеологизм**».

что мы называем блазоном, видится необходимым введение понятия «**блазонной фразы**»²⁰⁷.

Под **блазонной фразой** здесь и далее будет подразумеваться языковая конструкция, обладающая определенными лексическими, морфологическими и синтаксическими качествами, которые характеризуют ее как единицу блазона и отличают от бытового описания герба.

Из лексического анализа, приведенного в предыдущей части этой главы, были исключены слова (глаголы, служебные части речи и числительные), помогающие оформить блазонную фразу в предложение, согласно нормам французского языка.

CP39: *Mesire Raoul de Soisson porte les armes d'or a un lion noir passant et a une bordure noire.*

H15: *Sir Robert Mohaut port d'azure o ung leon d'argent*

BA43: *Le Duc de Braibant, l'escu noir au lion d'or rampant.*

C18: *Duc de Breban, l'escu de sable a un leun d'or.*

MP37: *Comitis Flandorum, scutum nigrum leo aureus.*

B6: *Le conte de l'Ille, de or a une lion rampant de azure.*

Французские и ранние английские гербовники часто используют фразы «(носит) (щит)». Такая фраза больше напоминает предложение, содержащее субъект, предикат и объект «Сэр Роберт носит щит»; с другой стороны, таким образом как будто обозначая, что далее будет следовать блазон. Подобные формулировки перестали существовать уже к концу XIII в. Во всех примерах сначала упоминается цвет поля, что позволяет из более сложной описательной конструкции *porte l'escu / les armes* опустить сначала таксономический термин как в H15, а затем и сам глагол как в B6. Таким

²⁰⁷ Во избежание путаницы и с целью построения единого терминологического пространства предлагается переводить вводимый термин на английский язык как «**heraldic sentence**».

образом, эта эволюция лишает блазонную фразу предиката и подводит нас к одному из важнейших ее качеств, а именно фиксированному порядку слов.

В современной геральдике существуют жесткие правила относительно того, в каком порядке должны упоминаться фигуры, следуя формуле «поле – почетные фигуры – второстепенные фигуры». Этому же правилу в большинстве своем следуют и авторы XIII в. Именно фиксированный порядок слов в блазонной фразе помог быстро избавиться от лишних слов, значительно сократив и упростив блазон:

GA37: Sir Hugh Ridel, d'or o trois pennes de geules o ung baston de sable.

Однако встречающиеся отклонения от этого порядка говорят скорее о том, что такой порядок слов сложился закономерно, а представления о том, какая фигура «почетнее» еще не было, и фигуры в блазон добавлялись по мере их появления и, соответственно, усложнения герба.

MP33: Scutum album cheveruns de gules silicet pars superior et inferior.

BA272: Li quens de Perche, James de Castiau Gontier, l'escu blanc a trois kevrans de geules.

H81: Sir Robert Peche port d'argent ou deux cheverons de gulez.

B60: Gilbert Peche de argent a deus cheveruns de gules od la fesse de gules.

С точки зрения лексики геральдики эти слова не так важны, однако анализ их использования в блазоне необходим для отслеживания пути развития фактического описания щита к кодифицированному словесному представлению. Так, например, при первом обращении французский блазон видится более описательным, язык его более живой, положение фигур часто передается с помощью «в середине», «сверху», «на плече»; термины, привычные для современной геральдики – «сопровождаемый», «обремененный» – еще не используются. Помимо уже упомянутых выше уточнений *en traverse* и *en beslive*, гербовник Биго предлагает еще несколько подобных конструкций:

BA47: Li sires de Bridas, l'escu de gueles a trois sautoirs d'argent deus deseur et un desox.

Несмотря на то, что в современном блазоне обозначение количества множественных фигур в рядах является распространенной практикой, подобное упоминание в блазоне XIII в. – большая редкость. Более того, другие примеры из этого гербовника не обозначают специфического расположения фигур внутри щита. Подобными же чертами обладают ранние английские гербовники, как, например, гербовник Гловера:

B154: Rauf le fitz Nichol de ules od un quintefoill d'or od le scallops d'arget entour.

Необходимость уточнения расположения фигур в блазонах гербов, отличающихся от большинства, конечно, очевидна, так же как и необходимость использования предлогов для обозначения расположения одних фигур поверх других:

B11: Le Comte d'Oxenford esquartele d'or et de gules ove une estoille d'argent en le quartier devant.

C12: L'emperour de Constantinople, de goules poudré a crosyle d'or a un croyz d'or passaunt a quatre roundels d'or en quatre quarteres e en chekun roundelles un croysille.

CP10: Li sires de Monmoranchi porte les armes d'or a une crois de gheules et a seize egles d'asur es quatre cartiers.

Именно эти словосочетания Дж. Бролт называет «позиционирующим геральдическим фразеологизмом». Насколько, однако, такие сочетания уникальны и характеризуют ли они именно блазон, будет понятно из Главы III.

Тем не менее, общая прослеживаемая тенденция к упрощению блазона, очевидно, следующая за мнемонической необходимостью и, возможно, сохранению усилия при его воспроизведении, к концу XIII в.

привела к тому, что пространственные термины практически перестали употребляться, также уступив место порядку слов, а вот предлоги встречаются во всех блазонах, даже в начале XIV в. Французские и английские блазонные фразы XIII в. изобилуют предлогами «и», «с», фразой «такого-то цвета» (имеется в виду французский предлог *de*), вместо просто цвета, союзами «где» и «который».

BA113: Gilles de Quarterebe, l'escu d'azur au kief blanc a trois martiax de geules en beslive.

Одним из занимательнейших блазонов является гласный герб семейства Траншелион, настолько сложный по своему содержанию, что составить простую и краткую блазонную фразу не было возможности. Тем не менее, лишних слов в ней нет, только необходимые для корректной передачи смысла.

BA284: Esterlas Tranchelyon de Pierre la Buffiere, l'escu de geules a un lion rampant d'argent coroné d'or a le langhe d'or a une manche vairie en le geule du lyon a une espee d'azur au pong d'or et au heurt d'or quy trenche le lion par ty.

Выше уже было сказано о том, что блазон тяготеет к обозначению множественного числа фигур в одном гербе с помощью глагольных форм, а точнее, скорее отглагольных прилагательных: *pale – palé, fesse – fessé, chevron – chevroné, band – bandé, macle – maclé*. Из Приложения II видно, что все слова, являющиеся характеристиками поля и фигур, представляются именно в этой форме и составляют довольно многочисленную группу. Частично эта группа слов вписывается в предложенное Дж. Бролтом понятие «описательного геральдического фразеологизма», однако наиболее важным ее критерием является как раз морфологический вид используемых слов, которые все же могут использоваться независимо. Ее наличие и широкое распространение в геральдике, вероятно, обусловлено также стремлением к краткости, так как не требует для себя никаких служебных частей речи и

морфологически выражается очень емко. Однако эта группа слов, вероятно, представляет собой неологизмы, изобретенные герольдами, что ставит под сомнение заявление Дж. Бролта о том, что герольдов нельзя считать авторами терминологии.

Таким образом, становятся очевидны некоторые особенности блазонной фразы, сложившиеся во второй половине XIII в., которые все, тем не менее, направлены на сокращение объема текста. Первый критерий – это отказ от предикатных отношений и формы повествовательного предложения («*Sir porte l'escu*»), избавляющий от ненужных более «вводных» таксонимических терминов. Второй характеристикой является стремление к максимальному сокращению и упрощению текста за счет отказа, где возможно, от числительных, отказа от служебных слов и ввода вместо них фиксированного порядка слов, использования неологических глагольных форм. Последовательное упоминание поля, основной фигуры, остальных фигур, позволяет однозначно прочесть блазон. Эти критерии в дальнейшем будут применяться к геральдическому материалу из рассматриваемого нарратива с целью определения его характеристик и ответа на вопрос, можно ли считать их блазонными фразами.

Забегая немного вперед, на основании данных, полученных только из гербовников, хочется предположить, что грамматика, а вовсе не лексика, играла первостепенную роль в кодификации блазона. Лексика показывает вариативность, которая зачастую прослеживается вплоть до нашего времени и не является достоверным показателем носителя геральдического знания. Более того, это естественная языковая ситуация даже для специального знания. Вариативность и изменяемость лексики говорит скорее о том, что знание продолжает развиваться и адаптируется к новым явлениям. Синтаксическое же устройство блазонной фразы, как нетрудно заметить, практически не претерпело изменений с XIII в. и до настоящего времени. Здесь снова стоит оговориться, что кодификация блазона пусть и подразумевает полное отсутствие разночтений и требует тождественности,

но все же обладает определенной вариативностью в виду широкого территориального распространения не мешающую, тем не менее, системе функционировать.

Здесь необходимо в качестве отступления сказать несколько слов о геральдический терминах в русском языке и трудностях, которые возникают при работе с классическим английским и французским блазоном. Русская геральдическая терминология создавалась на основе немецкого языка в то время, когда европейские гербы уже приобрели свой законченный вид и прошли этапы сильных изменений. Исторически русский блазон имеет тенденцию к представлению одной фигуры через другую *band* – «перевязь», *cotise* – «узкая перевязь», что ведет к смешению значений и постановки часто независимых фигур в подчиненное положение. Так, если *band* – это широкая линия пересекающая поле, то *cotise* – это тонкая линия, сопровождающая «перевязь» и не встречающаяся без нее. Обозначение одного термина через другой ведет к представлению их в определенной зависимости, в то время как средневековые термины индивидуальны и самодостаточны.

Еще сложнее обстоят дела с отглагольными формами, которым в данной работе отводится очень важная роль в формировании блазонной фразы. Эти термины невозможно перевести на русский язык, сохраняя их важные морфологические характеристики. Так, емкий термин *palé* в русской традиции превращается в «многократно рассеченный», *billeté* – в «усеянный гонтами» и т.д., что противоречит также представленной как блазонообразующей идее об упрощении и сокращении фразы, наоборот делает блазон громоздким и путанным. Именно поэтому в данной работе, не приводятся переводы приведенных блазонов и для работы с ними рекомендуется консультироваться с геральдическими словарями или лексическими аналогами, приведенными в Приложениях I и II.

В итоге по результатам, полученным с помощью лингвистического анализа текста гербовников XIII в., важно отметить, что характер и количество разночтений и вариаций в построении блазонных фраз, как с

синтаксической, так и с лексической точки зрения, говорит скорее о постепенном и естественном складывании его правил, путем практического применения, отсеивания неудобных на практике элементов. У средневекового человека не было осознанного намерения блазон кодифицировать, сделать однозначным – очевидно, единственный целью было сделать его понятным. Именно естественно складывающиеся языковые системы обладают максимальной «живучестью», что доказывается существованием блазона в практически неизменном виде в современной геральдике и трудностями, с которыми сталкиваются авторы при необходимости перевода. Так, мы приводили примеры, с которыми столкнулся Матвей Парижский уже ок. 1250 г. Фиаско потерпела и предпринятая елизаветинскими герольдами в XVI в. попытка перевести блазон на английский язык, результатом которой стала разве что замена морфологических единиц с французских на английские: *palé* – *paly*, *bande* – *bendy* и так далее, и перевода по-прежнему используемых служебных слов, в то время как названия тинктур, основных фигур, делений щита остались средневековыми французскими.

Процесс естественного формирования становится очевиден в переходе от пространных описаний щитов, примеры которых будут приведены в следующей Главе, сначала к раннему блазону, как в следующем примере из гербовника Биго:

BA100: Jehans Gravetiax, l'escu d'ermine a une faisse noire a deus listiax noirs un desox at l'autre deseure.

А затем к более кодифицированному и простому, как, например блазон гербовника Уолфорда:

C87: Geffrey de Gaunt, barré d'or e d'azur a un bende de gule.

Гербовник Биго – замечательный пример раннего блазона, пестрящий несовершенствами: путаница с терминами, большое количество описательных конструкций и служебных слов, но вместе с тем мы видим и

огромное количество ошибок, описок, опечаток. Помимо этого присутствуют уникальные термины: *encastele*, *estarkie*, *songie*, установить значение которых остается нетривиальной задачей.

Однако не стоит забывать, что гербовник представляет собой копию, сделанную с утерянного оригинала в XVII в. При этом известно, что многие имена в гербовнике были настолько исковерканы, что их идентификация стала отдельной темой исследования, успешной проведенного П. Адан-Эвеном. Таким образом, представляется невозможным отличить авторское от переписанного. А более того, можем ли мы быть уверены, что автором блазона был тот же самый человек, который записал его в XIII в.? Не могут ли быть ошибки и неточности в использовании терминов связаны с тем, что автор, сам не являясь специалистом в геральдике, лишь подражал или пытался по памяти записать блазоны гербов, услышанные им от герольда, а то и вовсе самостоятельно освоить блазонирование, без посторонней помощи. Тогда последовательность герольд - автор гербовника – переписчик, делает последнего (кстати, также часто анонимного) уже третьим автором, приложившим руку к блазону. Однако подобная риторика не должна привести к исключению текста гербовников, дошедших до нас в копиях, из исследования, но лишь к переоценке их места. Они должны стать вспомогательными, контрольными для текстов, имеющихся у нас в оригинале.

Тем не менее, заново поставив вопрос об авторстве, стоит и по-новому оценить источники XIII в. в поисках крупниц знания о ранней геральдике. Вопрос был поставлен следующим образом: что в них от автора XIII в.? Однако, возможно, имеет смысл спросить, что в них от переписчика XVI в.? Ввиду этого больше внимания предлагается уделить таким геральдическим источникам, как «Турнир в Шованси» или «Песнь об осаде Кэрлаверока», незаслуженно рассматриваемым с пренебрежением из-за сомнений в геральдической компетенции их авторов.

Важным фактором является то, что автор – очевидец процесса. Среди исследователей блазона принято сравнивать «Песнь об осаде Кэрлверока» с остальными имеющимися блазонными гербовниками (из которых лишь несколько сохранились в оригинале) и считать, что гербовник этот является живым примером того, что геральдическая лексика ещё не сложилась полностью к моменту его написания. В качестве примера обычно приводятся слова, используемые для определения тинктур (то есть геральдических цветов), которые в поэме действительно показывают большую вариативность. Но как уже говорилось выше, тинктуры – это отдельная и очень специфическая часть геральдической терминологии, опираться на которую как единственную – рискованно и, скорее всего, неверно. Так, вариативность цветовых обозначений объясняется поэтическим языком, желанием автора приукрасить свой текст. Однако стоит обратить внимание на остальные термины, использованные в поэме – они использованы строго в соответствии с правилами блазонирования и не показывают вариантов и синонимов. Более того, они показывают трудности, которые испытывал автор в поисках рифмы к конкретным словам в виду невозможности заменить его синонимом, что говорит о том, что автор осознавал, что работает уже с терминами. Таким образом, блазон «Песни об осаде Кэрлаверока» следует считать скорее подтверждением правила, нежели исключением из него.

Таким образом, видится необходимым не только заново рассмотреть литературные «вторичные» гербовники XIII в. на предмет соблюдения в них геральдических правил, но и выявления в них закономерностей и критериев блазона, полученных нами в данной главе. Более того, необходимо сопоставить эти гербовники не с гербовниками, с которыми они имеют скорее больше различий, чем сходства, а рассмотреть параллельно с другими нарративными источниками, содержащими, тем не менее, некоторую геральдическую информацию. В одну группу их объединяют названные

немаловажные качества – оригинальность текста и известное авторство, принадлежащее не герольдам.

ГЛАВА III. Блазон в нарративе XII-XIII вв.

§ 1. До появления гербовников

Вопреки мнению, что процесс развития изображений на щитах и превращения их в гербы не задокументирован, стоит заметить, что указания на наличие некоторых фигур на щитах средневековых воинов начинают появляться уже во второй половине XII в., т.е. параллельно с распространением геральдики. К 1200 г. уже можно найти полные описания, а к 1250 г. говорить о возможности восстановить изображение по его словесному описанию (можно ли считать их блазонами, еще предстоит выяснить). К 1270 г. технический жаргон уже полностью сформировался и регулярно использовался²⁰⁸, подтверждением чему и являются гербовники в большом количестве появившееся в это время. Для установления более четких границ происхождения блазона следует обратиться к массиву средневековой литературы XI-XIII вв.

«Необходимо отметить многочисленные упоминания во французской литературе XII в. щитов, раскрашенных в разные цвета и несущих изображения животных, впоследствии ставших частью геральдического пространства. То, что геральдика уже существовала во время написания этих произведений – достоверный факт, однако описания щитов в них остаются крайне сомнительными для исследования геральдики. По мнению Дж. Бролта все *escuz bendé*, *escuz a lion* и *escuz quartiers* – чисто декоративные, еще не геральдические²⁰⁹.

Широкое распространение турнирной деятельности (а согласно Кл.-Ф. Менетрье гербы как способ идентификации персон получили свое основное развитие именно на рыцарских турнирах²¹⁰), увлечение рыцарской

²⁰⁸ Wagner A. Heralds and heraldy in the middle ages. London: OUP, 1956.

²⁰⁹ Brault G.J. Early Blazon... P. 19.

²¹⁰ Ménestrier Cl.-Fr. Origines des armoiries. Paris, 1680. P. 115.

куртуазной культурой, подогреваемое многочисленными активно создававшимися рыцарскими романами, способствовало и повышению интереса к геральдике людей, лишь косвенно участвовавших в рыцарской жизни. Тем самым можно предположить, что носители информации о рыцарской культуре, рыцарском образе жизни, стали и носителями информации о ранней геральдике. История европейской литературы на национальных языках (*vernacular literature*) начинается с освоения и переосмысления на свой лад античного наследия, развивающегося параллельно распространению жанра «жест» (*chanson de geste*). Первыми шагами к становлению жанра собственно романа²¹¹ считаются переводы античных сюжетов; так появились «Роман о Трое», «Роман о Фивах», «Роман об Энее». Помимо того, что эти произведения были главным достоянием европейской культуры, их важность заключалась и в том, что большинство королевских линьяжей теперь было принято возводить к этим античным героям. Неудивительно, что и сами эти герои получили новые атрибуты, среди которых были, по всей вероятности, и протогербы. Таким образом, мир этих романов воплотил в себе и мир реальный, то есть стал отражением, хотя и не всегда четким, современных автору процессов.

Позже идея идеального рыцарства, представленная изначально античными героями, но транслируемая на героев современных, стала лейтмотивом средневекового романа как нового жанра. Через образы Короля Артура и его рыцарей, ставших эталоном новой идеологии, куртуазное рыцарство внедрялось в общество, а его, посредством Грааля, литература привлекала к сакраментальному, постгригорианскому христианству. Но в XII в., отмеченном расцветом рыцарского романа, еще продолжали существовать, хотя и клонились к закату, «песни о деяниях», которые, поддерживаемые клириками, восхваляли старый образ рыцарства, верного и

²¹¹ Сам термин роман происходит от названия языка, на котором он написан – романского, противопоставленного латыни.

дисциплинированного, намного более христианского в глазах Церкви²¹². Однако, несмотря на то, что противостояние церковной и мирской идеологии, как было сказано выше, вероятно, так или иначе, повлияло на развитие геральдики, этот вопрос остается темой для отдельного исследования. Но с целью определения протогеральдической лексики в ранних литературных произведениях будут рассмотрены и сопоставлены оба жанра – «жесты» и романы.

«Песни о деяниях» – это основное литературное направление, которое сопровождает период возникновения геральдики – то есть перехода системы индивидуальной идентификации от боевых кличей к знаменам и позже к протогербам.

*«Esturmi, niés, derump cest gunfanun,
Ke en fuiant ne nus conuisse l'um,
Car a l'enseigne trarrunt paen felun.»
E dist Esturmi: «Ala Deu beneiçun!»
Encuntremunt li gluz presenta sa hanste,
Sur sun arçun devant mist la lance,
A ses dous poinz derunp l'enseigne blanche,
Puis la folad enz el fanc a ses pez²¹³.*

Отрывок из Песни о Гийоме хорошо иллюстрирует идентификационную систему начала XII в.: белое знамя (*gunfanun*) Эстурми, являющееся его идентификатором (*l'enseigne*) и боевой клич.

Тем не менее, именно в текстах этого жанра средневековой литературы были предприняты первые попытки лексического исследования протогеральдического языка. Ж. Маршан, заявив, что у герба «как и у

²¹² Бартеlemi Д. Рыцарство... С. 386.

²¹³ Chanson de Guillaume, édité par Duncan Mc Millan. Paris, Picard, 1949. Publié en ligne par l'ENS de Lyon dans la Base de français médiéval, dernière révision le 1-6-2013, <http://catalog.bfm-corpus.org/guill> p 14.

эмблемы, есть «тело» и «душа» – фигура и легенда ее сопровождающая – изображение и его описание в соответствующих терминах», предпринял попытку исследования одного из самых ранних произведений французской литературы – Песни о Роланде, на предмет наличия в ней геральдического языка, или как минимум предпосылок его появления²¹⁴.

Песнь о Роланде сохранилась в нескольких рукописях, самая ранняя из которых датируется концом XI в. Тем не менее, каноничной считается версия текста, представленная в манускрипте из Бодлеянской библиотеки Оксфорда, датируемая уже XII в.²¹⁵ Именно ее текст и изучал Ж. Маршан, понимая, что это время возникновения первых гербов и не надеясь обнаружить в тексте блазон. Многие слова из номенклатуры геральдического языка, он нашел в тексте, однако они используются в другом значении, например *chef* – геральдическая «глава», используется в значении непосредственно человеческой головы, а черная тинктура *sable* – в значении соболиного меха²¹⁶. Тем не менее, ему удалось сделать несколько интересных замечаний относительно описаний щитов в тексте Песни. Так, например, несмотря на то, что «поле» щита (в геральдическом смысле), как правило, не описывается, есть несколько примеров, из которых мы узнаем, что щит был покрашен в белый (*escut blanc*) или красный (*escuz vermeil*) цвет²¹⁷. Это интересно сравнить с упомянутыми выше знаменами крестоносцев, описанными в это

²¹⁴ *Marchand J. L'art heraldique d'apres la literature du Moyen Age. Ses origines: la Chanson de Roland // Le Moyen Age, XLVII, 1937. P. 37.*

²¹⁵ Bodleian Library, MS Digby 23, part 2.

²¹⁶ Что является еще одним косвенным аргументом против идеи Дж. Бролта о происхождении геральдического языка из жаргона художников, рассмотренной в предыдущей главе данной работы.

²¹⁷ *Marchand J. Op. cit. P. 39.*

же время и имевшими те же цвета²¹⁸. Присутствовали и щиты, окрашенные в несколько цветов (*plusurs colors*)²¹⁹.

Есть несколько упоминаний «четверчастных» (*l'escuz de quarters*) щитов, которые нередко вводили в заблуждение исследователей, в особенности филологов. Еще Б. Лэдэн в 1902 г. отметил, что упоминание «четверчастных» щитов и даже других элементов вооружения часто в литературе XII в., хотя это деление крайне редко встречается в гербах даже XIII в., и пришел к выводу, что подобное описание используется в некотором другом, негеральдическом значении²²⁰. Ж. Маршан же предположил, что таким образом описывался щит с крестом, концы которого достигали краев, то есть буквально делили его на четыре части. Подтверждая негеральдическую суть данного украшения, автор, тем не менее, подчеркивает, что именно этот термин впоследствии будет использоваться для уже геральдического четверчастного деления.

Похожая ситуация сложилась со щитами, обладающими некоторым цветочным мотивом: *la targe ki est flurie* или *cil escuz ki ben sunt painz a flurs*²²¹. Цветочные мотивы были наиболее вероятно представлены радиальной оковкой щита, расходящейся от центра к краям, часто имеющей витиеватую форму или заканчивающейся стилизованными уже «геральдическими» лилиями²²². Здесь, однако, также нет противоречия, этот закрепившийся в геральдике элемент был известен и широко распространен задолго до его закрепления в качестве главной фигуры французского герба.

Самым же частым элементом оснащения и иногда украшения щита, был умбон – *boucle* – полусферическая металлическая накладка. В тексте

²¹⁸ См. выше, стр. 42.

²¹⁹ *Marchan J. Op. cit. P. 39.*

²²⁰ *Bouly de Lesdain L. Op. cit. P. 193.*

²²¹ *Bouly de Lesdain L. Op. cit. P. 195; Marchan J. Op. cit. P. 41.*

²²² *Bouly de Lesdain L. Op. cit. P. 196-197.*

Песни часты упоминания *L'escu bouclé* и т.п. Интересно заметить, что, несмотря на столь широкое его распространение и использование, геральдической фигурой он не стал, хотя сферические фигуры достаточно распространены в ранней геральдике, также и само слово не вошло в геральдическую номенклатуру. Изображения щитов, как с одним умбоном, так и с оковкой и рядом других украшений, встречаются в целом ряде текстовых источников после Песни о Роланде, и сопровождаются обильным изобразительным материалом на гробницах рыцарей, миниатюрах и витражах. Интересно то, что когда на щитах уже появились протогеральдические изображения, умбон и оковка еще оставались, но не считались частью украшения. Интересный пример можно найти в Романе о Трое:

*L'escu soz la boucle li part
Ou il avait peint un lipart.*²²³

В целом, несмотря на то, что Песнь о Роланде и является одним из самых ранних примеров произведений этого жанра, ее же можно считать показательной в плане изучения протогеральдики и систем идентификации. Лексическая составляющая других произведений, написанных в этом жанре в XII столетии, ожидаемо, показывает тот же материал.

Однако одним из интереснейших лексических нововведений «жест» является употребление термина *conaisance* на протяжении всего XII в. Широкое распространение этой лексической единицы подметил еще Л. Були де Лэден, предположив некоторое уже геральдическое его значение, предполагая, что она обозначает уже не знамя, щит или другой предмет, по которому происходит идентификация, но некоторую «фигуру», изображенную на нем²²⁴.

²²³ «он носил щит с умбоном, на котором был изображен леопард» *Roman de Troie*, ок. 1160.

²²⁴ *Bouly de Lesdain L. Op. cit. P. 196.*

*Don escu tranche l'or et la conoissance*²²⁵

Al parvenir baissent les lances,

*En son tienent lour conissances*²²⁶

Установить, однако, что именно обозначает это слово, на материале одних только «жест», довольно трудно. Необходимо проследить дальнейшее его развитие и заимствование в новый жанр средневековой литературы – романы.

Важно отметить, что «песни о деяниях» уходят корнями во времена Франкского королевства и подчиняются законам родового и феодального тяготения, они по духу основаны на этих законах и ввиду этого консервативны. Действия же ранних романов, напротив, происходят в лучшем воображаемом мире, без сарацинов, несправедливых королей и реальной пугающей опасности. Фантастический и красочный мир романов впитал в себя и сделал своим лейтмотивом придворную жизнь и турниры, расцветшие в XII в.²²⁷ Время появления геральдики и жанра рыцарского романа совпали неслучайно. Они стали результатом смещения фокуса общественного внимания с дальних захватнических походов на более близкие к дому и более приятные мероприятия турниров и пиров. Новый жанр в литературе стал вестником изменений в социальной среде средневековой Европы, а герб – их визуальным воплощением. Новый мир XII в. – это мир дворов, турниров и празднеств, той самой пышной и яркой атмосферы, в которой зародилась и выросла геральдика, и тому можно найти немало письменных свидетельств.

Первыми представителями жанра романов стали «возрожденные» античные произведения. «Роман о Фивах» (ок. 1150 г.), «Роман об Энее»,

²²⁵ *La chanson des Saxons* par Jean Bodel. Publiée pour la première fois par Francisque Michel. Paris J. Téchener, 1839.

²²⁶ *Gautier d'Arras. Oeuvres. Ille et Galeron.* Paris: E. Bouillon, 1890. Т. 2. v 394-395.

²²⁷ *Бартеlemi Д. Рыцарство...* С. 424.

(ок. 1160 г.), «Роман о Трое» (ок. 1165 г.) – представляют собой три основных для средневекового человека античных эпоса, переложенных в стихах на романском языке. Это произведения о кровавой борьбе и доблести античных героев, предков и прародителей европейских королевств. Однако они уже совсем не похожи на «песни о деяниях». Герои античного эпоса переосмысливаются авторами и перерабатываются в максимально удобном для восприятия аудиторией виде. Античные герои теперь именовали друг друга «сир», с детства обучались обращаться с мечом, копьем и конем, чтобы быть посвященными в рыцари. Даже царь Эдип этих романов участвовал в турнирах²²⁸.

«Роман о Фивах» 1150–1155 гг., самый ранний из известных французских романов, еще сохранил в себе многие элементы «жест», в том числе и языковые. В повествовании многократно используется *arm* исключительно в значении вооружения, *enseigne* используется в значении знака: как устного девиза, так и знамени, других признаков, способных указать на что-то, также и в виде глагола со значением «указывать».

*«Seignor,» fait il, «enseigniez mei
«Ou jo porrai trover le rei.»²²⁹*

Следует сразу отметить, что и в других романах это слово используется часто для обозначения знамени или устного девиза, примеры не вызывают сомнений и трудностей в трактовке:

*Normant escrient: «Deus aie»
L'enseigne al duc de Normendie!²³⁰*

²²⁸ Там же.

²²⁹ «Сеньор, сказал, укажите мне, где я могу найти короля». (vv. 1251-1252) Le Roman de Thèbes. Éd. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845. P. 163.

²³⁰ «Нормандец закричал «Боже, помоги» - боевой клич герцога Нормандского». (vv. 2685–2686) Maistre Wace's Roman de Rou et des ducs de Normandie. Éd. H. Andersen. Heilbronn, Gebr. Henninger, 1879. P. 137.

Больше внимания, однако, привлекает наличие в тексте этого романа слова *connaissance*:

*Tydeûs est de la ramee,
L'auberc vestu, ceinte l'espee
L'eaume lacié, l'escu al col:
Ne semble pas Lombart ne fol.
Tote dreite porte sa lance;
Moût par ot bêle conoissance.*²³¹

Или другой пример:

*En terre fichiérent lor lances:
Moût orent bêles conoissances
Que es lances furent laciees,
Al vent sont totes despleiees,
Des plus riches pailles de Frise:
A mont ventèlent a la bise*²³²

*A la manche del ciclaton
Que il aveit por conoissance
Lacié es claveaus de sa lance*²³³

²³¹ «Тидей в зарослях,/в кольчуге, подпоясанный мечом/шлем застегнут, щит у шеи:/не похож на Ломбардийца или глупца/Справа держит копье; у него красивейший знак распознавания» (vv. 3309-3314) *Le Roman de Thèbes*. Éd. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845. P. 163.

²³² «Воткнули в землю свои копья: было много красивых знаков распознавания, которые были прикреплены к копьям. На ветру они все развернулись из дорогой фризской парчи и высоко развевались на ветру». (vv. 3339-3344) *Le Roman de Thèbes*. Éd. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845. P. 164.

²³³ «Шелковый рукав, который он в качестве знака распознавания прикрепил гвоздями к своему копью». (vv. 4454-4455) *Le Roman de Thèbes*. Éd. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845. P. 217.

Эти примеры говорят о том, что *connaissance* следует трактовать как некоторую характеристику копья, очевидно тот самый пеннон, который крепился к древку. Однако есть примеры присутствия и на других элементах вооружения, например, на кольчуге:

*Sor son hauberc ot conoissance
De colors de dous pailles chiers
Et entailliez par eschequiers;
D'ivuére ot escu demé blanc
Et demé roge come sanc.*²³⁴

Этот пример также характерен наличием щита двух цветов, «рассеченного» на белый и красный и шахматной накидки поверх кольчуги.

На следующем примере загадочный знак распознавания существует как будто отдельно от всего вооружения:

*Il ot heaume et escu et lance,
Et d'une porpre ot conoissance,
D'une porpre inde clavelee,
Menuementa or fresee*²³⁵.

«Роман о Роллоне», написанный поэтом Васом по заказу Генриха II в 1160–1170 гг., содержит несколько интересных моментов:

*«Chevaliers ont haubers e branz,
Chauces de fer, helmes luisanz,
Escuz as cols, es meines lor lances,
E tuit orent fait conoissances*²³⁶.

²³⁴ «на его кольчуге имел знак распознавания / цветов двух дорогих тканей / сшитых в шахматном порядке; / Из слоновой кости имел щит наполовину белый / наполовину красный как кровь». (vv. 5286-5290) *Le Roman de Thèbes*. Éd. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845. P. 260.

²³⁵ «у него был шлем и щит, и копье, / и пурпурный знак рапознавания / сине-пурпурный наконечник копья / мелко украшенный золотом». (vv. 9103-9106) *Le Roman de Thèbes*. Éd. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845. P. 448.

Анализ романов первой половины XII в. показал, что во многом они продолжили традицию «песней о деяниях» в описании вооружений рыцарей, однако их мир стал значительно более красочным и наполнился деталями. Рыцари в романах также пользуются знаменами и боевыми кличами в качестве индивидуальных идентификаторов, однако, в их арсенале появляется и другой, новый – *connaissance*, природа которого пока еще не совсем понятна. Он, кажется, неразрывно связан с копьем, однако вполне возможно, что эта связь обусловлена удачной рифмой *lance – connaissance*, и как было показано выше, может присутствовать и на других элементах. Одно остается бесспорным – это то, что этот термин обозначает некоторый способ визуальной идентификации – «знак распознавания» - отличный от знамени.

*Icist n'orent espies ne lances,
Ne enseignes, ne conoissance*²³⁷.

Здесь он снова отделяется от копья и существует либо самостоятельно:

*Ou tant avra escuz e lances
Chevaus, haubers e conoissances*²³⁸.

Либо уже как атрибут всего вооружения в целом, включая лошадиную попону, как представлены греки в войске Паламеда в средневековой версии Илиады:

*Beles armez, e beaus chevaux
Orent, coverz de conoissances*²³⁹.

²³⁶ «Рыцари были облачены в кольчуги и наручи / кольчужные шоссы и блистающие шлемы, / щиты у шеи, в руках копья, / и все сделали себе знаки распознавания». (7699-7703) *Maistre Wace's Roman de Rou et des ducs de Normandie*. Éd. H. Andersen. Heilbronn, Gebr. Henninger, 1879 P. 335.

²³⁷ «У них не было ни мечей, ни копей, ни знамен, ни других знаков распознавания». (vv. 7857-7858) *Benoît de Sainte-More, Le Roman de Troie*. Pub. par L. Constans. Paris: Firmin Didot et Cie, 1904.

²³⁸ «У всех были щиты и копья, / лошади, кольчуги и знаки распознавания». (vv. 6457-6459) *Ibid.*

«Роман о Трое», написанный в 1150-1160 гг., интересен не только употреблением этого термина в ряде неординарных примеров, но и целым рядом других, интересных с точки зрения геральдики моментов. Так, например, собираются греки перед битвой:

*Bien s'armèrent de conoissances,
Lacent enseignes en lor lances,
Sor les haubers vestent bliauz.
Biaus fu li jorz, leva li chاوز,
Et li escu teint d'or vermeil
resplendissent contrel soleil²⁴⁰.*

Данный пример показывает, что для автора романа *enseignes* – это флаг на копье, а вот *conaissance* снова нечто иное, возможно сочетающее в себе этот флаг, одеяние (*bliau*) и, возможно, золотой щит. Однако важно будет отметить, что слово *vermeil* в этом контексте относится к золоту и обозначает в данном случае серебро, покрытое тонким слоем золота, то есть скорее металл, из которого (как заявляется) щит изготовлен, а не его цвет. К красному цвету в данном случае отношения и вовсе не имеет.

Однако персонажи «Романа о Трое», одни из первых литературных героев, кто применяет цветовую идентификацию, причем раньше рыцарей Круглого стола, как, например, фракийцы-киконы, выступавшие на стороне царя Приама:

*Heaumes, haubers, escus e seles
Totes d'un teint», d'une color
Qu'ensi plaiseit a lor seignor²⁴¹*

²³⁹ «Красивые доспехи и красивые лошади / были у них, покрытые знаками распознавания». (vv. 7444-7445) *Ibid.*

²⁴⁰ «Прекрасными вооружались знаками распознавания / привязывали флаги на копья / на кольчуги надевали блио (вид верхней одежды XII в. – Д.С.) / Был ясный день, начиналась жара, / и их щиты, выкрашенные золотом / сияли на солнце». (vv. 7351-7355) *Ibid.*

И цвета эти могли быть разными:

*Heaumes, haubers, escuz d'or fin,
De vert, d'azur e de charmin*²⁴².

Эти примеры показывают, что в этот определенный цвет окрашивалось все вооружение рыцаря в войске сеньора, который этот цвет выбрал, причем выбор его, скорее всего, был произвольным. Таким образом, функционал использования цвета схож с геральдическими и также может быть использован в подтверждение идеи, что геральдика развилась из усложнения цветовой идентификационной системы, изначально монохромной; и конкретные изображения – фигуры – вторичное приобретение после тинктур, вызванное необходимостью еще большей вариативности. Здесь также необходимо высказать предположение, что эта цветовая протогеральдическая система идентификация, возможно, и подразумевалась под термином *connaissance*. Упоминания подобного цветового различия встречаются в другом произведении Бенуа де Сент-Мора «Хронике герцогов Нормандских», написанной несколько позже, в 1175 г., однако персонажи хроники пользуются исключительно знаменами и флагами (*gonfanon, enseigne, penoncel*)²⁴³.

Рассмотрим подробнее примеры щитов героев «Романа о Трое». Щит Паламеда серебряный:

*A goles ot escu d'argent*²⁴⁴

²⁴¹ «Шлемы, кольчуги, щиты и седла / все выкрашенные в один цвет / который больше нравился их сеньору». (vv. 6722-6724) *Ibid.*

²⁴² «Шлемы, кольчуги, щиты золотые / зеленые, синие, карминовые (красные)». (vv. 7877-7878) *Ibid.*

²⁴³ *Adam P. Les usages héraldiques. P. 19.*

²⁴⁴ «у горла имел щит серебряный». (v. 7465) *Benoît de Sainte-More. Le Roman de Troie. Op. cit.*

И если в данном отрывке еще сложно сказать, идет ли речь о цвете или о металле, то щит Кикланора (внебрачного сын Приама) не только очевидно окрашен в два цвета, но еще и описан в форме, очень напоминающей блазон:

*Escu ot d'or bendé d'azur*²⁴⁵

Тем не менее, тот факт, что эта строка практически полностью и лексически и грамматически совпадает с блазонной фразой, свидетельствует не о том, что перед нами уже непосредственно геральдическая единица, но скорее о том, что блазон сложился естественным путем из бытовых описаний.

Еще одной значимой деталью щитов «Романа о Трое» является появление львов на щитах героев. Так, лев изображен на щите Пилемена, царя Пафлагонии:

*Parmi l'escu peint a lion*²⁴⁶

Сыновья Приама Гектор и Троил несли на своих щитах изображения ЛЬВОВ:

*Escu ot d'or a dous lions*²⁴⁷

*En son escu n'ot qu'un lion
Mais vermeuz fu, d'or environ;
Autreteus sont ses conoissances
E les enseignes de ses lances.*²⁴⁸

*Armes avelt a leonceaus
D'azur en or vermeil asis*²⁴⁹

²⁴⁵ «щит имел из золота скошенный на синий». (v. 7715). *Ibid.*

²⁴⁶ «посреди щита нарисован лев». (v. 7309). *Ibid.*

²⁴⁷ 7509–7510. *Ibidem.*

²⁴⁸ 8065–8068. *Ibidem.*

²⁴⁹ «Имел вооружение со львами / синими в золотом поле» (vv. 7756–7757). *Ibidem.*

Роман о Трое, стоящий в одном ряду с самыми первыми произведениями жанра, представляет собой поэтическое изложение мифов, как и Роман о Фивах. В то же время по своей форме и обилию реалистичных деталей он подводит нас к появлению новой популярной темы для романов, привнесшей еще больше геральдических деталей.

§ 1.1. Артурианский цикл Кретьена де Труа (1170-1190)

Определенным индикатором процессов, происходивших в обществе, как с точки зрения развития рыцарской культуры, так и романской литературы стал Кретьен де Труа. Его романы стали зеркалом нового общества XII в., в них мы находим черты придворного церемониала, описания пиров и турниров. В его сочинениях воплощен идеальный образ того воображаемого мира, на основе представлений о котором формировалась реальная геральдика. Король Артур представляется в них метафизическим образом идеального правителя, а молодые рыцари – как совершенные его вассалы, пример для читателей. Действия, полные волшебных магических сюжетов, заимствованных бесспорно из кельтских легенд, разворачиваются в полумифическом королевстве, грань с реальностью которого постоянно то стирается, то, наоборот, приобретает явные очертания ввиду упоминания реальных географических объектов. Автор намеренно пытался изобразить мир, с одной стороны, похожим на тот, в котором жили его читатели, с другой стороны, древним и фантастическим, который, как ему казалось, был лучше и справедливее.

Однако «при всей фантастичности и ирреальности изображаемого романистом артурианского мира он воспроизвел подробно и точно многие важные аспекты современной ему действительности – замковый и городской быт, феодальные отношения, праздники и будни, развлечения и

повседневный труд своих современников»²⁵⁰. С точностью переданы вооружение, обычаи и манеры всех героев.

В каждой сцене сражений и турниров автор описывает внешний вид рыцарей: их боевых коней, щиты, шлемы, копья, вымпелы на конце этих копий. Такие описания повторяются неоднократно. Логично предположить, что при таком пристальном внимании к деталям внешнего вида своих героев, автор указал бы и на гербы этих персонажей, если бы они у них были.

Основным для большинства исследователей произведений Кретьена и их критических публикаций является так называемый «список Гюйо» (BnF fr. 794)²⁵¹, самый ранний из известных манускриптов, содержащий все пять романов, датируемый 1230-1240 гг. Исследователи считают, что список был создан в Провене в Шампани, диалект его также шампанский²⁵², что позволяет верить, что текст не содержит инородных вставок и максимально близок к авторскому оригиналу, созданному двумя поколениями ранее. Есть и более ранние тексты нескольких романов, отдельно сохранившиеся в манускриптах, датируемых рубежом XII-XIII вв.²⁵³, которые могут быть использованы в качестве контрольных.

Таким образом, работая с текстами манускрипта Гюйо, мы можем быть относительно уверены в том, что лексика, использованная в списке – это

²⁵⁰ Михайлов А.Д. Указ. соч. С. 113.

²⁵¹ Публ.: Les Romans de Crétien de Troyes édité d'après la copie de Guiot. P.: Champion, 2 vol. 1973). Манускрипт доступен на сайте Национальной библиотеки Франции: BnF fr. 794 [Электронный ресурс] URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84272526/fl.item> (дата обращения 29.10.2017).

²⁵² Nixon T. The Catalogue of Manuscripts // The Manuscripts of Chrétien de Troyes. Vol. 2. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 30.

²⁵³ Ibid. P. 27.

лексика современная автору, даже несмотря на некоторые изменения и ошибки, допущенные переписчиками²⁵⁴.

Что же касается датировки времени создания романов самим Кретьеном де Труа, она по-прежнему остается спорной и приблизительной. Можно уверенно заключить, что «Ланселот» не мог быть написан раньше, чем дочь Алиеноры Аквитанской Мария вышла замуж за Генриха I Шампанского, став Марией Шампанской (именно так к ней обращается в посвящении автор – «*ma dame de Chanpaigne*»), то есть до 1164 г. Также и работа над «Персевалем» началась, вероятнее всего, после 1168 г., когда Филипп Эльзасский стал графом Фландрии, и продолжалась до смерти самого автора. Однако исследования структурных и стилистических особенностей все же позволяют выстроить романы в порядке написания и датировать их следующим образом: «Эрек и Энида» (*Erec et Enide*) – 1170 г., «Клижес» (*Cligés*) – 1176 г., «Ивейн» (*Yvain ou Le Chevalier au Lion*) и «Ланселот» (*Lancelot ou le Chevalier de la Charrette*) – 1176-1181 гг.²⁵⁵, «Персеваль» (*Perceval ou le Conte du Graal*) – 1181-1191 гг. Учитывая, что эти даты остаются довольно приблизительными, очевидно, что все романы Кретьена де Труа были написаны между 1170 и 1190 гг., и могут быть датированы последней третью XII в.²⁵⁶

Как уже указывалось ранее, визуальная репрезентация, предшествующая гербам, строилась на цветовой дифференциации,

²⁵⁴ См.: *Hunt T.* Chrestien de Troyes: The textual Problem // *The Manuscripts of Chrétien de Troyes*. Vol. 1. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 27-40; *Reid T.B.W.* Chrétien de Troyes and the scribe Guiot // *Medium Ævum*. Vol. 45, No. 1, 1976. P. 1-19.

²⁵⁵ Ж. Фрапье пришел к выводу, что два романа писались параллельно. Более того, «Ланселота» дописал ученик Кретьена Годфруа де Ланьи. См.: *Frappier J.* Etude sur Yvain ou le Chevalier au lion de Cretien de Troyes. Paris: Société d'édition d'enseignement supérieur, 1969. P. 13.

²⁵⁶ *Михайлов А.Д.* Указ. соч. С. 114.

представленной преимущественно знаменами и одеждой. Цветами полон и мир рыцарей, созданный Кретьеном де Труа:

*La ot tante vermoille ansaigne
et tante guinple et tante manche,
et tante bloe et tante blanche,
qui par amors furent donees ;*

*Tant i ot lances aportees
d'azur et de sinople²⁵⁷ taintes,
d'or et d'argent en i ot maintes,
maintes en i ot d'autre afeire,
mainte bandee, et tante veire.*

*Iluec vit an le jor lacier
tant vert, tant giaune, tant vermoil,
maint hiaume de fer et d'acier,
reuire contre le soloil;
tant blazon, et tant hauberk blanc,
tante espee a senestre flanc,
tanz boens escuz fres et noviax,
d'azur et de sinople biax,
et tant d'argent a bocles d'or²⁵⁸.*

²⁵⁷ Несколькими веками позднее это слово закрепилось во французском блазоне для обозначения зеленой тинктуры, меж тем изначально имело значение красного цвета, и именно в этом значении его использует автор, что бывает понятно из контекста.

²⁵⁸ «Там было столько красных вымпелов,/ И столько платков, и столько рукавов,/ И голубых, и белых,/Что в знак любви дарились;/ Столько было копий привезено/ Синего и красного цвета,/ Золотых и серебряных было много, Много было и других,/Много полосатых и «пестрых». Видно было, как в тот день надевали,/ Много шлемов из железа и стали,/ Зеленых, желтых и красных,/ Блестящих на солнце;/ Много щитов, и много белых кольчуг,/ Много мечей на левом боку,/ Много хороших щитов свежих и новых/ Синих и

В этом описании подготовки к турниру мы находим многократное упоминание разноцветного вооружения рыцарей, их щиты (*escu, blazon*), шлемы и копья представлены разными цветами: *bloe, azur, sinople, or, argent, vert, giaune, vermoil, blanc*. Хочется отметить и некоторую парность: *bloe-azur* (синий), *sinople-vermoil* (красный), *or-giaune* (золотой/желтый), *argent-blanc* (серебряный/белый). Эти пары, конечно, нельзя назвать синонимами, однако, через полвека только одно слово из пары закрепилось в качестве геральдической тинктуры, вытеснив остальные из гербовников и описаний вооружения.

Первичное значение слова *vair* в старофранцузском языке можно определить как «пестрый» или «многоцветный»²⁵⁹, однако за счет своего внешнего вида этим же словом стал обозначаться мех белки, что придало *vair* значение непосредственно как цвета этого меха – «серой-голубой», его текстуры – «блестящий, струящийся», так и непосредственно материала изготовления. Сам мех впоследствии стал геральдической тинктурой, представленной графически в виде чередующихся серо-голубых и белых волнообразных линий, образующих узор²⁶⁰. Этот узор сохранил за собой название *vair*. Таким образом, перевод этого слова в таком контексте довольно сложен, но все же позволяет предположить, что *vaire*, также как и *bandee*, представляет собой многоцветный узор, которым окрашено копьё.

Тем не менее, при такой точности описания элементов вооружения и быта героев никакой цветовой закономерности не обнаруживается, и на первый взгляд при прочтении пяти его романов встречается всего лишь один эпизод, который можно назвать непосредственно «геральдическим» – это

красивых красных,/ И серебряных с золотыми умбонами.» *Cretien de Troyes. Érec et Enide*. MS. VnF fr. 794. 8f, v. 2084-2101.

²⁵⁹ Словарь старофранцузского языка. М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1955. С. 264.

²⁶⁰ В XIV в. графическое изображение изменилось и стало немного более сложным.

известный отрывок с описаниями гербов турнира в «Ланселоте». Остается вопросом, почему же отсутствуют гербы во всех остальных его романах, ведь вряд ли турниры и придворные празднества современников автора обходились без них: достоверно известно, что гербы при европейских дворах во время написания романа использовались уже повсеместно.

Обратимся непосредственно к тексту первого романа «Эрек и Энида». Это история юношеской любви доблестного рыцаря и бедной, но благородной девушки. Эрек олицетворяет собой идеал рыцарства благородного и бесстрашного, его решения и поступки помогают ему пройти путь от простого рыцаря до короля. Неудивительно, что все его окружение представляет собой мир, полный турниров, пиров и приключений, столь красочно описанный в приведенном выше отрывке.

Однако еще в самом начале романа есть свидетельства протогеральдических явлений. Преследуя рыцаря (Гавейна) и пытаясь узнать, кто он, Эрек спрашивает у местного жителя:

*Biax ostes, ne vos ennuit mie
Mes dites moi, se vos savez,
Qui est un schevalier sarmez
d'une armes d'azur et d'or²⁶¹.*

Отрывок показывает, что Эрек, пытаясь установить личность другого рыцаря, обращается к цвету его «вооружения» или «оружия» (*armes*), то есть к цвету как способу идентификации. Трудно сказать наверняка, что имеется в виду: можно предположить, что это цвета его одеяния, конской упряжи или других элементов его снаряжения, а может быть и непосредственно щит, как

²⁶¹ «Дорогой хозяин, если вас не потревожит,/ Скажите мне, если вы знаете,/ Кто этот рыцарь вооруженный / вооружением синим и золотым.» (vv. 582-586) *Cretien de Troyes*. Op. cit. MS. BnF fr. 794.7b,. Ср.: «Я не хочу вам докучать,/ Но вы не скажете ли мне,/ Кто рыцарь тот, что на коне / Проехал со щитом большим / В два цвета – синий с золотым?» Пер. Н.Я. Рыковой. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М: Наука, 1980.

сам по себе, так и вместе с другими элементами, но очевидно, что они уже выполняют роль визуального признака.

Далее в своем приключении Эрек вступает в поединок с графом, о котором мы знаем, что его щит был желтым:

*Erec le fiert de tel angoisse
sor l'escu qui fu tainz an jaune*²⁶².

В отношении этого отрывка необходимо отметить, что цвет в данном случае – это качество именно щита, а не других элементов. Интересным является также то, что цвет выражен словом *jaune*, то есть желтый, в то время как традиция передавать этот цвет в эмблемах и знаках через *d'or* – золотой – имеет корни более древние, чем геральдика. Исследования ранних гербовников также показывают, что золотая тинктура – самая устойчивая в номенклатуре геральдических цветов²⁶³. Так и в предыдущем примере вооружение Гавейна – золотое (3).

Далее в тексте следует еще один эпизод, требующий особого внимания: Гавейн оставил коня и «*escu de ses armes*»²⁶⁴, которыми воспользовался сенешаль Артура Кей. Упоминания цветов или каких-либо изображений в этом эпизоде отсутствует, однако по контексту мы понимаем, что «вооружение» Гавейна обладает некими различительными качествами (оно сине-золотого цвета, как Эрек узнал ранее):

*Erec conut le seneschal
Et les armes et le cheval,
Mes Keus pas lui ne reconut,
Car a ses armes ne parut
Nule veraie conuissance*

²⁶² «Эрек в исступлении нанес удар / По его щиту, покрашенному в желтый» (vv. 3602-603). Cretien de Troyes. Op. cit.

²⁶³ Рыжова Д.С. Металлы... [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1>

²⁶⁴ Cretien de Troyes. Op. cit. 15f., v. 3932.

*Tant cos d'espees et de lance
avoit sor son escu eüz
que toz li tainz an ert cheüz*²⁶⁵.

Мы снова встречаемся с похожим способом визуальной идентификации. Эрек распознает подвох за счет того, что, с одной стороны, узнает сенешаля в лицо, с другой, по цветам понимает, чье оружие тот взял. Героев последующих романов такая ситуация однако не раз приводила в замешательство.

Второй роман Кретьена де Труа «Клижес», написанный немногим позже «Эрека», рассказывает историю византийского принца и его путешествия ко двору короля Артура, однако основной сюжет предваряется историей встречи его родителей там же на Британских островах.

Описывая как Александр, отец Клижеса, со своими компаньонами готовится вступить в бой, автор следующим образом описывает их оружие:

*Qant les orent as cos panduz,
Les escuz et les lances prises,
De colors pointes par devises*²⁶⁶.

Devise обозначает нечто видимое, однако в контексте очевидно имеет значение «разница, различие», автор дословно говорит, что оружие (то есть

²⁶⁵ «Эрек узнал сенешаля / и вооружение и коня, / но Кей его не узнал, / так как его вооружение не несло / бесспорного знака распознавания. / Столько ударов от мечей и копий / получил он по своему щиту, / что вся краска облетела». (vv. 3949-3055). Cretien de Troyes. Op. cit., 15f, Ср.: «Эреком узнан сенешал, / А Кей Эрека не узнал, \ и знаки на щите его / не скажут Кею ничего./ Он статью весь исполосован. / Какой был герб там нарисован, / Какие были там цвета / не выдаст выпуклость щита». Пер. Н.Я. Рыковой. Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М: Наука, 1980.)

²⁶⁶ «Когда они повесили на шеи / Щиты и взяли копьа, / Цветами раскрашенные для различия» (vv. 1304-1306) Cretien de Troyes. Cligès. MS. BnF fr. 794. 59a., Ср.: «У каждого надежный щит. / Когда сражаешься храбрее, копье в твоих руках острее». Пер. В.Б. Микушевича. Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М: Наука, 1980.

щит и копье) были раскрашены разными цветами для того, чтобы рыцари могли визуально определять друг друга²⁶⁷. Интересно отметить, что в дальнейшем *devise* во французском языке стало обозначать сам герб²⁶⁸.

В следующем эпизоде войско короля Артура осаждает замок изменника графа Ангре, разорившего Лондон и укрывшегося в Виндзоре, и сталкивается с войском графа. После кровопролитной битвы, Александр и его соратники решают хитростью проникнуть в замок:

*Chanjons, fet il, noz conuissances,
Prenons les escuz et les lances
As traïtors que ci veons,
Ensi vers le chastel irons,
Si cuideront li traïtor
De nos que nos soiens des lor*²⁶⁹.

Идея Александра имела успех, защитники замка легко узнали щиты (*les escuz bien reconurent*²⁷⁰) и открыли грекам ворота. Более того, можно предположить, что *conuissance* в данном контексте представляет собой как раз щит и копье – ведь именно эти два элемента заменили рыцари, и по ним враги должны были их признать за своих. Интересно, что войдя в замок рыцари все же прикрыли лица щитами, то есть также как и в примере, цветные щит и копье, будучи удобным функциональным инструментом,

²⁶⁷ Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes [Электронный ресурс] Свободный доступ.

URL:http://atilf.atilf.fr/scripts/dect.exe?BASE_LEXIQUE;VED=devise;AFFICHAGE=2;BACK;SANS_MENU;FERMER;ISIS=isis_dect.txt;OUVRIR_MENU=2;s=s0c5925dc;LANGUE=EN

(дата обращения 10.11.2017).

²⁶⁸ Ср.: англ. *device* – гербовая фигура, рус. – девиз.

²⁶⁹ «Сменим наши знаки распознавания, / Возьмем [их] щиты и копья, / Как предатели [т.е. враги – Д.С.] будем выглядеть / И направимся к замку / Тогда подумают предатели / о нас, что мы одни из них.» (v. 1815-1820) *Cretien de Troyes*. Cligès. Op. cit. 61a.

²⁷⁰ *Ibid.* v. 1834.

оставались все же вспомогательной системой. Поэтому именно неузнавание и заблуждение, вызванные цветом вооружения, лежат в основе конфликта почти во всех романах Кретьена де Труа.

Хитрость Александра обманула не только приспешников графа Ангре, но и соратников из войска Артура, которые были введены в заблуждение брошенными щитами (*Par les escuz sont deceu*²⁷¹), они подумали, что те погибли:

*Por son escu qu'il reconoissent
Trestuit de duel feire s'angoissent*²⁷².

В «Ивейне», интерес к геральдике этого героя пробуждается с самого названия. «Рыцарь со львом» уже намекает на то, что геральдическая фигура у него может быть только одна, что впоследствии и случилось, когда появилась необходимость наделить гербами всех рыцарей Круглого стола. Однако Ивейн в романе ни разу не появляется со львом на щите.

Ивейн приходит к рыцарской доблести не сразу, несмотря на то, что герой вписывается в свое рыцарское окружение; ряд совершенных им ошибок приводят его к безумию, и только преодолев это безумие и исправив ошибки, Ивэйн становится, по мнению автора «общественно полезным»²⁷³, то есть настоящим рыцарем, носителем нравственности и справедливости. Этот момент духовного перерождения героя и отмечен появлением льва, как самостоятельного персонажа, спутника рыцаря. Лев сам по себе довольно часто встречается в эмблематическом пространстве средневековой Европы, в том числе и как библейский персонаж. Лев – аллегория христианского рыцаря. Этим объясняется и многократное появление золотых львов в разных

²⁷¹ *Ibid.* v. 2074-2077.

²⁷² «Над его щитом, который узнали, / все в горе стали скорбеть» vv. 2043-2044. *Ibid.*

²⁷³ Михайлов А.Д. Указ. соч. С. 130.

романах Кретьена де Труа, как, например, на седле Эрека (*la sele a Lyons d'or*²⁷⁴).

Такие отрывки часто ошибочно трактуются некоторыми исследователями как геральдические²⁷⁵. Дж. Бролт, исследуя появление «золотых львов» в литературе XII-XIII вв., вслед за рядом других исследователей полагает, что они могут быть, как называет их автор, «геральдической лестью», то есть прямым намеком на герб английских королей²⁷⁶. Однако, если в других произведениях и можно предположить связь поэта с английским королевским двором, то в случае Кретьена де Труа его знакомство с Плантагенетами ничем не подтверждается.

М. Пастуро, предприняв попытку определить частотность геральдических фигур, выявил, что лев встречается в 15% гербов в средневековой геральдике и сохраняет лидирующую позицию с XII в. по XV в.²⁷⁷ Известна поговорка: «у кого нет герба, тот носит льва», появившаяся в XIII в.²⁷⁸ Здесь можно вспомнить и щиты сыновей Приама в Романе о Трое Бенуа де Сент-Мора²⁷⁹. Лев даже нарисован на щите в одном эпизоде из Эрека (*sur l'escu d'or a Lyon point*²⁸⁰), но скорее всего он еще не имеет никакого отношения к геральдике.

Напрашивается вывод, что лев Ивэйна, как и львы на седле Эрека и в других отрывках – скорее результат общего символизма этого образа, который потом заимствовался геральдикой, и никак не наоборот. И уж тем

²⁷⁴ *Cretien de Troyes. Erec et Enide. Op. cit. 14f, v. 3667-3668.*

²⁷⁵ См: *McDonald W.C. «The Crown Endures: Concerning Heraldry as Narrative Discourse in the 'Erec' of Hartmann Von Aue // Colloquia Germanica, vol. 33, no. 4, 2000. P. 317-332.*

²⁷⁶ *Brault G.J. Early Blazon... P. 20-21.*

²⁷⁷ *Pastaureau M. Le bestiaire héraldique au Moyen Age // Revue française d'héraldique et de sigilligraphie. 1972. P. 3-17.*

²⁷⁸ *Пастуро М. Символическая история... С. 54.*

²⁷⁹ *Adam P. Les usages héraldiques. P. 18-29.*

²⁸⁰ *Cretien de Troyes. Cliges. Op. cit. 72a, v. 4741.*

более сомнительно, чтобы эти львы имели какое-либо отношение к гербу Англии. А лев как спутник Ивэйна введен в повествование как символ его духовного перерождения, достижения идеала.

Тем не менее, идея распознавания в этом романе играет особенную роль. Ивэйн намеренно совершает свои подвиги инкогнито. Первый раз он появляется перед войском Артура у волшебного камня, вызывающего бурю, и Кей бросает ему вызов. Сам автор при этом замечает:

*S'or li puet feire .i. po de honte
Messire Yvains, liez an sera
Et mout volantiers li fera,
Que bien le reconuist as armes²⁸¹.*

Впоследствии Ивэйн продолжает скрывать свою личность и представляется как «Рыцарь со львом», что позволяет ему встречаться со всеми персонажами романа неузнанным. К этому приему прибегает и Гавейн, который собирается сразиться с Ивейном для разрешения дела о наследстве двух дам:

*Et vint a cort si atornez
Que reconuistre ne le porent
Cil qui toz jorz coneu l'orent
As armes que il aporta²⁸².*

Возможно, здесь уместно вспомнить об «узнавании» (анагноризисе) как о распространенном литературном приеме, использующемся с Античности. Этот мотив связан со многими произведениями. Как правило, узнавание – переломный момент повествования, когда главный герой

²⁸¹ «Теперь он мог бы осрамить / Мессира Ивейна, он был бы счастлив / и охотно бы это сделал /если бы его узнал по вооружению» (v. 2240 -243.) *Cretien de Troyes. Yvain ou Le Chevalier au Lion. MS. BnF fr. 794. 88a , v. 2240 -243.*

²⁸² «И стал он ко двору одеваться / В то, в чем его не могли бы узнать / Того, кого всегда узнавали по / Вооружению, которое он носи.» (v. 5872-5875.) *Cretien de Troyes. Yvain ou Le Chevalier au Lion. Op. cit. f. 101e.*

понимает суть происходящего вокруг, и приурочено оно к кульминации действия – после него события стремятся к развязке. Вокруг этой же темы строится часть сюжетной линии Ивэйна и, как мы уже видели, других романов, хотя он и не является основным. Тем не менее, в большинстве случаев реализовать этот прием на практике автору позволяет именно внешний вид вооружения.

Следующий роман «Ланселот» выделяется из общей канвы повествований Кретьена де Труа сразу несколькими фактами. Этот роман, посвященный Марии Шампанской, рассказывает историю любви юного рыцаря к королеве Гвиневере, жене короля Артура. Сама тема романа кажется странной для Кретьена, ярого противника адюльтера, что, кстати, возможно и стало причиной того, что Кретьен бросил роман и оставил его завершение своему ученику.

Этот роман важен в первую очередь тем, что в нем появляются непосредственно *гербы*. Во время турнира в Ноазе рыцари, которые не стали участвовать, потому что были пленниками при дворе или приняли крест, описывают дамам гербы участников турнира:

*Assez, qui armes ne porterent,
Qui prison ou croisié se erent,
Et cil lor armes lor devisent
Des chevaliers que il plus prisent*²⁸³.

Снова необычное сочетание реальности и вымысла. То, что гербы дамам описывают рыцари, принявшие крест (*croisié*), которые не могут участвовать в турнире из-за того, что им это было запрещено папской буллой – неожиданная отсылка к реальности, в которой жил автор, ведь ни один из

²⁸³ «Те кто гербов не носил (невозможно определить, имеется в виду герб или вооружение – Д.С.) / Кто был пленен или принял крест, / И описывали [дамам] гербы / Тех рыцарей, у кого они были» (v. 5769-5772) *Cretien de Troyes. Lancelot ou le Chevalier de la Charrette*. MS. BnF fr. 794. f. 49a.

героев Кретьена, будучи эталоном доблести и чести ни разу не помышлял о крестовом походе, эта тема вообще не рассматривается в его романах²⁸⁴. На архаичную догеральдическую систему визуальных знаков указывает и то, что свои «цвета» рыцари носили только во время турнира, они еще не стали частью повседневной жизни, какой были гербы.

Рыцари, сидя на трибуне, описывают (*devise*) дамам гербы и таким образом представляют участников, фактически выполняя функцию герольдов:

*Antr'ax diënt : "Veez vos or
Celui a cele bande d'or
Parmi cel escu de bernic?
C'est Governauz de Roberdic.
Et veez vos celui après
Qui an son escu pres a pres
A mise une aigle et un dragon?
C'est li filz le roi d'Arragon (...)
A cel escu vert d'une part,
S'a sor le vert point .i. liepart
Et d'azur est l'autre mitiez ?
C'est Ignaurés li covoitiez (...)
Et cil qui porte les feisanz
An son escu poinz bec a bec ?
C'est Coguillanz de Mautirec (...)
As escuz d'or as lyons bis ?
Li uns a non Semiramis
Et li autres est ses conpainz,
S'ont d'un sanblant lor escuz tainz.
Et veez vos celui qui porte*

²⁸⁴ Рыжова Д.С. Влияние церковного запрета... С. 88–91.

*An son escu pointe une porte,
Si sanble qu'il s'an isse uns cers ?
Par foi, ce est li rois Yders.
Ensi devisent des les loges (...)
Ou vos veez ces .ii. arondres (...)
Sel porte Thoas li Meschins
Ensi devisent et deboissent
Les armes de ces qu'il conoissent»²⁸⁵.*

Нетрудно заметить, что рисунки на щитах совсем не похожи на гербы, используемые рыцарями XII в. Вызывают недоумение их цвета (полусиний-полужелтый), расположение и выбор фигур (рядом дракон и орел). Тем не менее, для описания этих изображений использованы слова, которые впоследствии закрепились в геральдической лексике (*bande, arondre*). Да и само неожиданное появление гербов и фактически их устного блазонирования в романе по сравнению со всеми предыдущими турнирными сценами кажется необычным. Возможно, Кретьен намеренно пытался выдумать своим героям гербы необычные, фантастические. Однако, кажется более вероятным, что Кретьен, не являясь профессионалом и знатоком геральдики, впервые попытался скопировать речь герольдов, которую где-то

²⁸⁵ «Они сказали: «Видите ли вы сейчас / Вот эту золотую перевязь / На этом щите ярко красном? / Это Говернал де Робердик. / А теперь вы видите, / Тот, у кого на щите рядом / Помещены орел и дракон? / Это сын короля Аррагона (...) / Этот щит зеленый с одной стороны, / А на зеленом нарисован один леопард / И синяя другая часть. / Это Игнорэ, любимец (...) / А тот, кто несет фазанов / На своем щите, нарисованных клюв к клюву, Когиян де Мотирек (...) / [У двоих] щиты золотые со львами бурыми / Один имеет имя Семирамис / Другой – его компаньон, / У них одинаково покрашены щиты. / А вот вы видите того, кто несет / На своем щите нарисованную дверь, / И как бы из нее выпрыгивает олень? / Верьте, это король Идер. / Так объясняли на трибуне (...) / [Тот] где вы видите двух ласточек, / носит Таос ле Мешен. / Так описывали и разъясняли / Гербы и тех, кого по ним узнали». (v. 5773-5824) *Cretien de Troyes. Lancelot*. Op. cit., f. 49a-b.

слышал. Например, в 1179 г. в Ланьи (откуда родом продолжатель «Ланселота» и ученик Кретьена) состоялся турнир по случаю коронации Филиппа-Августа, на котором присутствовали Генрих Молодой, Уильям Маршалл и будущий покровитель поэта Филипп Фландрский. Возможно, что на одном из таких мероприятий клирик Кретьен познакомился с относительно новой геральдической турнирной традицией и попытался внести ее в свой роман. Некоторые исследователи также полагают, что сцена турнира могла быть написана Кретьеном уже после того, как автор оставил свой роман и его завершил Годфруа де Ланьи, чтобы сгладить переход от одного автора к другому.

Последний роман автора «Персеваль» уже не так изобилует рыцарскими развлечениями. В этом романе Кретьена де Труа уже больше волнует духовная составляющая, он обращается к теме Грааля.

Меж тем, в романе встречается и отголосок «нового» знания поэта о геральдике:

*Guinganbresil parmi la porte
de la sale, et si aporte
.i. escu d'or, s'ot an l'escu
une bande qui d'azur fu²⁸⁶.*

Автор использует уже геральдические термины и, если убрать слова, необходимые для построения строфы, мы получим блазонную фразу:

escu d'or, une bande d'azur.

Есть еще одна сцена в этом романе, требующая нашего внимания. В ней также нет указания на цвета или изображения, но мотив визуальных

²⁸⁶ «Геганбрезиль [прошел] в двери / зала и он нес с собой / один золотой щит, и на этом щите / была перевязь, сделанная лазурью.» (v. 4725-4729.) *Cretien de Troyes. Perceval*, MS. VnF fr. 794, 378f, Ср.: «В руках он щит златой держал, / отделанный лазорью в лоске: / на треть лазурные полосы / щита украсили поверхность.» Пер. Н.В. Забабуровой. *Кретьен де Труа. Персеваль, или повесть о Граале / пер. со старофранцуз., ст., прим.* Н. В. Забабурова, А. Н. Триандафилиди. Ростов-н/Д, 2012.

знаков присутствует. Гавейн, останавливаясь для отдыха рядом с ристалищем, на котором проходит турнир, вешает на дерево два своих щита. Зрители турнира, наблюдающие со стен замка, принимают этот жест за представление двух новых рыцарей. Когда же они узнают, что оба щита принадлежат одному рыцарю, то удивленно заключают, что никогда с подобным не встречались:

*Que fera il de .ii. escuz?
Tex chevaliers ne fu veüz
qui portast .ii. escuz ansamble²⁸⁷*

Очевидно, что щиты Гавейна – разные, и это видно издалека, и презентация щита является необходимой церемонией перед началом турнира.

Отдельно стоит отметить, что во всех романах Кретьена де Труа (и во многих других литературных произведениях XI-XII в.) часто встречается красное «вооружение» и щиты, цвет которых всегда передается через прилагательное *vermoille*. Различительной функции такие щиты и оружие, по всей видимости, не имеют.

На первый взгляд трудно сказать, почему мы встречаем такое обилие «красного вооружения» в рыцарских романах; имеет ли оно смысловое или функциональное значение – ответ на этот вопрос требует отдельного исследования. Однако даже на первый взгляд прослеживается связь и с преобладанием в раннем Средневековье красных знамен: упоминания о них довольно часты как в документах, так и в «жестах» и романах с X в. по XIII в. Соответственно и причины такого изобилия красных знамен и вымпелов в истории средневековой Европы называются разные: от чисто функциональных – красный цвет лучше всего заметен на любом фоне и практически не имеет натуральных природных аналогов, до излишне романтических версий, предполагающих, что европейское красное знамя

²⁸⁷ «Что он будет делать с двумя щитами? Таких рыцарей еще видала, / кто бы носил два щита вместе» (v. 4945-4947.) *Cretien de Troyes. Perceval*. f. 379e.

восходит к варварской традиции поднимать кусок ткани, пропитанной кровью врагов²⁸⁸. Возможно, однако, что и красное знамя, и красный щит являются наследниками римской военной традиции.

Что же касается цветных рыцарей, появляющихся во всех романах Кретьена, очевидно, что они не так легко встраиваются в систему цветовых знаков различия. С одной стороны, Клижес, выезжая каждый день в новом доспехе (*armes*), заставляет поверить, что это четыре разных рыцаря. С другой – все цветные противники главных героев предстают персонажами магическими и фантастическими. Дж. Бролт даже выдвигает идею, что авторы артурианских романов намеренно наделяли героев одноцветными щитами, чтобы подчеркнуть архаичность и фантастичность повествования. В подтверждение своих слов он цитирует Гальфрида Монмутского (ок. 1136), который считал, что рыцари времен короля Артура добротелью и доблестью выигрывали в сравнении с современными ему намного более претенциозными рыцарями XII в.: *quicumque vero famosus probitate miles in eadem erat, unius coloris vestibus atque armis utebatur*²⁸⁹. Наиболее вероятно, что цветные рыцари артурианских романов стали продуктом смешения древних кельтских легенд и зарождавшейся традиции цветовой репрезентации, однако этот вопрос требует также отдельного исследования.

И все же, есть ли геральдика в романах Кретьена де Труа? С одной стороны турнир в Ноазе можно представить как замечательное подражание работе герольдов, с другой – по сравнению с более поздними романами, изобилующими гербами главных героев, у Кретьена их практически нет. Однако, возможно, стоит задать вопрос по-другому.

В романах Кретьена де Труа важное, а иногда и сюжетообразующее место занимает тема узнавания друг друга, осуществляющаяся посредством цветовых индикаторов – раскрашенного вооружения. На основании чего

²⁸⁸ Бойцов М.А. Указ.соч. С. 35, 39-41.

²⁸⁹ Brault G.J. Early Blazon... P. 29-10.

можно предположить, что автор в своих романах запечатлел систему, предшествующую геральдической. Очевидно, что цвет использовался как инструмент распознавания и различения (*cognoisse, devise*).

Таким образом, стоит переформулировать вопрос: можно ли считать описанную Кретьеном систему геральдической или хотя бы протогеральдической? Несмотря на всю фантастичность происходящего в романах, они довольно точно отражают действительность, мы встречаем в них темы, волновавшие современное автору общество: тема адюльтера на фоне григорианской реформы церкви и требования упрочения моногамных брачных уз, крестовые походы и запрет на участие в турнирах рыцарей, принявших крест. Так и раскрашенное вооружение предстает чем-то привычным и повсеместным, не требующим разъяснения или подробного описания. Как мы знаем, с момента появления гербов до первого гербовника (ок. 1250 г.) прошло около столетия. И этот «темный век» геральдики на самом деле – время ее триумфального шествия по Европе, этап ее становления, складывания правил ее использования.

Хочется предположить, что система цветовой визуальной идентификации, описанная Кретьеном де Труа представляла собой именно этот незадокументированный переходный момент становления геральдики, ту часть ее существования, когда она еще не была вписана в жесткие рамки собственных правил и плавный переход к более осознанному использованию фигур на щитах, который мы встречаем в «Ланселоте». Сложившаяся система распознавания – *cognoissance*, раскрашенные щит и копьё – простой и удобный инструмент, не имеющий символического значения. Однако в процессе «прирастания» герба к предку, замку и линьяжу, обрастания его фамильными легендами, герб становился все более семантически наполненным, что и привело позднее к наделению герба символическим смыслом и стало толчком к его эволюции сначала в сторону изобразительных девизов, а позже и в сторону личных эмблем.

§ 1.2. Турнир Антихриста, 1234-1240 гг.

Турнир Антихриста, произведение хорошо известное как современникам, так и аудитории Позднего Средневековья, во многом из-за того, что оно легло в основу двух новых и ставших впоследствии популярными течений в средневековой литературе – романа-аллегии и романа-турнира, воплощенных в одном произведении.

Несмотря на это, три попытки публикации романа, как подмечает современный английский исследователь К. Басби, оставляют в отношении романа больше вопросов, чем ответов²⁹⁰.

Сам автор в тексте своего романа признается, что является продолжателем дела Рауля де Удана и Кретьена де Труа, с произведениями которых, он, что явствует из текста, очень хорошо знаком. По сути, Гюон де Мери, объединил аллегорию, взятую у Рауля, с Турниром, взятым у Кретьена. Как было отмечено выше, гербы присутствуют в последних произведениях Кретьена де Труа. Они появляются и у Гюона, но предстают уже на совсем ином уровне. Более того, они довольно многочисленны, их в произведении насчитывается 56²⁹¹. Важной особенностью этого произведения является и то, что оно было написано раньше появления первого известного гербовника, датируемого 1250-ми гг.

Исследование блазонной лексики в романе предпринял М. Принэ, перечислив все гербовые фигуры, упомянутые в романе, в своей статье и пришел к выводу, что «геральдический вокабуляр Гюона де Мери беден, но использует его автор правильно»²⁹², а также подметил отсутствие «блазонной конструкции». Однако следует произвести более подробный анализ. Принэ удивляется частому повторению определенных фигур, довольно редких для

²⁹⁰ *Busby K. Plagiarism and Poetry in the "Tournoiement Antéchrist" of Huon De Méry // Neuphilologische Mitteilungen. Vol. 84, No. 4 (1983).*

²⁹¹ Описания всех гербов с переводом на русский язык представлены отдельно в Приложении 4.

²⁹² *Prinet M. Le language... P. 52.*

геральдики XIII в., как например *mireor* (зеркало) или ромбового поля, часто встречающихся в тексте поэмы.

Обращаясь непосредственно к тексту, уже самый первый герб, который мы встречаем в описании Гюона де Мери, вызывает немало вопросов.

*L'escu noir ot a faus miracles,
Qui trop estoit paranz et beaus,
Car bordez [ert] di dëableaus,
A i. crochet dampnement.
Escrit portoit son jugement
En un bende trop eslite,
Car ele estoit de mort soubite,
Fretée de pechiez mortieux;
(Antecrist, vv. 538-545)*

Первое что бросается в глаза – избыточность блазона и «нагромождение» фигур. Такая структура заметна практически у всех гербов. Однако уже на первом примере стоит отметить, что автор так или иначе сохраняет порядок описания герба: сначала поле, затем основная фигура, потом кайма и перевязь. Можно предположить, что автору известны случаи использования этих двух фигур в качестве бризур, именно так они представляются в тексте. Неуместным кажется использование *fretée*, которое, очевидно, относится к перевязи, т.к. «переплетенные» перевязи встречаются редко, а в XIII в. и не встречаются вовсе. М. Принэ, предположил, что автор с блазоном совсем незнаком и где-то подслушав его, попытался воспроизвести. Так, действительно, может показаться с первого взгляда. Однако стоит вспомнить, что Гюон де Мери сам рыцарь и, прежде чем стать монахом в Сен-Жермен-де-Пре, участвовал в военных действиях. Исследователи полагают, что именно поэтому Гюон сделал себя главным героем приключения, повествование которого ведется от первого лица. И как будет показано далее, это не единственный аргумент против позиции М. Принэ.

Однако, прежде чем продолжить лексическое исследование, необходимо сказать и о значении блазона. «Турнир Антихриста» – это аллегорическая поэма, представляющая персонификации абстрактных понятий. Неудивительно и то, что гербы персонажей предстают перед нами абстрактными. Во-первых, в блазонах тинктуры заменены на абстрактные понятия; частично абстрактные понятия чередуются с тинктурами,

*Escu portoit parant et bel
Parti d'outrage et de delices,
Et si estoit par granz devices
Bendez de geueles et de langues*

(Lecherie, 992-995)

Le noir escu bendé de nuit

(Larrecine, 922)

что в общем говорит о знании автором тинктур и намеренной их замене на другие понятия. Автору известны специальные термины *gueles*, *argent*, *or*, *azur*. Он также использует *blanc* и *noir* – но это норма для XIII в.

Интересно отметить и то, что сам автор не видит ни в тинктурах, ни в фигурах символических значений, именно заменой тинктуры на абстрактные понятия он добивается необходимого эффекта, часто поясняя свой выбор. Это дополнительно подтверждает идею, что изначально гербы или их части не обладали собственным семантическим потенциалом. «Черный» и ночь существуют параллельно. Это, однако, не отменяет использования автором простых ассоциаций, как в случае с восстающим зайцем в гербе Трусости:

L'escu pale a lievre rampant

(Cuoardie, 1186)

Похожая аналогия и визуальная ассоциация с ощерившимся мастифом используется в гербе Вероломства:

*Et portoit l'escu endenté
A i. rous mastin rechigné;*

(Felonie, 702-703)

Однако здесь автор прибегает к еще одному стилистическому приему: перекликанию термина с изображением. Мастиф, скалящий зубы – основная фигура герба – перекликается по смыслу с термином *endenté* (зубчатый). В таком свете явная геральдическая ошибка – щит сам по себе зубчатым быть не может, это качество фигур – видится намеренным стилистическим приемом, где геральдические «зубцы» сопоставляются с зубами собаки.

Автор продолжает эту игру в гербе Предательства, где насмешки (*rampones*) представляются вздыбленными:

A iiiii. rampones rampanz,

A une langue a v. trenchanz

(Traïson, 819-829)

Похожее созвучие Гюон де Мери обыгрывает в гербе Обжорства. Геральдического смысла эта фраза лишена, однако структуру блазонной фразы сохраняет:

Armes de geules engouleés

Transglouties a granz goulées

(Glouternie 997-1002)

Стоит отметить, что термин *geules* является одним из самых «проблемных» геральдических терминов, начиная с того, что его этимология толком не ясна, его вид и форма кажутся чуждыми для французского языка, что вызывает у авторов сложности с рифмовкой. Единственным подходящим для этого словом является омоним *gueule* (рот, пасть, глотка), который по одной из версий мог сам дать название геральдическому термину. Таким образом, это слово во французском языке рифмуется только само с собой, что будет еще раз показано на примерах в Части 2 этой Главы.

Необходимо сказать и несколько слов о применении блазонной фразы. Как мы уже сказали, порядок описания фигур в большинстве случаев верный. А вот в расстановке «тинктур» после причастий, описывающих деление поля, присутствуют разночтения. Так в упомянутых выше примерах уже

встретились *bendez de geueles et de langues* (Lecherie) и *Le noir escu bendé de nuit* (Larrecine).

Одной из очевидно любимых находок автора стал термин *losengié*, который встречается более чем в 10 блазонах (при общем их количестве 56), как, например, в гербе Гнева, где снова видится ошибка в формулировке, правильно было бы

De rancune losengiées de derverie:

Armes avoient losengiées

De rancune et derverie

A i. label de frenesie

(Corouz, 720-722)

Но к пониманию и этого примера есть ключ, который можно найти в гербе Неправды:

Par fauses losenges atret,

A iiii. Poinz et a i. tret

(Torz, 753-754)

Faus lozenges в геральдике - просечные ромбы, в последствии получившие самостоятельное название *mascle*, которые также могут сформировать ромбовое поле, называющееся однокоренным причастием *losengiée*. Однако с французского это фразу можно перевести также как «лживая лесть, обман». Таким образом, в этом примере автор превзошел сам себя; присутствие двойного значения – бытового и геральдического – в этой фразе даже нет необходимости пояснять.

Словом *faus* – «ложный», а в геральдике «просечной», применимым к другим фигурам помимо ромбов, автор пользуется неоднократно и такая полисемия оказывается очень полезной для его целей:

Ses faus escuz, dont diex nos gart

As faus semblans, au faus regart

As faus besiers et as faus diz

(Traïson, 819-821)

При дальнейшем анализе оказывается, что это не единственный случай, а, наоборот, основа авторской игры. Это уже говорит о том, что автор с геральдической лексикой несомненно знаком, использует ее осознанно. А, возможно, даже и намеренно коверкает для создания ощущения нереального. В мире существ с двумя лицами как у Предвидения или тремя руками как у Воровства, и гербы должны быть понятными, но невозможными для изображения, избыточными и причудливыми. Не пытался ли Гюон де Мери, хорошо знакомый с романами Кретьена де Труа, продолжить его работу по сочинению фантастических понятных, но геральдически неверных гербов из «Ланселота», о которых мы говорили ранее в этой работе?

Итак, проанализировав блазоны в этой поэме, становится очевидным, что выводы М. Принэ были во многом поспешными. Во-первых, геральдическая лексика автора отнюдь не «бедна». Гюон использовал многие из основных терминов из арсенала гербовников, ни один из которых, напомню, еще не был создан на момент появления Турнира Антихриста. Это отчетливо видно в Приложении 3. Предпочтение одних фигур, более редких с точки зрения геральдики, другим, более частым в гербовниках, обуславливается не незнанием автора, но полисемическим потенциалом, который можно было использовать в художественных целях. Так же как и избыточность фигур говорит скорее о намеренной попытке создания нереальных фантастических гербов для аллегорических персонажей поэмы, т.к. правильный порядок их описания и сохранение блазонной грамматики говорит о том, что автор с ней достаточно хорошо знаком. Таким образом, можно заключить, что автор намеренно выбрал геральдический язык в качестве инструмента для создания экспрессивного, а часто даже (что очень важно) комического эффекта, что говорит о том, что и его аудитория была в состоянии не только узнать термины, но и понять игру слов.

А это в свою очередь полностью соответствует выводам, сделанным на основании «блазонов» Кретьена де Труа, о том, что интерес к геральдике разрастался и становился всеобщим, аудитория могла и хотела «читать»

гербы, что провоцировало спрос на геральдический нарратив и, возможно, послужило предпосылкой к появлению гербовников, как самостоятельного «жанра».

§ 2. Нарратив современный гербовникам

В XIII в. уж существуют гербовники – основные носители информации о геральдике того времени. Более того, можно ожидать проникновения сложившейся профессиональной геральдической лексики в нарратив.

Однако для XIII в. имеет смысл заново поставить вопрос о цели и авторстве гербовников. Общепринятым считается то, что авторами первых гербовников (по аналогии с последующими эпохами) были герольды, и документы эти создавались для их личного профессионального пользования. Идея эта хорошо соотносилась с датировкой первых упоминаний о герольдах в составе войск и дворов представителей знати и временем появления первых гербовников, что даже привело к попыткам сопоставления известных герольдов и гербовников XIII в.²⁹³ Однако в свете уже упомянутого доклада Т. Хильтмана, посвящённого роли герольдов в развитии геральдики, стоит задуматься, верна ли подобная логика²⁹⁴.

Следствием безоговорочной веры в то, что ранние гербовники были созданы герольдами, является их нерушимый авторитет по сравнению с целым рядом произведений геральдического характера, авторами которых являлись не герольды. Хорошим примером устаревшего подхода к конкретному источнику может служить «Песнь об осаде Кэрлаверока» (The Song of Caerlaverock), известный и хорошо изученный «вторичный» гербовник, привлекательный тем, что его оригинальный текст, один из немногих, сохранился целиком.

²⁹³ *Denholm-Young N.* Op. cit. P 54-63.

²⁹⁴ *Hiltmann T.* Heralds are not heraldry...

Гербовник представляет собой поэму, описывающую участников войска короля Эдуарда I во время осады замка Кэрлаверок в Шотландии в 1300 г. При этом автор уделяет событиям, происходящим в осадном лагере, минимум внимания, но посвящает всю свою поэму воспеванию достоинств английских рыцарей, каждого представляя по имени и упоминая его герб. Среди исследователей блазна принято сравнивать Поэму с остальными имеющимися блазонными гербовниками (из которых лишь несколько сохранились в оригинале) и считать, что гербовник этот является живым примером того, что к моменту его написания геральдическая лексика ещё не сложилась полностью. В качестве примера обычно приводятся слова, используемые для определения тинктур (то есть геральдических цветов), которые в Поэме показывают большую вариативность. Можно лишь повторить, что тинктуры – это отдельная и очень специфическая часть геральдической терминологии, которая, с одной стороны, привлекает кажущейся простотой исследования (ввиду ограниченного количества и сильной обособленности), с другой, повергает в пучину исследования цвета и его значения - направления, популярного в современной науке, но слишком сложного и мало кому удающегося на должном уровне. Так, вариативность цветовых обозначений объясняется поэтическим языком, желанием автора приукрасить свой текст. Однако, если обратить внимание на прочие термины, присутствующие в поэме, то окажется, что они использованы строго в соответствии с правилами блазонирования и не показывают вариантов и синонимов. Более того, они выявляют трудности, которые испытывал автор в поисках рифмы к конкретным словам ввиду невозможности заменить их синонимами, что говорит о том, что автор осознавал, что работает уже с терминами.

Более того, учитывая, что Песнь об осаде Кэрлаверока, является все же гербовником вторичным, то и сравнивать его следует с произведениями, подобными ему, тем более что таковые хорошо известны, например, поэма Жака Бретеля «Турнир в Шованси» (*Le tournoi de Chauvency*), написанная на

15 лет ранее, в 1285 г. Гербы у Бретеля занимают значительно меньше места в повествовании, уступая описаниям самого турнира и вечернего досуга участников. Однако «Турнир в Шованси» содержит интересные сведения касательно источника блазонов: Бретель пишет, что сам он не разбирается в гербах, поэтому спросил у герольда, «потому что он знал и мог рассказать о гербах и рыцарстве, и знал молодых рыцарей»²⁹⁵. Описания щитов, которые следуют дальше в тексте, еще нельзя назвать блазонами, но все же они содержат специфическую геральдическую лексику.

В некоторых гербах присутствуют неточности, как лексического, так и фактологического характера, что ставит перед нами ещё один актуальный вопрос, неразрывно связанный с проблемой авторства: чьи ошибки мы читаем в поэме? Ошибки герольда или ошибки самого Бретеля, неверно записавшего с его слов?

Кто бы ни был повинен в неточностях, он остаётся современником текста. Однако вопрос становится сложнее, если говорить о гербовниках, не сохранившихся в оригинале и известных по копиям герольдов XVI-XVII вв. Если блазоны этих гербовников не могли быть записаны самими герольдами (как мы предположили выше), но только с их слов, наличие переписчика добавляет исследуемому тексту третьего (sic) автора. Не говорит ли нам это о том, что в таком контексте «Песнь об осаде Кэрлаверока» и «Турнир в Шованси» - источники намного более надёжные, нежели многие гербовники, которые считаются «первичными»? Подобный подход, как может показаться, отпугнёт исследователей ещё больше, так как дополнительно сузит круг и без того немногочисленных источников, но, возможно, откроет новые горизонты и подходы к проблеме.

Так, например, уже описанное выше внимание к нарративным, «вторичным» и даже вовсе негеральдическим источникам также открывает большие перспективы развития исследования. Трудно переоценить значение

²⁹⁵ «*Pour ce qu'il suet parler a moi / D'armes et de chevalerie / Et cognut la bachelerie*». (v. 302-306). *Bretel J. Le Tournoi de Chauvency*.

нарративных источников для исследования геральдики предшествующего периода – XII – первой половины XIII вв. – при скудости изобразительных источников и абсолютном отсутствии геральдических документов.

Создающиеся в XIII в. романы имеют уже совсем другой характер, отличный от романов «кретьеновского типа», как называет их А.Д. Михайлов. В XIII в. действие романов происходит уже в реальных условиях, что характеризует и тип взаимоотношений героев, и помещение их в реальное географическое пространство средневековой Европы, что способствует и более внимательному отношению к среде, в которой существуют герои романов (и их читатели)²⁹⁶. А.Д. Михайлов отмечает, что в это время появляются романизированные описания турниров, как настоящих, так и вымышленных. И ставит в один ряд «Турнир в Шованси» Жака Бретеля и «Роман о Хеме» Сарразина, написанный в 1278 г., отмечая при этом, что Бретель особенно подробно описывает турнир и уделяет внимание геральдике и этикету²⁹⁷.

§ 2.1. Турнир в Шованси, 1235 г.

«Турнир в Шованси» имеет значительное преимущество перед другими дошедшими до нас гербовниками XIII в. в свете нетривиальной проблемы авторства и аутентичности подобных текстов, ведь большинство из них дошли до нас в копиях герольдов XVI-XVII вв.²⁹⁸, а значит мы не можем исключать возможности сделанных ими правок. В случае «Турнира в Шованси» нам известен автор, и имеющийся текст, пусть и в более позднем списке (ок. 1310), все же современен автору и событиям, что делает его более надежным.

²⁹⁶ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. С. 294–295.

²⁹⁷ Там же. С. 297, 300.

²⁹⁸ Староскольская (Рыжова) Д.С. Геральдика XII в.: перспективы исследования // Signum. Вып. 10. (Отв. ред. А.П. Черных). М.: ИВИ РАН, 2019. С. 6-17.

Таким образом, эта поэма является в некотором роде связующим звеном между двумя видами языковых геральдических источников – нарративов и непосредственно блазонных гербовников – и может стать контрольной как для информации, полученной из романов, часто считающейся недостоверной, так как написана не профессионалами (герольдами), так и для гербовников, не исключающих наличие поздних правок.

Обратимся непосредственно к главной интересующей нас теме – блазнам гербов рыцарей «Туринра в Шованси». Поэма представляет вниманию читателей 25 описаний гербов, основной характеристикой которых является то, что эти описания являются именно блазнами, т.е. сохраняют принятую синтаксическую структуру, которую мы находим в блазонных гербовниках этого периода и используют геральдическую лексику, сложившуюся к концу XIII века:

Courte grosse fort et tenable
Lescu dor a la crois de sable
(Ренье де Крë, vv. 1409-1410)

Автор в большинстве случаев старается поместить блазонную фразу в одной строке. Притом, если ему это не удастся и поэтический строй требует от автора разнесения ее на несколько строк и добавления другого текста, блазон все равно остается таковым, то есть сохраняет свои лексику и синтаксис:

Que les escus d'azur estoit,
Et li atours que il vestoit
A une crois d'or endentée.
(Неизвестный рыцарь, vv. 1761-1763)

Старания автора сохранить геральдический язык говорят о сложившемся понимании того, что блазон является профессиональной терминологией, не подверженной изменению, что является еще одним

аргументом в пользу того, что блазон сложился многим ранее последней четверти XIII века, как минимум.

Немало трудностей вызывает у автора и необходимость рифмовать геральдические термины. И если в ряде сочетаний однажды найденная удачная рифма повторяется в тексте снова и снова, как например *argent – gent*²⁹⁹, то целый ряд терминов доставляет автору неудобства. Так, автор сталкивается с необходимостью поиска рифмы для *gueles*, красной тинктуры, и очевидно это вызывает у него определенные затруднения. Он оканчивает на нее строку всего один раз, рифмуя при этом слово фактически само с собой:

Briez, briez a plainne guile

Lescu dor a iii. pies de guile

(Анри де Брие, vv. 861-862)

В большинстве других блазонов автор прибегает к замене *gueles* на *vermeille* («алый»), с уже готовой подходящей рифмой *merveille* («чудесный»), которая также неоднократно встречается в тексте. Надо сказать что связка «чудесный алый» не является изобретением Жака Бретеля, эпитет *vermeille* применяем к описанию вооружения еще с шансон де жест, начиная с самой Песни о Роланде (XI век), и частотность его появления в литературе Средневековья довольно высока и говорит о его идиоматическом характере.

Необходимо также заметить, что подобное избегание автором термина *gueles* и сложность подбора подходящей рифмы лишь подчеркивает иностранное, заимствованное происхождение этого слова во французском языке.

²⁹⁹ *Gent* (фр.) – эпитет, обозначающий во французском романе носителя куртуазных добродетелей. Словосочетание «*chevalier gent*» (ср. *gentilhomme*, *gentleman*) во французском романе сродни устойчивому выражению «добрый молодец» в русской сказке.

Примером помещения неудобного термина в середине строки может служить тот же герб Анри де Брие, блазон которого приводится автором далее в тексте еще раз:

Ent el point a son tans use

Cil qui porte lescu pale

Dor et de guelles or gist la

(Анри де Брие, vv. 1080-1082)

Однако здесь наше внимание также привлекает и другое, а именно два разных способа блазонирования одного и того же герба – *3 pies* и *pale*.

Оба способа блазонирования подобных гербов («многократно рассеченных») можно найти в трех гербовниках XIII в.: гербовнике Гловера (ок. 1255 г.), гербовнике Уолфорда (ок. 1275 г.) и гербовнике Шиффле-Принэ (ок. 1290 г.). Подробный анализ позволяет предположить некоторую архаичность использования термина *pies*. Притом, что большинство случаев «рассеченных» гербов передаются с использованием *palé*, *pies* встречается в гербах, где присутствует глава и таким образом «столб» представляется укороченным, однако статистических данных недостаточно для того, чтобы утверждать это однозначно. Так, во французском гербовнике Шиффле-Принэ (составленном практически одновременно с «Турниром в Шованси») всего пять гербов имеют вертикальное деление, три из них блазонированы через *pale*, два – через *pies*, при этом два идентичных герба с главой блазонированы разными способами. Не стоит забывать, что все три этих гербовника известны нам только в более поздних списках и могут содержать правки. Таким образом, наиболее здравым решением кажется отринуть попытки поисков закономерности использования и разницы в изображении и признать равноправие обоих терминов, тем более что именно это решение подтверждает сама поэма, представляя в одном документе изображение и два способа описания одного герба. Нельзя отрицать, что именно эта

возможность описания герба двумя способами могла подтолкнуть Бретеля дважды упомянуть герб де Брие.

Между тем далее в тексте встречаются и другие признаки архаичного блазона:

Parei d'un fins estoit vermaus

La blanche face de traverse.

(Рауль де Бэсси, vv. 1205-1206)

Подобный описательный характер блазона присущ ранним гербовникам, особенно гербовнику Биго (ок. 1255 г.), самому раннему из французских. В этом гербовнике для всех пересекающих щит линий используется один и тот же термин *band*, с уточнением, что он расположен горизонтально – *en traverse* или по диагонали – *en besliv*. Использование словосочетания *face de traverse* может показаться избыточным, т.к. *fesse* обозначает уже непосредственно «пояс» даже в ближайших по времени к Биго гербовниках. Однако вместе с тем известны и случаи путаницы: так, например, Матвей Парижский (ок. 1255 г.) ошибочно использует *fesse* для любых пересекающих щит фигур. Желание автора уточнить расположение фигуры может свидетельствовать как об особой осторожности и точности автора, так и о продолжающейся путанице в терминах.

Еще один блазон, встречающийся в «Турнире в Шованси», заслуживает не менее пристального внимания:

Valles cest cist as armes dor

A celle bende tronconee

Dargent et dazur est litee

A ii. bastons vermaus en coste

(Рено де Трие, vv. v.2218-2221)

Термин *tronconée* довольно редкий и встречается только в упомянутом выше французском гербовнике Шиффле-Принэ, современном «Турниру в Шованси», причем в блазоне этого же сеньора: «*Mesire Ranaut de Trie porte*

*les armes d'or a une bande tronçonné d'argent et d'asur*³⁰⁰». По значению он совпадает с *gobonne* или *componne* (совр. франц. *componé*, совр. англ. *gobony*) и представляет собой вертикальное чередование полос внутри перевязи и перпендикулярное ей (см. ил. 4.). При этом следует заметить, что в гербовнике Уолфорда, где также появляются де Трие, используется другой термин: «*Misir Bilebaud de Trie, d'or a une bende goboné d'argent et d'asur*». А сам Рено представлен с однотонной перевязью и красным титлом: «*Reynalde de Trie, d'or a un bende d'azur a un label de gule*»³⁰¹.

Возможно, что именно это титло послужило основой для окаймления перевязи, которую мы находим в поэме, но которая отсутствует в блазонах. К тому же описанную довольно странным образом как *2 bastons vermaus en coste*, где *baston* – весьма расплывчатый термин, часто замещающий *band*, который, как мы уже упоминали выше, мог использоваться для обозначения любых фигур, пересекающих щит, а *en coste*, возможно, отсылка к *cotise* – фигуре представляющей дополнительную тонкую перевязь, сопровождающую основную и довольно частую в гербовниках XIII в. Возможно и здесь закралась ошибка.

Турнир в Шованси является редким геральдическим источником, который вобрал в себя многие ценные для исследователя качества: авторство и его роль в создании блазонов, датировку, наличие текста и изображения, практически современного созданию блазонов.

На основании анализа всего двух имеющихся французских гербовников несколько затруднительно говорить об архаизме либо другом специфическом отличии французского блазона XIII в. от английского. Однако текст «Турнира в Шованси» пока лишь подтвердил сделанные ранее выводы. Французский блазон выглядит более архаичным, описательным и некодифицированным по сравнению с английским. С другой стороны, если

³⁰⁰ *Brault G.J. Eight Thirteenth... P. 78.*

³⁰¹ *Ibid. P. 51.*

рассматривать отдельно традицию описания турниров и празднеств в романах, начатую Кретьеном де Труа и фактически оконченную Жаком Бретелем, мы видим, что сторонний интерес к геральдике авторов (а значит и их аудитории) только возрос, и в ответ на эту потребность был пройден непростой путь от индивидуальных попыток автора самому разобраться в геральдике до возможности «спросить у герольда» и записать с его слов.

§ 2.2. Песнь об осаде Кэрлаверока, 1310 г.

Появление в 1310 (?) г. Песни об Осаде Кэрлаверока, поэмы восхваляющей достоинства участников осады шотландского замка Кэрлаверок войском Эдуарда I, стало закономерным этапом развития геральдической литературы. Поэма, в сущности художественное произведение, исключила любое прочее повествование и фактически сконцентрировалась на передаче гербов. Поэтому ее, как правило, включают в список ранних гербовников, как и «Турнир в Шованси». Имеет смысл рассмотреть ее отдельно, теперь уже противопоставив ее блазонным гербовникам и расположив в одном ряду с нарративными источниками, т.е. романами, т.к. жанр, в котором она выполнена, накладывает на нее определенные ограничения. Важно также и то, что, как и во всех предыдущих случаях, текст сохранился в оригинале.

Рассматривая Песнь как гербовник и сравнивая ее с другими блазонными гербовниками XIII в., принято заключать, что блазоны представленные в ней не всегда верные, что вариативность использования терминов высокая и часто точность формулировок уступает поэтике и стихотворному размеру. Автор более чем в половине случаев не пользуется геральдической терминологией, иногда даже добавляя новые эпитеты. Типичная для геральдической фразы грамматика часто нарушается, однако это может быть связано с тем, что текст создавался в первую очередь как

литературное произведение³⁰². Главным доказательством в пользу такого взгляда, как правило, приводится вариативность терминов цвета, которые в Песни действительно крайне разнообразны. Избыточны настолько, что кажутся намеренными: помимо привычных пар *argent-blanc*, *sable-noir* встречаются варианты *or-jaune-safrin*, *azur-bleu-inde*, *goules-vermeile-rouge*. Однако их равномерное распределение в тексте говорит не о незнании автором терминологии, а скорее о намеренном привнесении этого в текст.

Один из первых блазонов Песни, который часто приводится в доказательство неустановленности блазона из-за использования *safrin* для обозначения золотой тинктуры, таков:

Baner out de un cendal safrin
O un lioun rampant purpin.
(Henris de Nicole, 42–43³⁰³)

Это действительно может показаться странным и ощутимым нарушением, учитывая что золотая тинктура – самая устойчивая из всех, и практически не показывающая вариаций более нигде³⁰⁴. Однако в этом примере важно обратить внимание на другое – блазонная конструкция составлена верно – она представлена неделимой фразой с правильным порядком слов. Однако *purpin* – сложное слово для рифмы возможно повлияло на замену термина тинктуры. Таких примеров достаточно много для того чтобы говорить о понимании автором важности блазонной грамматики, ему удастся выстраивать их и без изменения в тинктурах:

I vi o baniere barree
De or et de goules bien paree
(Brian le FitzAlayn, 355–356)

³⁰² *Brault G. Early Blazon...* P. 17.

³⁰³ Нумерация строк соответствует изданию Бролта и Райта.

³⁰⁴ *Рыжова Д.С. Металлы...* [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1>

Стоит отметить, что довольно часто автору удается вписать всю конструкцию в одну строку, сохраняя верный порядок слов:

De or fyn o la dance de sable

(Guillames li Vavasours, 86)

De or e de asur eschequeré

(Johans de Warenne, 152)

Jaune o un bleu lyon rampant

(Henri de Perci, 158)

Такой подрядок, конечно, соблюдается не всегда, автор Песни спокойнее относится к порядку слов, но все же старается сохранять конструкцию. В этом примере местами поменяны цвет поля и фигуры, основная же часть, тем не менее, сложена одним целостным фрагментом:

La bende de or engreellie

Portoit en la rouge baniere

(Guillemes Marescaus, 47–48)

Встречаются примеры, где порядок слов изменен весьма значительно, но безукоризненно использованы все термины:

O un lyon de argent en sable

rampant e de or fin couronné

(Mareschaus, 128–129)

Имеются и многие другие. Не по этим ли примерам стоит судить о знании автора о правилах блазонах и умении ими пользоваться.

Важно обратить внимание и на наиболее спорные и сложные моменты блазонирования, а именно на поперечные деления, трудности с которыми возникали не только у авторов предыдущих произведений, но и у авторов гербовников. Стоит отметить, что автор не путает пояса с перевязью, *pale* встречается единожды в главе, этот пример будет рассмотрен отдельно далее.

В большинстве случаев присутствует однозначное разделение, когда один пояс обозначается *fess*, а много поясов – *barr*.

O deus fesses de vair levoit

La baniere ke rouge avoit

(Hue de Mortimer, 393–394)

Горизонтальные деления представлены как *baree*, так и *trois barres*.

Есть однако интересное замечание, что в гербе Генри де Грея *baree* состоит из 6 частей:

De sis pecys la vous mesur

baree de argent et de asur

(Henri de Grai, 65–66)

А в следующем за ним (через одного) гербе Томаса Мултона три *barres*

De argent o treis barres de goullys

(Thomas de Moulton, 75)

Далее в тексте присутствует блазон Хью Пуана, где также указывается количество делений в горизонтальном сечении:

Estoit berree de uit (?) poinz

D or e de goules ovelement.

(Hue Poinz, 204–205)

Пример мог бы считаться показательным и довольно очевидным доказательством наличия разделения способов блазонирования горизонтальных сечений, существующих в современной геральдике, где нечетное количество пересечений блазонируется через отдельные фигуры *barres* (в русской традиции «пояса»), а четное – через причастие *barre* (в русской традиции «многократно пересечен»). Если бы не свидетельство Дж. Бролта о том, что в оригинальном тексте манускрита из Британской библиотеки в данном примере число 9 («viiij»), что также указано и в издании Райта, однако другие копии и, очевидно, здравый смысл самого издателя заставляют его верить в то, что их число равно 8 («viij»), что он и

приводит в своем издании³⁰⁵. Несмотря на то, что этот факт критически важен для понимания двух разных способов блазонирования горизонтальных делений щита, неизвестно, чему стоит верить – оригиналу, ломающему логику, или более поздней копии, логику сохраняющей. Учитывая приведенные ранее примеры и отсутствие других доказательств существования в XIII в. четких правил касательно этой проблемы, уверенность Дж. Бролта, в том, что их именно 8 кажется необоснованной.

Следующий пример также только запутывает дело, так как в гербе Браяна ФитцАллана пересечений «столько же, как и Хью Пуана»:

*I vi o baniere **barree***
De or et de goules bien paree
Don't de chalgne estoit li poinz
Par entre li e Hue Poinz
Ki portoit tel ne plus ne meins
Don't merueille avoit meinte e meins.
(Brian le FitzAlayn, 355–358)

Используются оба варианта *bende* и *bastoun*, разницу установить сложно. Многократное диагональное деление также отсутствует.

Еще один пример, на который имеет смысл обратить внимание – это герб Роджера Мортимера:

L'escu barre au chief pale
E les cornieres gyronnees
De or e de asur enluminees
O le escuchon vuidie de ermine
(Rogiers de Mortemer, 438–441)

Особенность этого блазона заключается в кайме с чередующимся сечением, которое всегда располагается перпендикулярно щитку в центре. Герб Мортимеров встречается часто в других гербовниках, поэтому для того,

³⁰⁵ *Brault G J. Eight Thirteenth Century Rolls... P. 106.*

чтобы проиллюстрировать, как с этим гербом справился автор Песни, приведем пример из других источников.

C102: Roger Mortymer, barré d'or et d'asur al chef pale al chantel geroné a un escochon d'argent;

D97: Munsire Roger de Mortimer, l'escu pale, barré et gerouné d'or et de azur od un escuchun d'argent.

Речь автора бесспорно витиевата и чем-то напоминает именно французские гербовники с их описательным блазоном, который можно противопоставить «сухому» английскому, что не противоречит сделанным ранее выводам о языке и национальной принадлежности автора оригинального текста. Но необходимо признать, что автор хорошо знаком с геральдической терминологией, пользуется ею во всех случаях, кроме тинктур, ни разу не прибегает к синонимам, даже соблюдает некоторые, уже, очевидно, ставшие различимыми закономерности *fess-barr*.

Автор практически не допускает ошибок, за исключением разве что термина *mascle* («просечной ромб»), который он использует везде вместо *lozenge* («ромб»), что в итоге приводит его к использованию *mascles voidies*:

De armes vermeilles ben armés

O mascles de or del champ voidiés.

(Guillemes de Ferieres, 470–471),

где *voidies* также является уникальным термином, не встречавшимся нам ранее ни в одном из рассмотренных источников.

Геральдический вокабуляр автора обширен, что видно из Приложения 2. Если ранее фиксированный порядок слов был необходим для того, чтобы понять, что перед нами блазон в условиях наличия непонятной лексики, то теперь эти термины настолько привычны и понятны, что даже если грамматика разбивается, сомнений не остается, что это именно блазон.

Дополнительно следует отметить, что рифма практически везде такова, что термины рифмуются с предыдущими или последующими строками,

избавляя таким образом автора от необходимости рифмовать блазонные термины друг с другом, что облегчает написание. Ему удается даже справиться с красной тинктурой, вызывавшей так много затруднений у предшественников, хотя она также встречается в конце строки всего один раз:

De argent o treis barras de goullys

Ses armes ne furent par soules

(Thomas de Moultonne, 75–76)

Блазонная грамматическая конструкция присутствует и не нарушается. А способы рифмовки свидетельствуют о понимании автором возможности замены терминов на синонимы.

Более того, сравнив Песнь не с гербовниками, но с перечисленными выше романами, становится очевидным продолжение последовательного развития проникновения блазона в литературу. Песнь гармонично продолжает череду литературных произведений, авторы которых учились пользоваться геральдикой и блазоном для достижения своих литературных целей. Подобно тому как гербовник Герольдов смог отбросить текст и уместить повествование в изображениях гербов, Песнь об Осаде Кэрлаверока сузила свое повествование до их описаний.

Заключение

Долгий XII в. был богат на события периодом в истории Западной Европы, недаром прозванным «маленьким ренессансом»: крестовые походы и епископские споры, рыцарские турниры и новые литературные жанры, развитие экономики и появление королевских канцелярий. Все эти события известны нам благодаря обилию нарративных источников, стремившихся в деловой или развлекательной форме запечатлеть происходящее вокруг автора – средневекового человека. Однако все, что мы знаем о геральдике этого периода – это то, что она появилась и развивалась в это же время, но как будто отдельно, не пересекаясь со всеми этими явлениями, выпав из общего исторического процесса. Трудно сказать, что именно из перечисленных в данной работе причин стало основным препятствием для ее документации, но все же известно, что она нашла свое место в умах людей XII в. Тщательный историко-лингвистический анализ текстов стал тем инструментом, который позволил пусть и фрагментарно, но проникнуть в сознание средневековых авторов и отыскать там крупинки геральдического знания.

Последовательный анализ литературных произведений, предшествующих и современных ранним гербовникам помог выстроить эволюционную цепочку развития блазона, а также отчасти представить сферу его распространения (а вместе с ним и технических геральдических знаний) среди грамотных людей Средневековья. Несмотря на то, что данная работа была ограничена в выборе текстов для анализа, изучение четырех выбранных для исследования показывает, что разработанный метод является адекватным инструментом исследования исторических реалий и позволяет гармонично представить исследуемый объект в его развитии. Данные, полученные из гербовников, которые, как предполагается, были созданы профессионалами, и литературных произведений не противоречат, но скорее дополняют друг друга.

Последние исследования поставили принципиально остро вопрос авторства гербовников, а именно – были ли герольды, как носители геральдического знания, авторами геральдической литературы. Суть проблемы в том, что герольды XIII в., вероятно, еще неграмотные, стоящие в одном ряду с танцорами, акробатами и менестрелями, не были в состоянии создать текст сами, невзирая на то, что владели мастерством блазона. В данной работе было показано, что геральдическая осведомленность сторонних людей была распространена намного шире, чем считалось ранее, это специальное знание привлекало людей грамотных, и рассмотренные в данной работе источники от Кретьена де Труа до Песни об Осаде Кэрлаверока являются ярким тому подтверждением.

Историко-лингвистический анализ позволил создать рабочую модель развития геральдики как специального знания и блазона как специального языка для его вербализации, несущую существенные уточнения в хронологии развития средневековой геральдики, представленную ранее М. Пастуро в виде деления его монументальной монографии на главы. Так, он выделил Период появления геральдики (1125-1175 гг.), Период распространения геральдики в среде знати (1180-1230 гг.), Период распространения геральдики на все социальные слои общества (1230-1330 гг.), Время герольдов (1320-1560 гг.) и далее – Современную геральдику.

Исследователь геральдической терминологии Д'А. Болтон также предложил разделить её на пять этапов: Период исключительно литературных источников (1170-1250гг.) – это период от появления гербов и первых упоминаний герольдов в письменных источниках до появления первых гербовников; Период блазонных гербовников (1250-1330 гг.), окончание которого обусловлено появлением документов о присвоении гербов и приблизительной датой составления первого геральдического трактата; Период рукописных геральдических текстов (1330-ок. 1560 гг.);

Период печатных геральдических изданий и антикварной эрудиции (1560-1870 гг.); Период научной эрудиции (с 1560 г.)³⁰⁶.

Нетрудно заметить, что во многом эти две предложенные хронологии развития исторической геральдики похожи и перекликаются. Деление М. Пастуро более условно и основано скорее на социальных изменениях, тогда как хронология Д'А. Болтона базируется на изменениях в источниковой базе. Тем не менее, обойтись без подобной хронологии невозможно для написания любого общего труда по геральдике, так как ее история представляет проблему настолько комплексную, что производить исследование всего предмета в целом невозможно и безусловно требует деления ее на соответствующие периоды.

Таким образом, проведенное исследование делает возможными некоторые уточнения к приведенным хронологиям геральдики и блазона, основным критерием для которой является доступность геральдического знания для понимания и воспроизведения:

до 1150 г. – период развития идентификационных систем, основанных на визуальном восприятии, основной различительной чертой которых являлся цвет или сочетание цветов: знамена и флаги, цветное вооружение и т.п., которое к концу периода оформилось в унифицированную и единую для всей Европы систему знаков – гербов;

1150–1190 гг. – развитие графической части блазона, ее дальнейшая унификация и распространение знаний о геральдической системе за пределы рыцарских турниров, первые попытки представить блазон как вербальный эквивалент герба в нарративе;

1190–1230 гг. – широкое распространение интереса к геральдике и блазону, представленное целым рядом более и менее удачных попыток представления работы герольдов в текстах, причем не единичных блазонов, но уже целых «гербовников»;

³⁰⁶ Boulton D'A.J.D. Op.cit. P. 18-19.

1230–1255 гг. – распространение интереса к геральдике, а вместе с ним и интереса к блазону достигают такой широкой аудитории, что предпринимаются попытки включения гербов, как в изобразительном, так и в блазонном виде в хроникальный нарратив (Большая хроника Матвея Парижского), предпринимаются попытки перевода блазона на латинский язык, основной язык средневековой науки и международной коммуникации;

с 1255 г. и далее – появление первых гербовников как специальных геральдических документов, говорящих о том, что и само специальное знание и способы его вербализации уже завершили процесс становления, были полностью восприняты обществом и не просто нуждались, но требовали документирования. Резкое увеличение количества гербовников после 1255 г. говорит и об успешном принятии такого рода документов средневековым обществом и возрастанию спроса на них.

Общее число терминов, используемых в блазоне XII в. равно примерно 200. Эти термины составляют основу современного блазонного вокабуляра, насчитывающего их, по оценкам современных исследователей, около 500. Это говорит о том, что основная, самая используемая часть геральдических элементов сложилась уже к концу XIII в., а за все последующие девять столетий увеличила свою лексическую наменклатуру всего в 2,5 раза. Грамматика же блазонной фразы практически не претерпела изменений.

Остановившись более подробно на первом периоде, можно заключить, что в ходе данной работы удалось проследить использование некоторой цветовой идентификационной протосистемы, очевидно, предшествующей возникновению геральдических фигур на щитах и предвещающей появление гербов. Последовательное усложнение использования цветочных маркеров (знамен, флагов или цвета всего вооружения в целом) привело к соединению двух и более цветов, появлению определенных узоров с их сочетанием: вертикальное чередование, горизонтальное чередование, и т.д., шахматный или узор «белка». Источники предлагают достаточное количество оснований предполагать, что именно подобная цветочная метка, располагавшаяся не

только на знамени, но и на щите, конской попоне, шлеме и других элементах и получила название *connaissance*. Таким образом, изначальными и первичными геральдическими элементами стали не фигуры, но **тинктуры и деления**.

Безусловно данное исследование лишь наметило метод дальнейшей работы на основании нарративных источников по реперным точкам, которые представляют наиболее значимые и полные произведения средневековой литературы на французском языке. Необходима дальнейшая работа с текстами в поисках подтверждения выстроенной линии развития блазона, его восприятия широкими массами, поиски блазонов или их фрагментов, подражаний и т.п. Добавление в выстроенную хронологию бóльшего количества примеров позволит подтвердить, уточнить или опровергнуть ее. К тому же сбор данных, полученных с помощью историко-лингвистического метода возможно и необходимо продолжать не только в диахроническом (рассматривая нарративы последующий эпох), но и в синхроническом разрезе, привлекая к исследованию нарративы на других языках.

Как показала данная работа, современный уровень знания в целом и развития исторической науки в частности способен давать ответы на куда более сложные и точно поставленные вопросы в области изучения проблем исторической геральдики, сломав преграду малого количества доступных для изучения источников. Одним из главных методов современного гербоведа должен стать исторический подход к проблеме существования гербов. Исследователям необходимо исходить из того, что геральдика – это не только способ атрибутирования предметов и восстановления генеалогии, но сложная и в то же время интересная и перспективная область исследования с точки зрения разных дисциплин, ключ ко многим социокультурным аспектам истории Европы.

Для дальнейшего развития исследования в столь сложных и комплексных вопросах как вопрос о генезисе геральдики и раннем этапе ее развития, необходимо не только привлекать новые виды источников и

рассматривать их в комплексе, но и разрабатывать новые методы работы с ними, пользуясь методологией смежных дисциплин.

Библиография

Источники:

1. *Adam-Even P.* Rôle d'armes de l'ost de Flandre. *Archivum Heraldicum*, 1959, 73. P. 2-7.
2. *Adam-Even P.* Un armorial français au milieu du XIII siècle: le rôle d'armes Bigot. 1254 // *Archives Héraldiques Suisses*, 1949.
3. *Adam-Even P., Jéquier L.* Un armorial français du XIIIe siècle : l'armorial Wijnberghen // *Archives Héraldiques Suisses*, 1951. P. 49-62.
4. *Armytage G.J.* Ancient Rolls of Arms of the Reigns of Henry III and Edward III. London: John Russle Smith, 1868.
5. *Benoît de Sainte-More.* Le Roman de Troie. Publ. par L. Constans. Paris: Firmin Didot et Cie, 1904.
6. *Brault G.J.* Eight Thirteenth Century Rolls of Arms in French and Anglo-Norman Blazon. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1973. P. 16–30.
7. *Brault G.J.* Rolls of Arms: Edward I (1272–1307). 2 vols. *Aspilogia III*. Woodbridge, Suffolk: The Boydell Press for the Society of Antiquaries of London, 1977.
8. *Howlett R.* Chronicles of the reigns of Stephen, Henry II, and Richard I. London, 1884.
9. *Bretel J.* Les tournois de Chauvency donnés vers la fin du XIIIe siècle. Ed. par Ph. & H. Delmotte. Valenciennes, 1835.
10. *Bretel J.* Le tournoi de Chauvency. Ed. M. Delbouille. Liège: H. Vaillant-Carmanne; Paris: E. Droz, 1932.
11. *Bretex ou Bretiaus J.* Le tournoi de Chauvency, publ. par Gaëtan Hecq. Vol. 1–2. Mons: Dequesne-Masquillier, 1898.
12. *Chanson de Guillaume*, édité par Duncan McMillan, Paris: Picard, 1949.
13. *Chanson de Roland*. Ed. Gérard Moignet, Paris, Bordas, 1972.

14. *Cretien de Troyes*. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Français 794.
15. *Florentii Wigorniensis*. Chronicon ex chronicis, ab adventu Hengesti et Horsi in Britanniam usque ad annum MCXVII, cui accesserunt continuationes duae quarum una ad annum MCXLI, altera, nunc primum typis vulgata ad annum MCCXCV perducta. Vol. II. Londini, Sumptibus societatis, 1848.
16. *Froissart Jean*. Chronicles. Ed G.T. Diller. Geneva and Paris: Droz, 1972.
17. *Fulcheri Carnotensis*. Historia Hierosolymetana (1095–1127); mit Erläuterungen und einem Anhang, hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913.
18. *Greenstreet J*. Falkirk Roll: [Thevet's version] // Jewitt's Reliquary. Vol. XV, 1875.
19. Oeuvres de Gautier d'Arras. Ille et Galeron. Paris: E. Bouillon, 1890. Tome second.
20. La chanson des Saxons par Jean Bodel. Publiée pour la première fois par Francisque Michel. Paris: J. Téchener, 1839.
21. Le Roman de Thèbes. Ed. L. Constance. Paris: F. Didot, 1845.
22. Le Torneiment Anticrist by Huon de Méri: a critical edition by Margaret O. Bender. University, Romance Monographs (Romance Monographs, 17), 1976.
23. Le tornoiement de l'Antechrist par Huon de Mery (Sur Seine), éd. P. Tarbé. Reims, Regnier (Collection des poètes de Champagne antérieurs au XVIe siècle, 12), 1851.
24. Les Romans de Crétien de Troyes édité d'après la copie de Guiot. Paris: Champion, 2 vol. 1973.
25. Li tornoiement Antecrit von Huon de Mery nach den Handschriften zu Paris, London und Oxford neu herausgegeben von Georg Wimmer, Marburg, Elwert (Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie, 76), 1888.

26. *London H.S., Tremlett T.D.* Rolls of Arms of Henry III (Aspilogia II) London: University Press, 1967.
27. *Maistre Wace's Roman de Rou et des ducs de Normandie.* Ed. H. Andersen. Heilbronn, Gebr. Henninger, 1879.
28. *Nicholas N.H.* Rolls of arms of the reigns of Henry III, and Edward III. London: William Pickering, 1829.
29. *Nicholas N.H.* The Siege of Caerlaverock, in the XXVIII Edward I, A.D. MCCC. London: J.B. Nichols and son, 1828.
30. *Nussard R.* Le Rôle d'Armes Bigot. Documents d'héraldique médiéval (2). Paris: Le Léopard d'Or, 1985.
31. *Prinet M.* «Armorial de France composé à la fin du XIIIe siècle ou au commencement du XIVe // Le Moyen Age, 31. 1934.
32. *Tanner N.* Decrees of the Ecumenical Councils. Vol. 1: Nicaea to Lateran V. Georgetown, 1990.
33. *Le roman de Tristan par Thomas: poème du XIIe siècle.* Pub. par Josef Bedier. Paris: Firmin Didot et cie., 1905. Tome second.
34. *Walford W.S.* A Roll of Arms of the Thirteenth Century // *Archaeologia*. T. XXXIX. 1864. P. 373–387.
35. *Wright T.* The Roll of Arms of the Princes, Barons and Knights who Attended King Edward I to the Siege of Caerlaverock, in 1300. London: John Camden Hotten, 1864.
36. *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина / Послеслов. А.Д. Михайлова. (Литературные памятники). М.: Наука, 1984.
37. *Кретьен де Труа.* Персеваль, или повесть о Граале / пер. со старофранцуз., ст., прим. Н. В. Забабурова, А. Н. Триандафилиди. Ростов-н/Д, 2012.

Литература:

38. *Adam P.* Les usages héraldiques au milieu du XIIe siècle d'après le Roman de Troie de Benoit de Sainte Maure et la littérature contemporaine // *Archivum heraldicum*. 1963.
39. *Ailes A.* The Knight, Heraldry & Armour: The role of Recognition & the Origins of Heraldry // *Medieval Knighthood IV: papers from the Fifth Strawberry Hill Conference 1990*. Woodbridge: Boydell, 1992.
40. *Barker J.* The Tournament in England, 1100–1400. Woodbridge, 1986.
41. *Barstow A.M.* A Lexicographical Study of Heraldic Terms in Anglo-Norman Rolls of Arms 1300–1350. University of Pennsylvania PhD thesis, 1970.
42. *Bedos-Rezak B.* "Ego, Ordo, Communitas. Seals and the Medieval Semiotics of Personality (1200–1350)," *Die Bildlichkeit korporativer Siegel im Mittelalter. Kunstgeschichte und Geschichte im Gespräch*, ed. Markus Späth (Cologne, 2009). P. 47-64.
43. *Bedos-Rezak B.* When Ego was Imago. Signs of Identity in the Middle Ages. Leiden: Brill, 2011.
44. *Bedos-Rezak B.* "L'apparition des armoiries sur les sceaux en Ile-de-France et en Picardie (1130–1230)," *2e Colloque de l'Académie internationale d'Héraldique: L'origine des armoiries [Bressanone, 1981], Actes*, eds. H. Pinoteau, M. Pastoureau, M. Popoff. Paris, 1983. P. 23-41.
45. *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1969.
46. *Blanchard Ch.* «Pour ce qu'il s'agit de parler à moi d'armes et chevalerie»: hérauts et héraldique dans le Tournoi de Chauvency // *Lettres et musique en Lorraine du XIIIe au XVe siècle: Autor de Tournoi de Chauvency*. Metz: Arsenal, 2007.
47. *Bloch R.* Étymologie et généalogie: theories de la langue, liens de parenté et genre littéraire au XIIIe siècle // *Annales ESC*. 36 année No. 5, sept-oct. 1981.

48. *Boulton D'A.J.D.* Advanced Heraldic Studies: An Introduction. Part II. The Terminology of the Field: Its Nature, History and Inadequacies. *Alta Studia Heraldica*, 2010.
49. *Bouly de Lesdain L.* Études héraldiques sur le XIIe siècle // *Annuaire du Conseil héraldique de France*. Paris: Conseil héraldique de France, 1907. P. 185-244.
50. *Boutell C.* A manual to Heraldry: Historical and Popular. London, 1863.
51. *Boutell C.* English Heraldry. London and New York, 1867.
52. *Brault G.J.* Early Blazon: heraldic terminology in the twelfth and thirteenth centuries with special reference to Arthurian literature. Oxford, 1972.
53. *Brault G.J.* Styles of Verbal Blazon in the Reign of Edward I // *Studies in Honor of Hans-Erich Keller: Medieval French and Occitan Literature and Romance Linguistics*. Michigan: Medieval Institute Publications, 1993.
54. *Brault G.J.* The Emergence of the Heraldic Phrase in the Thirteenth Century // *Coat of Arms*, no. 61, January, 1965.
55. *Brault G.J.* Literary uses of heraldry in the twelfth and thirteenth centuries. // *The Court reconvenes. Courtly literature across the disciplines. Report of the 3rd Triennial Congress on Courtly Life*, 1998. Cambridge, 2003. P. 15-26.
56. *Brault G.J.* Styles of Verbal Blazon in the Reign of Edward I. // *Medieval French and Occitan Literature and Romance Linguistics*. Ed. by R. Pickins. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1993. P. 489-505.
57. *Brault G.J.* The of Heraldic Term Cotice 'Narrow Bend' // *Romania*, Vol. 87, No. 345 (1). Librairie Droz, 1966. P. 98-115.
58. *Busby K.* Plagiarism and Poetry in the "Tournoiement Antéchrist" of Huon de Méry // *Neuphilologische Mitteilungen*. Vol. 84, No. 4. Modern Language Society, 1983.
59. *Chase G.H.* The Shield Devices of the Greeks // *Harvard Studies in Classical Philology* – 1902. Vol. 13.

60. *Clemmensen St.* Le Tournoi de Chauvency. Farum, Denmark, 2007. [Электронный ресурс]. Доступ для незарегистрированных пользователей. URL: <http://armorial.dk/tournaments/Chauvency.pdf> (дата обращения 27.08.2019)
61. *Crouch D.* The Birth of Nobility: Constructing Aristocracy in England and France: 900-1300. Pearson Education, 2005.
62. *Denholm-Young N.* History and Heraldry: 1254 to 1310. Oxford: Clarendon Press, 1965.
63. *Duby G.* Structure de parenté et noblesse dans la France du Nord aux XI et XII siècles // Hommes et structures du Moyen Age. Paris, 1973.
64. *Fox-Davis A.* A Complete Guide to Heraldry. London, Edinburgh: T.C. & E.C. Jack, 1909.
65. *Frappier J.* Etude sur Yvain ou le Chevalier au lion de Cretien de Troyes. Paris: Société d'édition d'enseignement supérieur, 1969.
66. *Georgi D.* Language Made Visible: The Invention of French in England after the Norman Conquest Charleston: Proquest, Umi Dissertation Publishing, 2011.
67. *Gough H.* A Glossary of Terms Used in British Heraldry. Oxford, 1847.
68. *Gough H.* Scotland in 1298: documents relating to the campaign of the king Edward the First in that year and especially to the battle of Falkirk. London, 1888.
69. *Gras P.* Aux origines de l'héraldique. a décoration des boucliers au début du XIIIe siècle, d'après la Bible de Cîteaux // Bibliothèque de l'École des chartes, 109-2. 1951. P. 198-208.
70. *Guillim J.* A Display of Heraldry. London, 1611.
71. *Haskins Ch.H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cleveland and New York: Meridian Books, 1957.
72. *Hiltmann T.* Heralds are not heraldry, heraldry not heralds: On the benefits of clear distinctions //Heraldica Nova: Medieval and Early Modern Heraldry

from the Perspective of Cultural History [Электронный ресурс] URL: <https://heraldica.hypotheses.org/766> (дата обращения: 13.11.2018).

73. *Hiltmann T.* The Emergence of the word Heraldry in the seventeenth Century and the roots of a misconception // *Coat of arms*. 3rd ser. 11, 2015. P. 107-116.

74. *Hiltmann T.* Arms and Art in the Middle Ages. Approaching the Social and Cultural Impact of Heraldry by its Artisans and Artists // *Heraldic Artists and Painters in the Middle Ages*. Eds. T. Hiltmann, L. Hablot. Ostfildern, 2017.

75. *Hunt T.* Chrestien de Troyes: The textual Problem // *The Manuscripts of Chrétien de Troyes*. Vol. 1. Amsterdam: Rodopi, 1993.

76. *Jones R.W.* Bloodied Banners Military Display on the Medieval Battlefield. Boydell Press, 2010.

77. *Johns R.* Identifying the Warrior on the Pre-Heraldic Battlefield // *Anglo-Norman Studies*. Cambridge: Boydell & Brewer, 2008. P. 154-167.

78. *London H.S., Adam-Even P.* Hamaide or humet. // *The Antiquaries Journal*. Volume 32, Issue 1-2 April 1952. P. 52-64.

79. *Keen M.* Nobles, knights and men-at-arms in Middle Ages. Hambledon Continuum, 1996.

80. *Marchand J.* L'art heraldique d'après la littérature du Moyen Age. Ses origines: la Chanson de Roland // *Le Moyen Age*, XLVII, 1937. P. 37-43.

81. *Mathieu R.* Le système héraldique français. Paris, 1946.

82. *Mcdonald W.C.* «The Crown Endures: Concerning Heraldry as Narrative Discourse in the 'Erec' of Hartmann Von Aue // *Colloquia Germanica*, vol. 33, no. 4, 2000. P. 317-332.

83. *Menestrier C.-F.* Le véritable art du blason et l'origine des armoiries. Paris, 1680.

84. *Ménestrier Cl.-Fr.* Origines des armoiries. Paris, 1680.

85. *Menger L.E.* Anglo-Norman dialect. A Manual of its Phonology and Morphology New York: Columbia University Press, 1904.

86. *Millington E.J.* Heraldry in History, Poetry, and Romance. London, 1858.

87. *Nisbet A.* A system of heraldry, speculative and practical, with the true art of blazon, according to the most approved heralds in Europe V. 1–2. Edinburgh: W. Blackwood, 1816.
88. *Nixon T.* The Catalogue of Manuscripts // The Manuscripts of Chrétien de Troyes. Vol. 1. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 1-85.
89. *Nixon T.* The Catalogue of Manuscripts // The Manuscripts of Chrétien de Troyes. Vol. 2. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 27-31.
90. *Pastaureau M.* Le bestiaire héraldique au Moyen Age // Revue française d'héraldique et de sigilligraphie. 1972.
91. *Pastoureau M.* Les armoiries arthuriennes // The Manuscripts of Chrétien de Troyes. Vol. 2. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 245-262.
92. *Pastoureau M.* L'apparition des armoiries en Occident. État du problème // Bibliothèque de l'École des chartes. 1976. T. 134. P. 281-300.
93. *Pastoureau M.* Noir: Histoire d'une couleur. Paris: Seuil, 2011.
94. *Pastoureau M.* Traité d'héraldique. Paris: Picard, 1993.
95. *Pastoureau M.* Origine, apparition et diffusion des armoiries: essai de bibliographie // Iie Colloque international d'héraldique, Bressanone/Brixen, 5-9.X.1981. Paris, 1983. P. 97-104.
96. *Pastoureau M.* Armorial des chevaliers de la Table Ronde - Etude sur l'héraldique imaginaire à la fin du Moyen Age. Le Léopard d'or, 2006.
97. *Pinoteau H.* Les Origines des Armoiries. // Iie Colloque international d'héraldique, Bressanone/Brixen, 5-9.X.1981. Paris, 1983. P. 2-14.
98. *Popoff M.* Apparition et diffusion des armoiries: l'exemple du Ponthieu (1100-1270). // Iie Colloque international d'héraldique, Bressanone/Brixen, 5-9.X.1981. Paris, 1983. P. 107-115.
99. *Powicke M.* The Thirteenth Century: 1216-1307. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998.
100. *Prestwich M.* Edward I. Yale University Press, 2008.
101. *Prestwich M.* English Politics in the Thirteenth Century. Macmillan International Higher Education, 1990.

102. *Prestwich M.* Plantagenet England, 1225–1360. Clarendon Press, 2005.
103. *Prinet M.* Le langage héraldique dans le Tournoiement Antéchrist // Bibliothèque de l'École des chartes. Tome 83. 1922. P. 43-55.
104. *Prinet M.* Les armoiries des Français dans le poème du siège de Carlaverock // Bibliothèque de l'École des Chartes. Vol. 92. 1931. P. 345-353.
105. *Regalado N.F.* Picturing the Story of Chivalry in Jacques Bretel's Tournoi de Chauvency (Oxford, Bodleian MS Douce 308 [Metz ca. 1312]) // Tributes to Jonathan J.G. Alexander. London: Harvey Miller, 2006.
106. *Reid T.B.W.* Chrétien de Troyes and the scribe Guiot // *Medium Ævum*. Vol. 45, No. 1, 1976. P. 1-19.
107. *Thiele H.* Heraldry and Blazon. A graphic-based information language // *Library Trends*. Vol. 38. 1990. P. 717-736.
108. *Trotter D.* Deinz certains boundes: Where does Anglo-Norman begin and end? // *Romance Philology*. Vol. 67, Issue 1. Brepols Publishers, 2013. P. 139-177.
109. *Vaughan R.* Mathew Paris. Cambridge, 1958.
110. *Vising J.* Étude sur le dialecte Anglo-Normand du XIIe siècle. Dissertation présentée à la faculté des lettres d'Upsala. Upsala, 1882.
111. *Wagner A.* A catalogue of English mediaeval rolls of arms (CEMRA) (Aspilogia I). London: Society of Antiquaries, 1950.
112. *Wagner A.* Heralds and heraldy in the middle ages. London: OUP, 1956.
113. *Wandhoff H.* The Shield as a Poetic Screen: Early Blazon and the Visualization of Medieval German Literature // *Visual Culture and the German Middle Ages*. New York: Palgrave, 2005. P. 53-71.
114. *Wandhoff H.* Der Schild als Bild-Schirm. Die Anfänge der Heraldik und die Visualisierung der Literatur im 13. und 14. Jahrhundert. // *Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses, Wien 2000 «Zetenwende – Die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert»*. Peter Lang, 2000. S. 76-81.

115. *Willems H., Conan J-Y.* Armorial Francais ou Repertoire alphabetique de tous le blasons et notices de l'Armorial Général de France de Charles d'Hozier. 1963.
116. *Антонов В.А.* Воображаемые и приписываемые гербы в свете умозрения Средневековья // *Signum*. Вып. 8. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 87-113.
117. *Антонов В.А.* Датская геральдика XII–XVII веков. М.: Наука, 2008.
118. *Антонов В.А.* Становление родовых гербов королевских и княжеских семейств Западной Европы // *Signum*. Вып. 10. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 18-65.
119. *Бартелеми Д.* Рыцарство: От древней Германии до Франции XII в. С-Пб.: Евразия, 2014.
120. *Бедос-Резак Б.М.* Средневековая идентичность: знак и понятие [пер. с англ. Д.В. Байдужа] // *Signum*. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 5. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 19-93.
121. *Бойцов М.А.* Вексиллологические традиции средневековой Европы // *Signum*. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 5. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 14-75.
122. *Горелов М.М.* Геральдика в британском обществе в историографии XX века // *Signum* Вып. 6. М.: ИВИ РАН, 2011.
123. *Долгорукова Н.* Сафо средневековья. Мария Французская. Круг чтения и литературные принципы автора XII века. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
124. *Лучицкая С.И.* Воображаемая геральдика сарацин: цвета и фигуры // *Signum*. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 5. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 117-129.
125. *Лучицкая С.И.* Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. С.-Пб.: Алетейа, 2001.
126. *Лучицкая С.И.* Крестовые походы: идея и реальность. М.: Наука, 2019.
127. *Менан Ф., Мартен Э., Мердриньяк Б., Шовен М.* Капетинги. История династии (987-1328). С.-Пб.: Евразия-Клио, 2017.

128. *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман. Москва: Наука, 1976.
129. *Пастуро М.* Геральдика. Москва, 2003.
130. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья, М.: Александрия, 2012.
131. *Ткаченко А.А.* О чем спорили клюнийцы и цистерцианцы? Социокультурное значение цвета одежд средневековых монахов // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2010. Вып. 71. № 1-2. С. 166-196.
132. *Рыжова Д.С.* О языке английских гербовников XIII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2017. Вып. 78. № 1-2. С. 31-40.
133. *Рыжова Д.С.* Влияние церковного запрета турниров на развитие геральдики в XII–XIII вв. // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 88-91.
134. *Рыжова Д.С.* Гербовник как инструмент политического влияния в эпоху Эдуарда I // Signum. Вып. 9. (Отв. ред. А.П. Черных). М.: ИВИ РАН, 2017. С. 31-45.
135. *Рыжова Д.С.* Металлы во французской и англо-нормандской геральдической лексике XII–XIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1> (дата обращения: 11.10.2016).
136. Словарь старофранцузского языка. М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1955.
137. *Староскольская (Рыжова) Д.С.* Геральдика XII в.: перспективы исследования // Signum. Вып. 10. (Отв. ред. А.П. Черных). М.: ИВИ РАН, 2019. С. 6-17.
138. *Черных А.П.* Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и

раннего Нового времени. Вып. 74(3–4). Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2013. С. 124-149.

139. *Черных А.П.* «Вторичные» гербовники с точки зрения источниковедения геральдики // *Signum*. Вып. 9. М., 2016. С. 5-30.

140. *Черных А.П.* Французское гербоведение в XX в. // *Signum*. Вып. 6. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 34-35.

141. *Черных А.П.* Гербовник как исторический текст // *Люди и тексты*. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 331-347.

142. *Черных А.П.* Гербовники XIII века // *Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени /Ин-т всеобщей истории РАН.* – М.: Наука. Вып. 68 (2). 2007. С. 90–110.

143. *Черных А.П.* Трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах» // *Средние века*. М., 1989. Вып. 52. С. 307–322.

144. *Черных А.П.* Изобразительное – устное – письменное в блаzone // *Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто 14–16 апреля 2010 г. – ИВИ РАН. Материалы конференции.* М., 2010. СС. 270–277.

Электронные ресурсы:

145. La Base de Français Médiéval. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://bfm.ens-lyon.fr/> (дата обращения: 03.10.2019.).

146. Платформа для работы с электронными корпусами текстов ТХМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://textometrie.ens-lyon.fr/spip.php?article60&lang=fr> (дата обращения: 03.10.2019.).

147. Les Romans de Crétien de Troyes édités d'après la copie de Guiot. P.: Champion, 2 vol. 1973). Манускрипт на сайте Национальной библиотеки Франции: BnF fr. 794 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84272526/fl.item> (дата обращения 29.10.2019.).

Словари:

148. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle : composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe. Par F. Godefroy. Geneve, 1891-1902.

149. Dictionnaire du Blazon. Par E. de Voos. Paris: Leopard D'Or, 2011.

150. Dictionnaire du Moyen Français (1330-1500) Institute de la Linguistic Française. Université de Lorraine. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.atilf.fr/dmf/> (дата обращения: 03.10.2019.).

151. Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://atilf.atilf.fr/scripts/dect.exe?BASE_LEXIQUE;VED=devise;AFFICHAGE=2;BACK;SANS_MENU;FERMER;ISIS=isis_dect.txt;OUVRIR_MENU=2;se=s0c5925dc;LANGUE=EN (дата обращения 10.11.2019.).

152. Словарь старофранцузского языка. Ред. В.Ф. Шишмарев. М., Ленинград: Издательство Академи наук СССР, 1955.

Приложение I. Сводная таблица терминов из гербовников XIII в.

Сводная таблица терминов, использованных в блазонах гербовников XIII в. составлена на основании доступных для исследования блазонных гербовников XIII в. Из таблицы исключены служебные слова и числительные.

Знаком «?» отмечены слова, значение которых определить не удалось.

Знаком «х» отмечено отсутствие соответствующего термина в английском или французском языке.

Римскими цифрами обозначены синонимы и варианты одной геральдической фигуры.

В современном французском блазоне *barr* может обозначать левую перевязь, в отличие от правой перевязи – *band*. В английском блазоне – горизонтальная линия (подобная поясу, но как правило уже), которая может располагаться в любой части щита, кроме пояса. Как правило, в гербе их бывает 2 и больше, что составляет пропорцию 1 fesse, 2 bars, однако, как было сказано выше, в средневековом блазоне это не всегда так.

Подобная ситуация наблюдается и со словом *baton*, которое в современном французском имеет значение узкой перевязи, представленной еще уже чем *cotise*. В английском языке *baston* – узкая перевязь, но ограниченная с обоих концов.

Для этих и других подобных случаев перевод на русский язык подбирался согласно семантике, но не соответствует признанному современному эквиваленту. Ввиду этого и других причин, описанных в § 2 Главы 2 перевод терминов на русский языке условен, подчинен теме исследования и не может считаться словарным.

		M. French	M. Eng.	Anticrist	Bigot (BA)	Chauvan cy	Chiffle-Prinet (CP)	Glover (B)	Walford (Cl)	Camden (D)	Falkirk (H)	Caerlaverock (K)	Galloway (GA)	Stirling (ST)
1	двуглавый	à deux têtes	two-headed		a deux teste				a deux teste					
2	противообращённый I	addosé	addorsed		adossé					dos a dos				
3	противообращённый II (о рыбах)	addosé	addorsed		sinans									
4	орел	aigle	eagle		aigle		egles	egles	egle	egle	eglettez	egle	egles	aigle
5	орлик	aiglette	eaglet				aiglettes				eglettez	eigleaus		
6	лебединые крылья	ailes de cygne	swan wings										pennes de signes	
7	цветок	angemme	angemme				agegnies							
8	кольцо	annelet	annulet		aniaux	annes	annelets		circle				annelx	anels
9	белый (серебро)	argent	argent	argent/blance	blanche/argent	argent/blanche	ergent	argent/blank	argent	argent	argent	argent/blanche	argent	argent
10	в доспехе	arme	armed							(jambe) armez				
11	синий (лазурь)	azur	azure	azur	azure	azur	azur	asure	asur	azure	azur	asure/inde/blue	azur	asur
12	перевязь	band	bend	bende	bende	bende	bande	bende	bende	bende	bende	bende	bende	bende
13	чередование перевязей	bandé	bendy	bendée	bendé	bende		bendé		bendé			bendé	
14	рыба	bar	barbel	(poison)	bar	bar	bar		bar de mere		barbe	bar	barres	
15	ладья	barque	barge							barges				
16	жезл	bâton	baston	baston	baston	baston	baston	baston			baston	bastoun	baston	baston
17	клюв	bec	beak					bek						
18	безант I	besant	bezant		besant							o besans	besant	
19	безант II	besant	bezant						gastelle	gastels		gasteaus		
20	безант III	besant	bezant							pelotes			pelotz	
21	усеянный безантами	besanté	bezanty	besantée	besandé	besantez	besante	besante	besancé	besante	besaunte		besnaté	besaunté
22	лань	biche	hind						byse					
23	гонт	billete	billet		billets			billetees						
24	усеянный гонтами	billeté	billety		billeté		billeté		bulleté	billeté	byletté	billeté	billeté	billeté

25	бык	bœuf	ox						beuf					
26	кайма	bordure	bordure		bordure		bordure	bordure	bordure	bordure	bordure	bordure	bordeure	bordure
27	расцветший	boutonné	seeded								botonné			
28	щука	brochet	pike					luce	luz	luz				luce
29	кляпцы	broyes	barnacles				broies	breys	bresses	brayes				
30	чередование поясов I	burelé	burely (barruly)		burelé	burelé	burelé	burlé	burlé	burelé	borel	burelé	burlé	burlé
31	вольная часть I	canton	canton				canton		kantelle		cantell		cantelle	
32	вишня	cerise	cherry										cerises	
33	водонос	chantepleur	bougets					bouz	buz	bussels	bousses	bouz		boessea us
34	венки (из роз)	chapeau	chaplet								chapeus	chapeaus (de rosis)		
35	чертополох	chardon	thistle											chardo n
36	замок	château	castle						chastelle	chastel	chastel			
37	глава	chef	chief		kief	chief	chief	chief	chef	chef	chief	chef	chief	chief
38	дуб	chêne	oak					kene						
39	конь	cheval	horse						chevald					
40	стропило	chevron	chevron		kevrons	chevron	chevron	chevrons		cheveru ns	chevero uns	cheverons	chevron	chevro n
41	чередование стропил	chevronné	chevronny	chevronez			chevronne		cheveronné				cheveruné	
42	ключ	clef	key							clef				
43	ошейник	collier	collar				collier		color		collour	colers	colier	
44	разделенный I	componé	gobony			troucenée	tronçonnee							
45	разделенный II	componé	gobony		couponné				goboné				goboné	goboné
46	противоскошенный	contrebandé	bendy per bend countercharged		contrebandé		contrebandé							

47	противопересеченный	contrefescié	barry per pale countercharged				contrefescié							
48	петух	coq	cock		cokes			coks	cos					
49	раковина I	coquille	escallop		cokilles	coquille(ttes)	coquilles					cokkiles	cokilles	
50	раковина II	coquille	escallop					skalops	escalopes	escaloppes	scaloppes		escalopes	
51	ворон	corbeau	raven					corbice			corbine			
52	узкая перевязь	cotice	cotise/bendlet	(contichiée)		en coste	cotice	cutices	custeses	cotice	cotise	costices	custeces	coties
53	змея	couleuvre	snake				serpent							
54	чаша	coupe	cup							cupes				cupes
55	корона	couronne	crown		corone					corone				
56	коронованный	couronné	crowned		coroné		coronné	coronné	coroné	coroné	coronné	couronné	couroné	couronné
57	усеянный крестами	croiseté	crusily					croiselez		crusele	croisile	croissillié	cruselé	crusulé
58	крестик	croisette	crosslet		croisette	croisette	croisette	croisel	crosyle		cruselettés	croisselletes	croiseletes	crusuletz
59	полумесяц	croissant	crescent		croissant			cressant	cressant	crescent	cressants		croissans	
60	крест	croix	cross	croiz	croix	crois	crois	croix	croyz	croiz	croyz		crois	crois
61	дельфин	dauphin	dolphin				daufin		dauffin de mer					dolphyns
62	полу-	demi	demy		demy		demi	demi		demy	demy		demy	
63	половина I	demi	demy						recoupé	recoupe			recoupé	
64	дамасцированный	diapré	diapered				diapre		diasprez					
65	виверна	dragon	wyvern										wivres	wyvers
66	четверочастный	écartelé	quarterly		ecartelé		escartele	esquartele	esquartilé	esquartele	quartelle	esquartelee	quartelé	quartelé
67	шахматный	échiqueté	chequy	eschequeté	echeketé			eschekere	eschekeré	escheckere	eschequere	eschequeré	escheké	cheké
68	щит	ecu	shield					escu			eschu		escu	

69	щиток I	écusson	escucheon	escucel	escuchon		escuchon	escucheons	escushon	escuchun	eschuchun	escuchom	escusson	escusson
70	щиток II	écusson	escucheon							targe				
71	зубчатый	endenté	barry intradenting	endenté	endenté	endentée	endenté	endente	endenté	endentee	endente	endentee	endenté	endenté
72	зазубренный	engrêlé	engrailed				engrele	engrele	engralé	engrasle	engrelee	engreellie	engrelee	engreslee
73	плечо	épaule	shoulder		espaulé		espaule		espaule		espaules			espaule
74	меч	épée	sword		espee		espee			espee				
75	карбункул	escarboucle	carbuncle	escharboucle	charboucle				charbucle					
76	звезда (шпорное колесико) I	étoile	mullet				(es)tencelles							
77	звезда (шпорное колесико) II	étoile	mullet		estoile			estoile				estoyle	estelles	
78	звезда (шпорное колесико) III	étoile	mullet		mellette	molette		mollete	molette	molette	moleit	molectes	moletz	moletz
79	стремя	étrier	stirrup		estries									
80	чередование поясов II	facsé	barry						barré			barré	barré	barré
81	чередование поясов III	facsé	barry				fascé							
82	пояс	fascé	fesse	fesse	faisse	face	fese	fesse	fesse	fesse	fez	fesse	fece	fece
83	зубчатый пояс I	fascé vivrée	dance(fesse dancetty)	dance	danche		dante	daunce	danse		daunse	dance	daunse	daunce
84	зубчатый пояс II	fascé vivrée	dance (fesse dancetty)										guyvere	
85	подкова	fer à cheval	horse shoe				fer a ceval	fer		fers			fer de cheval	
86	мельничное железко	fer du moulin	millrind		fer de molin		fer de molin			fer de molyn	fer de molyn	fer de molyn	fer de moulyn	
87	пряжка	fermail	buckle				fermaus		fermas				fermaus	
88	лист липы	feuille de tilleul	linden leaf		fuelle de trumel									
89	лилия	fleur de lis	fleur-de-lis		fleur de lis		fleur de lis	flour		flur de glagel	floures de lyz	flours de lis	fleurs de lyz	fleur de lis
90	маленькая лилия	fleurette	florette		florette			floretts	flurette					florette
91	усеянный лилиями	fleuronné	flory	floureté	floretté				flouretté	florette	florette	flourettee	fleureté	fleuretté

9 2	плетение	frette	fret											
9 3	переплетенный	fretté	fretty	fretée	fretteé			frette	fretté	frette	fretté	frettez	fretté (les frettes)	fretté
9 4	сноп	gerbe	sheaf					garbes	garb	garb de eveyne		garbes		
9 5	клинчатый	gironné	gyronny		gheronné		gironne	geronne	geroné	geroune	gerunne	gyronnees	geronné	geroun ez
9 6	гонфанон (знамя)	gonfanon	gonfanon				fanun			gunfanun				
9 7	грифон	griffon	griffin							griffun	griffouns	grifoun		
9 8	красный	gueules	gules	gueles/sinople/ vermeilles	geueles	vermeilles/ s/gueles	gueulles	gules	goules	gules	gulez	vermaus/rou ge/goulys	gueules	gueules
9 9	топор	hache	axe							hache				
1 0 0	гамеиды	hamaide	hamade		haimade									
1 0 1	сельдь	hareng	herring							haranges				
1 0 2	горностай (мех)	hermine	ermine		ermine	herminei	ermine	ermyn	ermine	ermine	hermyn	ermin	hermyne	hermyn e
1 0 3	цапля	héron	heron				heron							
1 0 4	охотничий рог	huchet	hunting horn		cors									
1 0 5	нога	jambe	leg							gambes				
1 0 6	два узкий пояса (брусья) I	jumelles	[bars] gemel	jumelles	gemelles	gemelles	jumelles	gemmeles	gymele		gemeus	jumeaus	gimelz	gymele s
1 0 7	два узкий пояса (брусья) II	jumelles	[bars] gemel	listé	listiax	litée			litte	lists				
1 0 8	титло	lambel	label	label	labele	lambiaus	lambiaus	label	lambeu	label	label	label	label	label
1 0 9	кувшин	lanceur	pithcer									pichier	poos	

1 1 0	леопард	léopard	leopard	liepart	liepars			lupards	leparde	leopars/ lepars	lepard	lupart	leopards	leopard
1 1 1	борзая	lévrier	levrier								leverer		levriers	
1 1 2	лев	lion	lion	lion	lion	lyon	lion	leon	lion	leun	leoun		leon	lyon
1 1 3	маленький лев	lionceau	x	lioncel	lionchiax		lionceaux	lyonceaux	liunceus	leuncels	leonceu x	lyonceaus	lyonceulx	lyoncel z
1 1 4	ромб	losange	lozenge		lozenge			losenges	losenge	losenges	lozenge s			
1 1 5	ромбовое (поле)	losangé	lozengy	losengié	lozengé	losengiez	losanges							
1 1 6	просечной ромб	macle	mascle										mascle	mascle
1 1 7	просечноромбовое (поле)	maclé	mascly					masclee	maclé	mascle	mascle	masclé		masclé
1 1 8	рука	main	hand	main						meyns				
1 1 9	рукав	manche	maunch	manche	manche			maunche	manche	manche	maunch e	manche	maunche	maunch e
1 2 0	молот	marteau	hammer		martiax		mailles/marteaus							
1 2 1	такой же	meme	same					(au) tiel						
1 2 2	мерлетта I	merlette	martlet				molletes (ош.: merlettes)	merloz	martelle	merloz	marlete z	merlos	mereletz	merelet z
1 2 3	зеркало	miroir	mirror	mirëor				myrrours						
1 2 4	гора I	mont	mount						mot					
1 2	гора II	mont	mount		pui									

5														
1 2 6	рождающийся											naissans		
1 2 7	мерлетта II	oiseau	martlet		oisele		oiseles/oiselet							
1 2 8	волнистый	ondé	undy		ondé		ondoie	ounde	undé	undee	unde		undé	oundé
1 2 9	желтый (золото)	or	or	or	or	or	or	or	or	or	or	safrin/jaune/ or	or	or
1 3 0	подушка	oreiller	pillow					horielers						
1 3 1	внутренняя кайма	orle	orle		orle	orle		urle				ourle/ourleur e		
1 3 2	узор	paillé	paille					paile						
1 3 3	столб I	pale	pal										pel/penne	
1 3 4	чередование столбов I	palé	paly		estakié									
1 3 5	чередование столбов II	palé	paly			palé	pallé	pale	palé	pale	palle	palee	palé	palé
1 3 6	(узкий) столб II	pale/vergette	pal/pallete			pie	peus	peus	peuz					
1 3 7	попугай	papegai	popinjay	papegais				papelayz	papagays		papejouis	papegaiz	papingeois	papegaus
1 3 8	чешуйчатый	papelonné	papelonné		papellonné									
1 3 9	рассеченный I	parti	party	parti	parti			party	party	parte	party			
1 4 0	рассеченный II	parti	party		songie									

1 4 1	шествующий	passant	passant		passans		passant	passant	passanz		passaun tz	passans	passans	passant
1 4 2	лапчатый (крест) I	patté	patty		eslasie a box		eslargie (par les bous)					(o bouz flourette)		
1 4 3	лапчатый (крест) II	patté	paty						paté	patee	pate	patee	paté	patee
1 4 4	просечной I	percé	pierced		perchie				persé	perces	perce		percees	percé
1 4 5	сорока	pie	magpie								pies			
1 4 6	фигура	pièce	ordinary				pieces	pieces				pecys/poinz		
1 4 7	стопы	pies	feet					pees						
1 4 8	опора (столб III?)	pillier	pillar		pilirs	pir								
1 4 9	с кругами на концах	pommeté	pommy				pommele							
1 5 0	курица	poule	hen		ghelingu e									
1 5 1	пурпурный (пурпур)	pourpre	purpure						purpr		purpure	purpin		purpure
1 5 2	пятилистник	quinteffe uille	quintefoil		quinterfe ulle			quinterfoilles/ sixtefoilles	quintefoyl		quintfoi ls	quintfullez	quintfoile	quintfoi le
1 5 3	четверть	quartier	quarter	cartier	quartier		cartier	quartier	quarter	quarter	quarter	quartier/la quarte	cartier	quartier
1 5 4	раздвоенный хвост	queue fourchue	tail forked		kuie forkie	cheue forchie	ceue fourcie	cowe furchee	cowe croyzé/furché	couwe furche	cowe fourchie	coue en double	coue forchié	coue forchié
1 5 5	звезда с волнистыми лучами	rai de soleil	sun ray					rey de soleil		ray de solail				
1 5	восстающий	rampant	rampant	rampant	rampant	rampant		rampant	rampant	rampans	rampau nd	rampant	rampant	rampant

6														
1 5 7	олений рог	ramur	antler						perche de deym					
1 5 8	просечной II	resarcelé	voided	faus			faus	faulses	fause		faus			
1 5 9	просечной III	resarcelé	voided						rescerselé					recercele
1 6 0	просечной IV	resarcelé	voided									(del champ) voidiés		
1 6 1	роза	rose	rose		rose		roies	rose	rose	roses	roses	roes		rose
1 6 2	розочки	rosette	rosette		rosette							rosettes	rosettes	
1 6 3	черный (чернь)	sable	sable	noir	noir	noir/sable	noir	noir	neyr/sable	sable	sable	sable/noir	sable	sable
1 6 4	кабан	sanglier	boar										senglier	
1 6 5	лосось	saumon	salmon			saumont								
1 6 6	косой крест	sautoir	saltire	sautëoir	sautors	caintour	sautoir	saut	sautour	satur	sautre	sautour	sautouer	sautouer
1 6 7	оседланный	sellé	saddled						sellé					
1 6 8	усеянный I	semé	semy						poudré		poudre		pu dré	
1 6 9	усеянный II	semé	semy		semee		semees						semé (дописано позже)	semé
1 7 0	зеленый (зелень)	sinople	vert	vert	vert		vers	vert	vert	vert	vert	vert	vert	vert
1 7 1	голова	tête	head				testes	teste	testes		test	teste	teste	teste

1 7 2	трилистник	tiercefeuille	trefoil		tierchefeuille									
1 7 3	башня	tour	tower		tor									
1 7 4	башенка	tourelle	turret						turelles					
1 7 5	круг I	tourteau	roundel						roundeles			rondeaus		
1 7 6	круг II	tourteau	roundel	tourteaus	tortiax		tortieux	turteaus			tourtous		torteaux	
1 7 7	усеянный трилистниками	treflé	trefly				treflé							
1 7 8	двойная узкая процветшая кайма	trescheur	tressure										tressour	
1 7 9	труба	trompette	trumpet								trumpe			
1 8 0	белка (мех)	vair	vair		vair		vair	veer	veir		veire	vair	veer (vert)	veer
1 8 1	белка/беличий (мех)	vairé	vairy		vairié	vairiez	vaires	verre	veyré	verre			verré	verré
1 8 2	узкий	z	z		de fuies									
1 8 3	полоса	z	bar					bar	barr/burulet (grose/menue)	barre	barré	barres	barres	barre
1 8 4	окаймленный	z	z	bordez					bordeand					
1 8 5	по горизонтали	z	z		de travers	de traverse								
1 8 6	по диагонали	z	z		en beslive									
1 8	вокруг	z	z		entor									

7														
1 8 8	усеянный звездами	z	z						estenzelé					
1 8 9	верстовой камень	z	milestone					moeles						
1 9 0	грабли	z	z						rastelle					
1 9 1	стебель розы	z	z						roser					
1 9 2	волнистая линия	z	z				vuive							
1 9 3	круг/спираль/ колесо	?	?					roueles		ruell				
1 9 4	?	?	?				cuisse							
1 9 5	?	?	?				encastelé							
1 9 6	?	?	?						enteré					
1 9 7	?	?	?						estant					
1 9 8	?	?	?						fourmé					
1 9 9	?	?	?				gans							
2 0 0	?	?	?					grains						
2 0 1	?	?	?						petryne					

Приложение II. Основные геральдические термины.

Таблица представляет собой ядро геральдической лексики XIII в., из нее удалены части гласных гербов, встречающиеся только в гербах этих семейств; термины, встречающиеся однократно и термины, значение которых установить не удалось, а также служебные части речи и числительные. Термины разделены на условные группы, которые намеренно не совпадают с принятыми в геральдической науке по причинам, приведенным в § 2 Главы 2. Перевод терминов на русский язык условен, подчинен теме исследования и не может считаться словарным.

		M. French	M. Eng.	Anticrist	Bigot (BA)	Chauvan cy	Chiffle-Prinet (CP)	Glover (B)	Walford (CI)	Camden (D)	Falkirk (H)	Caerlaverock (K)	Galloway (GA)	Stirling (ST)
--	--	-----------	---------	-----------	------------	------------	---------------------	------------	--------------	------------	-------------	------------------	---------------	---------------

1. Тинктуры

1	белый (серебро)	argent	argent	argent/blance	blanche/argent	argent/blanche	ergent	argent/blank	argent	argent	argent	argent/blanche	argent	argent
2	синий (лазурь)	azur	azure	azur	azure	azur	azur	asure	asur	azure	azur	asure/inde/blau	azur	asur
3	горноста́й (мех)	hermine	ermine		ermine	herminei	ermine	ermyn	ermine	ermine	hermyn	ermin	hermyne	hermyne
4	желтый (золото)	or	or	or	or	or	or	or	or	or	or	safrin/jaune/or	or	or
5	красный (червель)	gueules	gules	gueles/sinople/vermeilles	gueules	vermeilles/gueles	gueulles	gules	goules	gules	gulez	vermaus/rouge/goulyls	gueules	gueules
6	пурпурный (пурпур)	pourpre	purpure						purpr		purpure	purpin		purpure
7	черный (чернь)	sable	sable	noir	noir	noir/sable	noir	noir	neyr/sable	sable	sable	sable/noir	sable	sable
8	зеленый (зелень)	sinople	vert	vert	vert		vers	vert	vert	vert	vert	vert	vert	vert
9	белка (мех)	vair	vair		vair		vair	veer	veir		veire	vair	veer (vert)	veer

2. Характеристика

щита/поля

10	чередование перевязей	bandé	bendy	bendée	bendé	bende		bendé		bendé			bendé	
11	усеянный безантами	besanté	bezanty	besantée	besandé	besantez	besante	besante	besancé	besante	besaunte		besnaté	besaunté
12	усеянный гонтами	billeté	billety		billetté		billeté		bulleté	billeté	byletté	billeté	billeté	billeté
13	чередование поясов I	burelé	burely (barruly)		burelé	burelé	burelé	burlé	burlé	burelé	borel	burelé	burlé	burlé
14	чередование стропил	chevronné	chevronny	chevrenez			chevronne		cheveroné				cheveruné	
15	разделенный I	componé	gobony			troucenée	tronçonnee							
16	разделенный II	componé	gobony		couponné				goboné				goboné	goboné
17	противоскошенный	contrebandé	bendy per bend countercharged		contrebandé		contrebandé							
18	противопересеченный	contrefescié	barry per pale countercharged				contrefescié							
19	усеянный крестами	croiseté	crusily					croiselez		crusele	croisile	croisillie	cruselé	crusulé
20	четверочастный	écartelé	quarterly		ecartelé		escartele	esquartele	esquartilé	esquartelle	quartelle	esquartellee	quartelé	quartelé
21	шахматный	échiquet	chequy	eschequeté	echequeté			eschekere	eschekeré	eschecke	eschequ	eschequeré	escheké	cheké

1		é							re	ere			
2 2	чередование поясов II	facsé	barry					barré			barré	barré	barré
2 3	чередование поясов III	facsé	barry			facsé							
2 4	усеянный лилиями	fleuronn é	flory	floureté	floretté			fluretté	florette	florette	flourettee	fleureté	fleurett é
2 5	переплетенный	fretté	fretty	fretée	fretteé			frette	fretté	frette	fretté	frettez	fretté (les frettes)
2 6	ромбовое (поле)	losangé	lozengy	losengié	lozengé	losengiez	losanges						
2 7	просечноромбово е (поле)	maclé	mascly					masclée	maclé	mascle	mascle	masclé	masclé
2 8	чередование столбов	palé	paly			palé	pallé	pale	palé	pale	palle	palee	palé
2 9	чешуйчатый	papelonn é	papelonné		papellon né								
3 0	рассеченный I	parti	party	parti	parti			party	party	parte	party		
3 1	усеянный I	semé	semy						poudré		poudre		puuré
3 2	усеянный II	semé	semy		semee		semees						semé (дописано позже)
3 3	белка\беличий (мех)	vairé	vairy		vairié	vairiez	vaires	verre	veyré	verre			verré
3 4	окаймленный	z	z	bordez					bordeand				

3. Абстрактные фигуры

3 5	кольцо	annelet	annulet		aniaux	annes	annelets		circle				annelx	anels
3 6	перевязь	band	bend	bende	bende	bende	bande	bende	bende	bende	bende	bende	bende	bende
3 7	жезл	bâton	baston	baston	baston	baston	baston	baston			baston	bastoun	baston	baston
3 8	безант I	besant	bezant		besant							o besans	besant	
3 9	безант II	besant	bezant						gastelle	gastels		gasteaus		
4 0	безант III	besant	bezant							pelotes			pelotz	
4 1	гонт	billete	billet		billets			billetees						
4 2	кайма	bordure	bordure		bordure		bordure	bordure	bordure	bordure	bordure	bordure	bordeure	bordure

43	вольная часть I	canton	canton				canton		kantelle		cantell		cantelle	
44	глава	chef	chief		kief	chief	chief	chief	chef	chef	chief	chef	chief	chief
45	стропило	chevron	chevron		kevrons	chevron	chevron	chevrans		cheveruns	cheverons	cheverons	chevron	chevron
46	узкая перевязь	cotice	cotise/bendlet	(contichiée)		en coste	cotice	cutices	custeses	cotice	cotise	costices	custeces	coties
47	крестик	croisette	crosslet		croisette	croisette	croisette	croisel	crosyle		cruselett	croisselletes	croiseletes	crusuletz
48	полумесяц	croissant	crescent		croissant			cressant	cressant	crescent	cressaunts		croissans	
49	крест	croix	cross	croiz	croix	crois	crois	croix	croyz	croiz	croyz		crois	crois
50	щит	ecu	shield					escu			eschu		escu	
51	щиток	écusson	escucheon	escucel	escuchon		escuchon	escucheons	escushon	escuchun	eschuchun	escuchom	escusson	escusson
52	карбункул	escarboucle	carbuncle	escharboucle	charboucle				charbucle					
53	звезда (шпорное колесико) II	étoile	mullet		estoile			estoile				estoyle	estelles	
54	звезда (шпорное колесико) III	étoile	mullet		mellette	molette		mollete	molette	molette	moleit	molectes	moletz	moletz
55	пояс	fasce	fess	fesse	faisse	face	fese	fesse	fesse	fesse	fez	fesse	fece	fece
56	зубчатый пояс I	fasce vivrée	dance(fesse dancetty)	dance	danche		dante	daunce	danse		daunse	dance	daunse	daunce
57	плетение	frette	fret											
58	гамеиды	hamaide	hamade		haimade									
59	два узкий пояса (брусья) I	jumelles	[bars] gemel	jumelles	gemelles	gemelles	jumelles	gemmeles	gymele		gemeus	jumeaus	gimelz	gymeles
60	два узкий пояса (брусья) II	jumelles	[bars] gemel	listé	listiax	litée			litte	lists				
61	титло	lambel	label	label	lablel	lambiaus	lambiaus	label	lambeu	label	label	label	label	label
62	ромб	losange	lozenge		lozenge			losenges	losenge	losenges	lozenges			
63	просечной ромб	macle	mascle										mascle	mascle
64	зеркало	miroir	mirror	mirëor				myrrouns						
65	внутренняя кайма	orle	orle		orle	orle		urle				ourle/ourleure		
66	(узкий) столб II	pale/vergette	pal/pallete			pie	peus	peus	peuz					
6	четверть	quartier	quarter	cartier	quartier		cartier	quartier	quarter	quarter	quarter	quartier/la	cartier	quartier

7												quarte		
6 8	косой крест	sautoir	saltire	sautëoir	sautors	caintour	sautoir	saut	sautour	sautur	sautre	sautour	sautouer	sautoue r
6 9	круг I	tourteau	roundel						roundeles			rondeaus		
7 0	круг II	tourteau	roundel	tourteaus	tortiax		tortiuex	turteaus			tourtous		torteaux	
7 1	двойная узкая процветшая кайма	trescheur	tressure										tressour	
7 2	полоса	z	bar					bar	barr/burulet (grose/menue)	barre	barré	barres	barres	barre

4. Характеристик и фигур

7 3	зубчатый	endenté	endented	endenté	endenteé	endentée	endenté	endente	endenté	endentee	endente	endentee	endenté	endenté
7 4	зазубренный	engrêlé	engrailed				engrele	engrele	engralé	engrasle	engrelee	engreellie	engrelee	engresl ee
7 5	клинчатый	gironné	gyronny		gheronn é	gironne	geronne	geroné	geroune	gerunne	gyronnees	geronné	geroun z	geroune z
7 6	волнистый	ondé	undy		ondé		ondoie	ounde	undé	undee	unde		undé	oundé
7 7	лапчатый (крест) I	patté	patty		eslasie a box		eslargie (par les bous)					(o bouz flourette)		
7 8	лапчатый (крест) II	patté	paty					paté	patee	pate	patee	paté	patee	
7 9	просечной I	percé	pierced		perchie				persé	perces	perce		percees	percé
8 0	просечной II	resarcelé	voided	faus			faus	faulses	fause		faus			
8 1	просечной III	resarcelé	voided						rescerselé					recercel ee

5. Животные

8 2	орел	aigle	eagle		aigle		egles	egles	egle	egle	eglettez	egle	egles	aigle
8 3	орлик	aiglette	eaglet				aiglettes				eglettez	eigleaus		
8 4	рыба	bar	barbel	(poison)	bar	bar	bar		bar de mere		barbe	bar	barres	
8 5	щука	brochet	pike					luce	luz	luz				luce
8 6	дельфин	dauphin	dolphin				daufin		dauffin de mer					dolph y ns

87	грифон	griffon	griffin							griffun	griffouns	grifoun		
88	леопард	léopard	leopard	liepart	liepars			lupards	leparde	leopars/lepars	lepard	lupart	leopards	leopard
89	лев	lion	lion	lion	lion	lyon	lion	leon	lion	leun	leoun		leon	lyon
90	маленький лев	lionceau	x	lioncel	lionchiax		lionceaux	lyonceaux	liunceus	leuncels	leonceux	lyonceaus	lyonceulx	lyoncelz
91	мерлетта I	merlette	martlet				molletes (опш.: merlettes)	merloz	martelle	merloz	marletez	merlos	mereletz	mereletz
92	мерлетта II	oiseau	martlet		oisele		oiseles/oiselet							
93	попугай	papegai	popinjay	papegais				papelayz	papagays		papejouis	papegaiz	papingeois	papegaus

6. Характеристики животных

94	двуглавый	à deux têtes	two-headed		a deux teste				a deux teste					
95	противообращённый	addosé	addorsed		adossé					dos a dos				
96	коронованный	couronné	crowned		coroné		coronné	coronné	coroné	coroné	coronné	couronné	couroné	couronné
97	полу- I	demi	demy		demy		demi	demi		demy	demy		demy	
98	полу- II	demi	demy						recoupé	recoupe			recoupé	
99	шествующий	passant	passant		passans		passant	passant	passanz		passauntz	passans	passans	passant
100	раздвоенный хвост	queue fourchue	tail forked		kuie forkie	cheue forchie	ceue fourcie	cowe furchee	cowe croyzé/furché	couwe furche	cowe fourchie	coue en double	coue forchié	coue forchié
101	восстающий	rampant	rampant	rampant	rampant	rampant		rampant	rampant	rampans	rampant	rampant	rampant	rampant

7. Другие фигуры

102	кляпцы	broyes	barnacles				broies	breys	bresses	brayes				
103	ошейник	collier	collar				collier		color		collour	colers	colier	
1	водонос	chantepl	bougets					bouz	buz	bussels	bousses	bouz		boessea

04		eure												us
105	замок	château	castle					chastelle	chastel	chastel				
106	раковина I	coquille	escallop		cokilles	coquille(tt es)	coquilles					cokkiles	cokilles	
107	раковина II	coquille	escallop					skalops	escalopes	escalopp es	scalopp ez		escalopes	
108	корона	couronne	crown		corone					corone				
109	плечо	épaule	shoulder		espaulé		espaule		espaule		espaulés			espaule
110	меч	épée	sword		espee		espee			espee				
111	подкова	fer à cheval	horse shoe				fer a ceval	fer		fers			fer de cheval	
112	мельничное железко	fer du moulin	millrind		fer de molin		fer de molin			fer de molyn	fer de molyn	fer de molyn	fer de moulyn	
113	пряжка	fermail	buckle				fermaus		fermas				fermaus	
114	лилия	fleur de lis	fleur-de-lis		fleur de lis		fleur de lis	flour		flur de glagel	floures de lyz	flours de lis	fleurs de lyz	fleur de lis
115	маленькая лилия	fleurette	florette		florette			floretts	flurette					florette
116	сноп	gerbe	sheaf					garbes	garb	garb de eveyne		garbes		
117	гонфанон (знамя)	gonfano n	gonfanon				fanun		gunfanun					
118	рукав	manche	maunch	manche	manche			maunche	manche	manche	maunch e	manche	maunche	maunch e
119	пятелистник	quarteffe uille	quatrefoil		quinterf eulle			quinterfoilles/s ixtefoilles	quinterfoyl		quinterfoi ls	quinterfullez	quinterfoile	quinterfoi le
120	звезда с волнистыми лучами	rai de soleil	sun ray					rey de soleil		ray de solail				

1														
2	роза	rose	rose		rose		roies	rose	rose	roses	roses	roes		rose
1														
1	розочки	rosette	rosette		rosette							rosettes	rosettes	
2														
2														
1	голова	tête	head				testes	teste	testes		test	teste	teste	teste
2														
3														

Приложение III. Блазоны «Турнира Антихриста».

Блазоны «Турнира Антихриста» приводятся по изданию Виммера³⁰⁷. Это издание представляет также вариант текста из другого манускрипта, который предлагает некоторые расхождения в блазонах. Основные различия между ними касаются сочетания разных элементов внутри одного герба, элементы которых перемешались между их носителями; фигуры и лексика остаются теми же, поэтому данный отрывок был исключен из исследования. Анализ лексики проводится только на материалах текста манускрипта Бодлеянской библиотеки MS Douce 308³⁰⁸.

Представляя перевод блазонов из этого романа необходимо оговорить, что перевод этот не может быть точным и исчерпывающим, из-за того, что содержит большое количество игры слов, на котором часто и основано повествование. Целый ряд слов может быть переведен двояко в зависимости от того, переводим мы его как геральдический термин или нет. Более того, русская блазонная терминология, в первую очередь, ее морфологическая и грамматическая часть не позволяет переводить эти описания дословно, поэтому перевод снабжен подробными комментариями о полисемии слов и возможных вариантах перевода и трактовки.

³⁰⁷ Li torneiement Antecrit von Huon de Mery nach den Handschriften zu Paris, London und Oxford neu herausgegeben von Georg Wimmer, Marburg, Elwert (Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie, 76), 1888.

³⁰⁸ Цифровое факсимиле манускрипта MS. Douce 308 [Электронный ресурс] URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/inquire/Discover/Search/#/?p=c+0,t+,rsrs+0,rsps+10,fa+,so+ox%3Asort%5Easc,scids+,pid+dd9d1160-196b-48a3-9427-78c209689c1f,vi+637930c2-4d46-4616-8980-6c16717d5268> (дата обращения 25.11.2019)

1. Antecrit, vv. 538-545:
L'escu noir ot a faus miracles,
Qui trop estoit paranz et beaus,
Car bordez [ert] di dëableaus,
A i. crochet dampnement.
Escrit portoit son jugement
En un bende trop eslite,
Car ele estoit de mort soubite,
Fretée de pechiez mortieix;

2. Orgeil, 615-617:
De gueles estoit que nus sinople
Parmi rampoit misires nobles
A une queue bobenciere;

3. Bobenz, 655-658
Qui portoient l'escu tot plein
De vanterie et de desdaing
Bien connëu en totes places
A i. sautëoir de menace
A l'angevine de dangier;

Антихрист
Щит черный, в нем ложные³⁰⁹ чудеса,
был изыскан и красив,
С каймой из дьяволов,
Поверх всего в нем крюк проклятья.
Он нес свой приговор
Начертанный на перевязи драгой,
из внезапной смерти,
переплетенной смертными грехами;

Гордость
В поле краснее красного
Меж восстающий страданий
благородных хвост высокомерия;

Высокомерие
Несли щит полностью состоящий
Из тщеславия и презрения
Хорошо известный везде
С косым крестом угрозы
Грозящей анжуйцам;

³⁰⁹ Термин *faus* используется в блазоне для обозначения фигур, представленных только контуром, что в русском блазоне передается термином «просечной», таким образом автор здесь и далее многократно создает некоторую игру слов и смыслов.

4. Cointise, 666-674:

Portoit armes merveilles cointes
A dances d'or en vert danciées
A iiii. bendes losengiées
De vaine gloire er d'aogance,
A i. mirëor d'ignorance,
Qui fet muser tote la gent,
A iiii. papegais d'argent,
Qui chantent de joliveté,
A loriëol de niceté;

5. Tençon, 698-699:

Qui portoit l'escu de descorde
A un label d'anemistié;

6. Felonie, 702-703:

Et portoit l'escu endenté
A i. rous mastin rechignié;

7. Corouz, 720-722:

Armes avoient losengiées
De rancune et derverie
A i. label de frenesie;

Хитрость

Несла щит чудесно украшенный
Золотым зубчатым поясом в зелени
И 4 перевязями ромбовыми³¹⁰
Из тщеславия и высокомерия,
И зеркалом³¹¹ невежества,
Что тратит время людское,
4 серебряных попугая,
Весело поющих
В ореоле наивности;

Вражда

Несла щит из несогласия
С титлом недружелюбия;

Вероломство

Несла щит зубчатый³¹²
С рыжим ощерившимся мастифом;

Гнев

Герб имел из ромбов
Злопамятности и ярости
И титло безумия;

³¹⁰ Здесь и далее возможно присутствует игра слов, основанная на омофонии слова *losenge* «лесть, обман» и *losange* «ромб». Можно предположить, что именно это удачное совпадение стало причиной столь частого повторения этой фигуры в блазонах романа.

³¹¹ Здесь и далее геральдическая фигура «зеркало» очевидно используется в значении «отражения» или «отображения» указанных качеств.

³¹² Стилистический прием, основанный на сопоставлении геральдического термина *endentee* «зубчатый» с зубами скалящегося животного. Однако щит сам по себе не может быть зубчатым – это свойства фигуры, например, пояса и каймы.

8. Torz, 736-755:

Li escuz tort, ou droiz n'a part,
Ert uns escuz leiz et divers;
C'est li escuz a ii. envers
Qui ressembloit i. talevaz;
C'est uns escuz honteus et maz,
Tors et boçuz et contrfez,
A la tortue de tors fez
Portete de deslëauté,
A faus esgart de fauseté,
Que traïson i ot pourtait,
A i. faus jugement, strait
D'une fausse alegaçion;
A langues d'avocacion,
De geules a pledëors fretes,
Que covetise avoit pourtetes
D'une grant mençonge polie;
A un blame de tricherie
Par fauses losenges atret,
A iiiii. Poinz et a i. tret,
De traïson la poitevine;

Неправда

Щит, в котором все не так,
В нем только бок да сторона;
Щит с двумя изнанками
Не похожий на боевой³¹³;
Он позорен и дурен,
Кривой, косой, все в нем наоборот,
На нем черепаха
Как символ неверности,
С ложной ложью,
Какую несет предательство,
И одно неверное суждение,
Основанное на лживом свидетельстве
Из уст адвоката,
Переплетенное со словами истца³¹⁴,
Коим овладела страсть
Лгать обо всем;
Повинность в обмане
в ромбах Лживой лести,
4 шага и один удар
Предательства пуатевинцев.

³¹³ *Talevaz* – тавола – щит из доски, предназначенный для защиты от стрел, дословно «он похож на таволу», то есть с ним нельзя выступать на турнире.

³¹⁴ Здесь и далее слово *geules* используется в двух значениях: «глотка» и геральдическая красная тинктура. В данном примере терминологически верная блазонная конструкция *freté de gueles* «переплетен красным» представлена в значении «глотки истца», то есть его речь, сплетенная со словами адвоката.

9. Avarise, 774-775:

Targe d'or bendée d'argent,
a une bendee besantée;

10 Coveitise, 778-781:

Coveitise ot escu d'or fin
Bendé de termes et l'usure,
Et rapine autel, qui sèure
Cuide ester de largesce abatre;

11. Detraction, 814-815:

Une targe avoit losengieé
De faus semblans et de faus ris;

12. Traïson, 819-829:

Ses faus escuz, dont diex nos gart
As faus semblans, au faus regart
As faus besiers et as faus diz
Molt fu bien par Raoul descript:
A iiii. rampones rampanz,
A une langue a v. trenchanz,
Qui l'escu porprent et sormonte,
L'escu au mirëor de honte,
A une bende de faintié,
Contichiée d'ennemistié,
A un label de fausseté;

Алчность

Золотой щит, пересеченный на серебро,
Перевязь, усеянная монетами³¹⁵;

Зависть

Зависть имела щит из чистого золота,
Пересеченный на условия³¹⁶,
И еще грабеж такой, что и замок не
убережет щедрость от гибели.

Клевета

Щит обманывающий ромбами
Из ложных гримас и смешков;

Предательство

Такой щит, что Боже сохрани,
Из лживых лиц и ложной заботы
Из неискренних поцелуев и слов,
Хорошо описанных Раулем³¹⁷:
4 восстающие насмешки³¹⁸ и
Язык, разделенный на 5 частей,
занимающие весь щит,
Позорное зеркало с
Перевязью из притворства и двумя
Узкими перевязями недружелюбия,
И титул фальши;

³¹⁵ Хорошо известное в геральдике сопоставление безантов с византийской монетой.

³¹⁶ Имеется в виду юридический договор аренды и условий эксплуатации имущества.

³¹⁷ Имеется в виду Рауль де Удан, из произведения которого Гюон де Мери взял сюжет для своего романа.

³¹⁸ Сочетание *rampones rampanz* повторяется несколько раз. Возможно, использование геральдического термина «восстающий» обусловлено созвучием с «насмешкой».

13. Mençonge, 838-841:

Et ot lescu a fauses es,
Lozengié de tauses noveles,
An faus escu a ii. jumeles
De loberie et de mesdiz;

14. Loberie, 848-853:

Plesant escu ot loberie,
Car trop sembla le traïson
Fors d'itant, que detractïon
Le dora de faintes paroles
Et i mist i. label de lobos
Qui fet connoistre loberie.

15. Ypocrisie, 854-867:

Bel escu ot ypocresie,
S'il estoit a droit devisez,
Car por ce, qu'il ert desguisez,
Fesoit muser tote la gent.
C'est li escuz de faus argent
A une bende d'eresie,
Floureté de mauvese vie,
A i. blame de mauvestié,
A l'engeignie de faintié,
Au miroër de fausseté,
A i. label d'iniquité,
Que portent li dieu anemi,

Ложь

Щит из дурных деяний,
С ромбами ложных новостей,
На просечном щите как близнецы³¹⁹
Лесть и подхалимство;

Лесть

Приятен герб лести,
И напоминает больше предательство,
Нежели клевету,
Он украшен притворными словами
Титло льстеца,
Кто лесть саму распознал.

Лицемерие

Красив щит у лицемерия,
Он по праву украшен,
Потому что тот, кого он скрывает
Морочит всех людей.
Это щит из фальшивого серебра
С перевязью еретических заблуждений,
Процветший нечестивой жизнью,
С позором дурных деяний,
Ухмылкой притворства,
Зерцалом фальши,
Титлом несправедливости,
И с изображением Врага Божьего,

³¹⁹ *Jumelles* – геральдический термин, обозначающий фигуру в виде двух узких поясов. Дословно с французского термин переводится как «близнецы». В русской традиции эту фигуру принято называть «брусья», что семантически никак не связывается с темой романа.

A i. faus escucel en mi
Peint de faus religion;

16. Ereisie, 878-889:

Ereisie ot escu trop cointe,
C'uns popelicans ot portet
A i. faus point, a i. faus tret
De faus interpretacion.
Mainte mauvese opinion
I orent erege portrete
D'une senefiance, frete
D'un argument d'iniquité
A i. faus escucel listé
D'avarice et d'ipocresie
A i. loier de simonie,
Guerredoné de dampnement;

17. Bougre, 900:

L'escu d'or, d'azur bendé;

18. Larrecine, 922-929:

Le noir escu bendé de nuit
Ot larrecins au col pendu
Et d'unes forches apendu
Ot en l'escu i. cheval fust,
Et sembloit, que losengiéz fust
D'un rencontre, et d'une chaance,
A i. sautoir des meschaance,
A i. label de meins crochues;

Держащего дурной просечной щиток,
Окрашенный ложной религией;

Ересь

У Ереси был эlegantный щит,
На котором были изображены пеликаны
Неверные шаги, неверный вывод
Из неверных трактовок.
Много дурных идей
Изобразил на нем еретик
Как знак, переплетенный
Несостоятельными аргументами
И с просечным щитком, разлинованным
Алчностью и лицемерием
С наградой за симонию
Дарованной проклятьем;

Еретики (?)

Золотой щит пересеченный лазурью

Воровство

Щит из ночи пересеченный черным
Висел на шее у воровства,
Подпертый вилкой.
На щите был изображен конь,
И как будто ромбы из
Случайных встреч и шансов,
Косой крест неудачи
И титло из крючковых рук.

19. Murtrice, 938-941:

Murtrice ot son escu tot plein,
Fors tant, qu'il i ot i. label
De tenebres parant et bel,
A i. tigre de cruauté;

20. Lecherie, 992-995:

Escu portoit parant et bel
Parti d'outrage et de delices,
Et si estoit par granz devices
Bendez de geueles et de langues;

21. Glouternie, 997-1002:

Armes de geules engouleés,
Transglouties a granz goulées,
Engorgiées de vilenie,
A i. loier de glouternie,
A la fesse de desmesure
Cointes estoit a desmesure.

22. Outrage, 1006-1008:

C'ert uns escuz a iii. tортаeus
Moisiz d'orgueil, crostelevez,
D'un trop levant levein levez;

23. Fornication, 1018-1024:

Escu avoit de vilenie,
A i. besier de dampnement,
A i. sautoir de jugement,
Qui l'escu porprent et sormonte,
L'escu au mirëor de honte,

Убийство

У убийства был щит простой
Такой, что на нем имел титуло
Из темноты кромешной,
И с тигром из жестокости.

Похоть

Несла щит красивый, разделеный
на безобразие и удовольствие,
И для большего украшения
Пересеченный глотками и языками;

Обжорство

Красный щит, уже положенный в рот,
Почти проглоченный огромной глоткой,
Обрамленный злобой,
С вознаграждением за обжорство,
Пояс безразмерный
Украшенный безмерно;

Безобразие

Щит с тремя хлебами³²⁰,
Покрытыми плесенью гордости,
Растущей как на дрожжах;

Блуд

Щит из низости,
С поцелуем проклятья,
С косым крестом осуждения,
Который занимает весь щит,
Щит с зеркалом стыда,

³²⁰ Французское слово *tортаeus* обозначающее «круглый хлеб» является также геральдическим термином для обозначения фигуры в виде круга.

Eschequeté et entechié
De meinte teiche de pechié;
24. Avoutire, 1046-1049:
Escu de trop haute laidure
Ot cil honteus, dont je vos conte.
C'est li escu bendez de honte
Bordez d'abhominacion.

25. Guersois, 1082-1087:
Ses escu, qui ne doute rien,
Estoit portrez de glouternie
Au mirëor de vilanie,
A un sautoir de desmesure;

26. Yvresce, 1094-1095:
Escu d'Orliens bendé d'auceurre
Au label de pies de henas;

27. Hazarz, 1118-1121:
Escu bendé de larecin
Ot hazarz a iii. dez du meinz,
A i. label de males meins
Atachié a faus serments;

28. Ribaudie, 1130-1136:
Une targe, trop bien parant
Avoit d'un eschequier poli,
S'avoit entre hasart et li
I. label par reconoissance,
Qui portrez fu de meschaance;

Шахматным и запятнанным
Многими следами греха;
Прелюбодеяние
Щит из высшей степени бесчестия
Такого постыдного, я вам скажу.
Щит, пересеченный стыдом
Окаймленный отвращением;

?
Его щит, без сомненья,
Был весь из обжорства
С зеркалом низости и
Косым крест чрезмерности;

Пьянство
Щит Орлеана, пересеченный на Овернь,
С титлом из ножек от стаканов;

Азарт
Щит, пересеченный воровством
Держал Азарт в трех руках,
С титлом из дурных рук,
Дающий ложные клятвы;

Дебош
Щит нес нарядный очень
Из гладкой шахматной доски,
А для отличия от Азарта
Имел титло,
Изображавшее несчастье.

29. Folie, 1156-1162:

Ot une targe de dais de fol
Que je ting a merveille bele,
Car iii, fromages de feisele
I ot assis sus niceté,
A i. faus escusel listé,
Qui est portrez de derverie
A i. label de frenesie;

30. Cuoardie, 1186:

L'escu pale a lievre rampant;

31. Peresce, 1208-1213:

Escu avoit d'os d'olifant,
A songes endormiz asis.
Lairons endormiz jusqu'a vi.
I ot asis sus ignorance;
Bendes estoit de negligence
A i. label de nonchaloir;

32. Christ, 1267-1275:

Portoit escu merveille noble,
A une grant croiz de sinople
Asise sor or esmeré,
Tres menuëment esteté;
Boglez estoit, mes en la bougle
Ot asis i. cler escharboucle
Entre iiiii. Evangiles blanches
Pourtrez et eseciz en ii. Manches
De la chemise nostre dame;

Глупость

Щит из трона дурака
Показался мне чудесно красивым,
Три сыра в сетке
В поле из наивности,
С просечным щитком в полоску,
Расписанным безумием
С титлом помешательства;

Трусость

Щит рассечен, в нем восстающий заяц;

Лень

Имела щит слоновой кости
Слона улегшегося спать.
И так проспавшего всю жизнь.
Цвета невежества;
Пересечен был щит пренебрежением
И с равнодушия титлом;

Христос

Нес щит чудесный, благородный,
В нем алый крест имел огромный
На чистом золоте,
Тонкой работы;
Имел умбон, в который помещен
Карбункул чистый
Меж 4 белых Евангелий
Изображенных на 2 руках
Рубахи Нашей Богоматери;

33. S.Michiel, 1370-1371:

L'escu d'or a elles d'argent
Ot, enpenées de messages;

34. Gabriel, 1376-1379:

C'ert uns escuz celestiaus,
Touz estelez, c'ert li escuz
D'azur, enpenez de saluz
Don't nostre dame salua;

35. Raphael, 1384-1394:

Ses armes furent a eagleaus
D'or esmeré en vert assis
A i. poison, qui i fu mis,
Pour ce qu'il porte medicine
Greignor, que pierre ne racine
Que Thobie pescha en mer;
C'est li poisons, de cui amer
Raphael rendi la vëue
Thobie, qui li ot tolue
La rondele, se ne nos ment
La leitre du vieiz testament;

36. Virginite, 1516 -1519:

Li escus ert plus blans que signes,
S'ert estelez de meintle jame,
Bendez de saluz npstre dame,
Chevronez de festes anniex.

37. Abstinence, 1550-1551:

Et portoit l'escu losengié
De gëunes et d'atemprenence;

Архангел Михаил

В золоте серебряный лёт
С перьями из посланий

Гавриил

Щит небесный,
Весь усеян звездами был щит тот
Синий, оперенный спасением,
которое несет Наша Богоматерь;

Рафаил

Его гербом был орел
Из чистого золота в зелени
И рыба, которую тот схватил,
Так как она являлась лекарством
Большим, вросший камень (?)
Которую Товия выловил в море;
То рыбы, чьей желчью
Рафаил вернул зрение
Товию, которого избавил от
Гвоздя (?) как нам о том говорит
Писание Ветхого Завета;

Невинность

Щит был белее лебедей,
Усеянный драгоценными камнями,
Скошенный спасением Богоматери,
С шевроном ежегодных празднеств.

Воздержание

Несло щит ромбовый
Из молодости и умеренности;

38. Religion, 1155-1556:

Ele portoit l'escu parti
D'oreisons et d'obidïence.

39. Pacience, 1563-1569:

S'ot escu de comfession
Losengié de componcion
Et de pitié a une manche,
Blanche com noif, qui siet sor
branche,
Qu'ostée avoit de sa chemise
La Madalaine, et l'avoit mise
En l'escu par grant aliance.

40. Umelité, 1590-1593:

L'escu d'or ot, quie bien li sist,
Bendé de simple contenance
Au label de bone esperance;

41. Noblement, 1626-1631:

Tuit cil orent l'escu d'argent,
A une croiz de paciënce,
A i. baston de penitence,
Cloé par grant devocïon
De dous poinz par componcion
El baston, qui bien I avint;

Религия

Она несла щит рассеченный
На молитвы и послушание;

Терпение

Имело щит из исповеди
С ромбами раскаяния,
С состраданием на рукаве,
Белым как снег на ветке,
Который был оторван от рубашки
Магдалины, и был помещен
На щит в знак согласия.

Смирение

Щит из золота крепко держал,
Скошенный сдержанностью
С титлом доброй надежды;

Благородство

Имел щит серебряный,
С крестом терпения
И перевязью покаяния,
Для верности была прибита
Преданностью в двух местах
Та перевязь его.

42. Largesce, 1644-1649:

C'estoit li escuz losengiez
De promesses et de beaux dons,
A un cartier de guerredons
Des armes au grant Alisandre,
Qui, por tot doner et esandre,
Ot i. label d'overtes meins;

43. Proesce, 1698-1703:

L'escu d'anour bendé d'argent
Port proesce, dont li our
Estoient bendé de valour,
A i. liepart de hardement,
Au lion d'or creté d'argent,
Billeté de cous sauz menaces;

44. Amor, 1718-1729:

Qui, porte l'escu paint a flour,
D'or sour azur a une dance,
Portrete de bone esperance,
Au miroër de courtoisie,
L'escu qui est sanz vilenie,
A iiii. roussignous d'argent,
A l'esprevier Courtois et gent
Qui de voler ne se repose
L'escu a une passe rose,
Asise sour or floreté,
Au label de joliveté
Qui tout le tornoi enlumine;

Щедрость

То щит был ромбовый
Из обещаний и благих даров,
С почетной четвертью
Из герба Великого Александра,
Который щедро раздавал,
С титлом из открытых рук;

Храбрость

Чередовались честь и серебро
В щите Храбрости, а золото
Чередовалось с доблестью,
На нем леопард смелости,
Со львом из золота с серебряною
гривой,
Усеянный точными ударами;

Любовь

Несла щит расписанный цветами,
Из золота на синем и с зубчатым
Поясом доброй надежды,
С зеркалом куртуазности,
Был тот щит без низости,
С четырьмя серебряными соловьями,
И ястребом прирученным и скромным
Не знающим покоя от охоты.
Щит с розой,
Средь золота процветшего,
С титлом из красоты
Которая освещает любой турнир;

45. Courtoisie, 1826-1827:

Ele avoit escu de franchise,
De beles parolles bendé;

46. Sapience, 1876-1879:

L'escu letré d'or et d'argent
Avoit plus reliusant qu'espars.
C'estoit li escuz as vii. ars,
Bendez d'onour et de conseil;

47. Providence, 1892

Et portoit son escu demeine,
A i. cartier d'or foilleté
Et d'euz de paon oilleté,
Por loing voër et esgarder;

48. Justice, 1936-1939:

Justice avoit l'escu douté
Letré de decrez et de lais,
Por justicier et clers et lais,
Qui trop est beaus a aviser;

49. Charite, 1941-1944

Qui portoit l'escu a ii. signes,
Doré de nette conscience;
Et I ot portret sapience
Escuceaux de totes vertuz;

Куртуазия

Она имела щит из благородства сердца
Пересеченного красивыми словами;

Мудрость

Был щит исписан золотом и серебром
И ярче молнии сиял.
Щит был из 7 искусств и в нем
Чередовались честь и совет;

Провидение

Несла свой щит грядущего
С четвертью из сусального золота
Блестящего павлиньими глазами
Чтоб дальше видеть и смотреть;

Справедливость

Щит Справедливости был из сомнений
Исписан декретами и законами
Для правосудия честного
Которое так радостно созерцать;

Благотворительность

Несла щит с двумя лебедями,
Покрытый золотом чистой совести;
И на нем мудрость
Со щитками всех добродетелей;

**50. Aumone, Pitié, L'humanité,
Vérité, 1954-1959:**

I escuz c'orent grant fiance,
Car d'une bende d'alliance
Erent bendé, et m'en recorde
Que a losenges de concorde
Et d'amour ierent losengié;

51. Artus, 1980-1981:

Qui portoit l'escu au dragon
de geules en argent asis;

52. Gauveins, 1984-1985:

Gauveins portoit l'escu parti
De proesce et de cortésie;

53. Ivains, 1987-1990:

Qui ot escu de bele guise
Parti d'amor et de franchise,
A i. lioncel de proesce
A meins overtés de largesce;

**54. Gorvains et Meraugis,
1996-1997:**

Et orent armes mi parties
De beauté et de courtoisie;

55. Perceval, 200-2007:

Perceval ot armes vermeilles,
Qu'il toil jadis en Illande
Au vermeil de la rouge lande,
Quant il fu chevaliers noviax;

**Милостыня, Милосердие, Мораль,
Истина**

Имели щит надежный
Пересеченный перевязью союза
И, как у меня записано,
С ромбами согласия
И ромбами любви;

Артур

Нес щит с драконом
Красным в серебре;

Гавейн

Гавейн нес щит рассеченный
Храбростью и куртуазностью;

Ивэйн

Имел щит красивый с виду
Рассеченный любовью и благородством,
Со львом храбрости
И открытыми руками щедрости;

Горвейн и Мерожис

Щиты имели рассеченные
Красотой и куртуазностью;

Персеваль

Вооружение Персеваля было алым,
Как алая земля Ирландии
Которую он оставил,
Когда он стал новым рыцарем.

56. Quiex, 2010-2016:

Ot les armes detraccïon,
Endentées de felonie,
A ramposnes de vilenie,
A iii. tourteaus fez et farsiz
De ramposnes et de mesdiz,
Qui trop bien en l'escu avindrent;

Кей

Имел вооружением клевету,
Зазубренную с вероломством
Насмешками подлости,
Тремя пирогами с начинкой
Из насмешек и лжи
Хорошо расположившихся на щите.

Приложение IV. Блазоны «Турнира в Шованси».

Поэма Жака Бретеля «Турнир в Шованси» содержит 27 упоминаний гербов, из которых 3 повторяются. Манускрипт Bodleian Library, MS. Douce 308, содержащий текст поэмы, также сопровождается иллюстрациями рыцарей и их гербов, которые могут быть использованы для уточнения блазона, поэтому также приводятся ниже согласно с правилами использования электронных изображений Бодлянской библиотеки³²¹.

1. **Ferri de Louppy**, v. 454-455, изображен на листе 111r:

Un chevalier d'armes vermoilles	Рыцарь, вооруженный красным,
A cinq annes d'or en l'escu;	Пять серебряных колец на щите;

Лист 111r

³²¹ Цифровое факсимиле манускрипта MS. Douce 308 [Электронный ресурс] URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/inquire/Discover/Search/#/?p=c+0,t,rsrcs+0,rsrcs+10,fa+,so+ox%3Asort%5Easc,scids+,pid+dd9d1160-196b-48a3-9427-78c209689c1f,vi+637930c2-4d46-4616-8980-6c16717d5268> (дата обращения 25.11.2019).

2. **Miles S.Thil-Châtel**, v.649, изображен на листе 112v:

L'escu vermeil a iii. aniaus	Щит красный с тремя кольцами
D'argent au col qui (...);	Серебряными у шеи;

3. **Ferri de Sièrck**, v.668-669, изображен на листе 112v:

D'armes plus belle (...)	Вооружение самое красивое (...)
Si parement qui d'or estoient.	Кажется как будто из золота.
Bendes de guelles appraoient	С перевязью красной с наложенными
A trios coquillettes d'argent;	Тремя серебряными раковинками;

Лист 112v

4. **Pierre de Grailly**, v.795-761, изображен на листе 113v:

Un escu d'or, á la crois noire;	На щите из золота черный крест;
Et en la crois, si com j'espore,	На кресте, я полагаю,
Avoit cinq coquilles d'ergent;	Пять серебряных раковин;

Лист 113v

5. **Henri de Briey**, v.862, изображен на листе 114r:

L'escu d'or a trois pies de guelle

В щите золотом три красных столба

Porte, sans nule autre ensaigne;

Нес без каких-либо других знаков;

6. **Он же**, v.1082-83:

Cil qui porte l'escu pale

Тот, кто нес щит (многократно)

рассеченный

D'or et de guelles;

На золото и красный;

7. **Conrad Werner**, v. 898-901, изображен на листе 114r:

Un chevalier d'armes couvert,

Рыцарь, покрытый вооружением

D'or fin, á un caintour vermeil;

Из чистого золотого, с красным

Et si porte par desparoil,

косым крестом; И нес для различия

Un molette d'or en chief.

Золотое шпорное колесико в главе;

8. Он же, v. 3236-7:

Si riche que trop me mervoil
Ca ce fu dun samis vermeil
A une crois dargent desus
Angles samblois qui soit issus;

Так богато, что меня удивило,
Был сделан из красного шелка
С крестом серебряным на нем
Напоминал Ангела, сошедшего;

Лист 114 r

9. Robert de Watronville, v. 1098:

L'escu d'or á la crois vermoille;

Щит золотой с красным крестом;

10. Raoul de Baissy, v.1206-1208:

Parei d'un fins estoit vermaus

Одеяния были красного цвета

La blanche face de traverse;

С белым поясом;

11. Rainier de Creüe, 1410:

L'escu d'or á la crois de sable;

Щит золотой с черным крестом;

12. **Hugues Beckart**, v.1461-1462:

Estoit armez d'armes vermoilles	Вооружен красным
A chevron d'or;	С золотым шевроном;

13. **Jean Porret**, v.1476-1478:

Quil estoit plus noir que airemens	Был черен как чернила
Fors tant qu'il y ot trios gemelles	На нем трижды два узких пояса
De fin or;	Из чистого золота;

14. **Waleran (III) 'le roux' de Limbourg**, v.1556-1558:

En celui à l'escu d'argent	На серебряном щите
Qui porte la vermoil lyon	Красный лев
A la cheue forchie en son;	С раздвоенным хвостом;

15. **Geoffroi d'Apremont**, v.1581-1583:

Darmes vermoilles fu pares	Был вооружен красным
En lescu si com vos ores	На щите как будто для молитв
Ot une crois d'argent asise;	Серебряный крест;

16. **Henri de Blâmont**, v.1737, изображен на листах 117r и 131r:

Parez d'unes armes vermoilles,	Одеян в красное вооружение
Et bien li sient á mervoilles,	Был чудесен
Li deux saumont d'argent batu;	С двумя противоположенными форелями;

17. Он же, v. 3169-3170:

Maucervet au vermeil escu,

На красном щите

A deux saumons d'argent batu;

Две противоположенные форели;

Лист 131r

18. Неизвестный рыцарь, v. 1767-1769, изображен на листе 117r:

Que les escus d'azur estoit,

Был со щитом синим

Et li atours que il vestoit

С золотым зазубренным крестом;

A une crois d'or endentée.

Лист 117r

19. **Waleran de Luxembourg**, v. 1873-1875, изображен на листе 118v:

Va chevauchet l'escu au coul,
 D'argent et d'azur burelé,
 U un chief d'or fin esmére,
 A un vermoil lyon rampant;

Ехал верхом со щитом у шеи
 Серебряным (многokrатно)
 пересеченным на синий
 В золотой главе
 Красный восстающий лев;

Лист 118v

20. **Joffroi de Neuville-sur-Ornain**, v. 1975-76, изображен на листе 119v:

D'argent sont á la crois vermoille:	В серебряном поле красный крест
Lambiaus I a pour desparelle;	С одним титлом для различия;

21. **Baudouin d'Auberchicourt**, v. 1997, изображен на листе 119v:

L'escu vert ou chief herminei	Щит с зеленый с горностаевой главой
L'orle de guelles endenté;	Красная зазубренная кайма;

Лист 119v

22. **Pierre de Beaufremont**, v. 2038-2039:

D'or et guelles fu vairiez.	Золотой и красный беличий
A un baston d'azur moult cointe;	Синяя элегантная перевязь;

23. **Jean de Rosières-aux-Salines**, v. 2114:

Embracant l'escu losengiez;	Держал щит ромбовый;
-----------------------------	----------------------

24. **Gérard de Looz**, v. 2197-2198, изображен на листе 120r:

D'or et de gueulles fu bendez;	(Многократно) пересеченный на золото и красный
Lambiaus d'azur et besantez	С титлом синим, обремененным безантами
Out en ses armes par cointise;	Для красоты;

25. **Renaud de Trie**, v. 2218-2221, изображен на листе 120r:

Vallés, c'est cist as armes d'or,
 A celle bende troucenée,
 D'argent et d'azur est litée,
 A deux bastons vermaus en coste;

Валет в золотом вооружении
 С перевязью чередующейся
 Серебром и синим
 Заключенной в две узкие красные
 перевязи;

Лист 120r

26. **Louis (V) de Looz**, v. 3151:

Ainsi vermoilles come feu,
 A deux bar d'or et á croisette;

Также красный
 С двумя золотыми поясами и
 крестиком;

27. **Geoffroi d'Esch**, in v. 3215-3216:

D'argent de guelles burelés.

(Множественно) пересеченный на
 серебро и красный.